

THE LIBRARY OF CONGRESS

ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ.

I.

СМЫСЛЪ ИСТОРІИ.

ИЗДАНІЕ

Н. НЕКЛЮДОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛЮДОВА)
Вас. Остр. 8 л., № 25.

1865.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 19 ноября 1865 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Человѣческая мысль всегда стремилась провести точную границу между природой, какъ царствомъ необходимости, и исторіей, какъ царствомъ свободы.

И въ природѣ и въ исторіи намъ представляется преемственный рядъ смѣняющихся событій.

Но природа обыкновенно считается только собраніемъ событій, которыя, не будучи соединены планомъ поступательнаго развитія, представляютъ собой примѣры извѣстныхъ всеобщихъ законовъ. Напротивъ, ряду событій, образующихъ жизнь человѣчества, мы считаемъ необходимымъ придать смыслъ исторіи, которой конецъ цѣннѣе начала, и цѣлость утрачиваетъ всю свою цѣну, если въ ней видѣть несвободное повтореніе того, что уже вполнѣ существовало еще до своего появленія въ формахъ времени. Мы не можемъ счесть напрасной всю страстную трату тоски и раскаянія, любви и ненависти, наполняющую исторію; а эта трата была бы напрасна, если бы тече-

ніе исторіи нисколько не измѣнялось отъ ея вліянія, а было безразличнымъ развитіемъ однажды положенныхъ началъ.

Правда, жизнь человѣка, по свидѣтельству опыта, входя въ отношеніе съ внѣшнимъ порядкомъ природы, вездѣ вполнѣ подчиняется его законамъ. Человѣческія породы происходятъ и погибаютъ по тѣмъ же законамъ и въ тѣхъ же формахъ, какъ и породы животныхъ; внѣшнія силы природы щадятъ разумный духъ не болѣе, чѣмъ неразумное твореніе; ихъ разрушительныя дѣйствія падаютъ на существованіе, имѣющее историческое значеніе, съ такимъ же безразличіемъ, съ какимъ разрушаютъ безжизненныя соединенія веществъ; наконецъ природа никогда не оставляетъ путей своей постоянной дѣятельности въ угоду духа, никогда не радуетъ насъ чудесами золотаго вѣка, въ которомъ случалось все, что было намъ нужно, а не одно то, что составляетъ неминуемое слѣдствіе своихъ предшествовавшихъ причинъ; всякая перемѣна во внѣшнемъ мірѣ совершается согласно съ нашими желаніями только въ той мѣрѣ, въ какой мы производимъ ее нашей собственной дѣятельностью, пользуясь естественными средствами, и приспособляясь къ законамъ природы. Наше бытіе, страданіе, дѣйствованіе стоятъ въ полной зависимости отъ естественной необходимости.

Но наша духовная жизнь, хотя получаетъ свои

возбужденія отъ природы, и въ своихъ воздѣйствіяхъ зависитъ отъ ея вспомогательныхъ средствъ, сама непосредственно не есть составная часть естественнаго порядка. Между возбужденіями и воздѣйствіями на нихъ лежитъ область особеннаго рода, область внутренней переработки пріобрѣтенныхъ впечатленій. Здѣсь могутъ происходить безчисленныя явленія, въ которыхъ уже нельзя видѣть простаго продолженія дѣйствій, начатыхъ въ насъ внѣшнимъ міромъ; здѣсь полученныя отвнѣ возбужденія могутъ входить въ безчисленныя соединенія сообразно съ точками зрѣнія лежащими выше всей природы; эти точки могутъ возбуждать насъ къ такому воздѣйствію на внѣшній міръ, которое далеко превышаетъ силы и законы одной природы. Такимъ образомъ въ области природы и ея непрерывной связи оказывается возможной и исторія.

Уже въ древнія времена много разъ пытались объяснить происхожденіе этой исторіи, и крайнія мнѣнія, господствующія теперь, появлялись и тогда. На первый взглядъ цѣлость человѣческаго образованія представлялась такъ чудесной, что его происхожденіе казалось непонятнымъ безъ особеннаго божественнаго содѣйствія. Въ раннее время благочестивыя саги искали въ благодѣяніяхъ боговъ объясненія на происхожденіе благъ человѣческой жизни. Общественныя неустройства съ своей стороны содѣйствовали

укрѣпленію печальнаго представленія о золотомъ прошедшемъ вѣкѣ, въ которомъ спокойное, простодушное человѣчество жило въ мирѣ съ самимъ собой и природой до тѣхъ поръ, пока, вмѣстѣ съ развитіемъ разума, не явились вражда и страсть, или, быть можетъ, эти послѣднія не пробудили дремлющихъ способностей познанія. Этому образу прекраснаго начала и несчастнаго продолженія рано была противопоставлена другая картина первоначальной животной грубости, изъ которой человѣчество, внимательно пользуясь уроками опыта и страданія, постепенно выходило, и пріобрѣтало богатство своего образованія, исполненнаго противорѣчій, вмѣстѣ и удивительнаго и несчастнаго. Тотъ и другой взглядъ съ безчисленными оттѣнками повторялись въ послѣдующія времена, рѣдко безъ особенной наклонности къ предположеніямъ, вредившимъ безпристрастному изслѣдованію дѣла.

Уже древній взглядъ, противопоставившій божественному происхожденію историческаго образованія земное развитіе, происходилъ изъ ясной враждебности ко всякому религіозному міросозерцанію; раціоналистическое просвѣщеніе, долго господствовавшее надъ мнѣніями въ новѣйшее время, точно также было несвободно отъ умышленнаго пренебреженія ко всему тому, что въ тёмныхъ началахъ исторіи указывало на факторы, отличные отъ счастливыхъ слу-

чаевъ и изобрѣтательности умныхъ людей. Раціоналисты объясняли государство договоромъ, заключеннымъ честными людьми прежняго времени, языкъ—соглашеніемъ пользоваться извѣстными звуками, какъ сообразными съ цѣлью средствами сообщенія, правила нравственности—частью всеобщимъ признаніемъ того, что случайно было найдено полезнымъ, частью предписаніями дальновидныхъ воспитателей, наконецъ происхожденіе религіи—естественнымъ влеченіемъ къ суевѣрію, и коварной эксплуатаціей этого влеченія со стороны жрецовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ раціоналисты ставили первой причиной образованія разсчетъ, который на самомъ дѣлѣ можно встрѣтить только уже при достаточномъ развитіи образованія, и потому они не разрѣшили своей задачи. Раціоналисты безспорно правильно понимали потребности историческаго объясненія, хотя слабо удовлетворяли имъ. Если ихъ взглядъ на исторію далеко не пользуется благосклонностью настоящаго времени, то въ этомъ виновата не судьба, отъ которой, быть можетъ, не уйдетъ никакой другой взглядъ, а его очевидное стремленіе — считать совершенно произвольнымъ дѣломъ человѣческихъ рукъ все, что должно совершаться, конечно, посредствомъ людей.

Тотъ вполнѣ превратный взглядъ, что исторической жизни первоначально предшествовало состояніе нравственной святости и глубокомысленнѣйшей мудрости,

и что все послѣдующее время состоитъ только въ отпаденіи отъ этого состоянія, и въ борьбѣ съ отпаденіемъ, едва ли въ настоящее время имѣетъ послѣдователей. Если бы онъ имѣлъ ихъ, то они едва ли бы испугались того возраженія, что только развитіе несовершеннаго къ совершенному, а не въ противоположномъ направленіи, имѣетъ за себя всѣ аналогіи природы. Кто однажды рѣшился видѣть въ исторіи болѣе, чѣмъ естественный процессъ, и считать ее частью въ великомъ божественномъ планѣ міра, тотъ будетъ и увѣренъ, что ея теченіе можетъ быть гораздо глубокомысленнѣе простой формулы прямолинейнаго движенія. Быть можетъ его многіе извороты непонятны только для насъ, но, будучи однажды поняты, откроютъ живой смыслъ безконечно высшей цѣны, чѣмъ тощая композиція постояннаго развитія безъ катастрофъ. Не напрасно различныя времена и народы съ благоговѣніемъ выработывали представленія объ отпаденіи отъ лучшаго бытія, покаянномъ значеніи исторической жизни и о примирительномъ возвращеніи къ утраченному блаженству въ концѣ вещей; этимъ они засвидѣтельствовали, что духъ, когда не забываетъ собственнаго бытія и существа изъ–за аналогій недуховнаго существованія, вѣритъ въ нѣчто, совершенно отличное отъ прогресса, который не можетъ жаловаться ни на какія утраты, а только занятъ собственноручнымъ производствомъ всѣхъ благъ (вре-

менныхъ, житейскихъ). Но какъ далеко ни проникало историческое изслѣдованіе, оно ни на шагъ не приблизилось къ земному существованію первоначальнаго идеальнаго состоянія; послѣ этого едва ли можно считать спорнымъ то мнѣніе, что наше образованіе выросло изъ простыхъ естественныхъ началъ путемъ постепеннаго, многократно прерывавшагося развитія.

Впрочемъ эта уступка не исключаетъ сверхъестественнаго начала нашего образованія; вслѣдствіе нея должно только на мѣсто первоначальнаго человѣчества поставить мысль о божественномъ воспитаніи, руководившемъ естественныя способности нашего рода дотолѣ, пока онъ получилъ возможность самъ продолжать свое образованіе. Ясная или умолчанная прибавка о прекращеніи руководства съ той поры показываетъ намъ, что на первое время ему приписываются особенныя и болѣе ясныя формы, нежели въ продолженіи исторіи. Чтобы обсудить это мнѣніе, мы разсмотримъ болѣе опредѣленные способы его выраженія.

Никто нынѣ не начнетъ воспитанія человѣчества обращеніемъ съ богами, ходившими по землѣ въ видимомъ образѣ. Мы находимъ въ первоначальномъ времени *) не непогрѣшимую мудрость, превышающую человѣческія силы, а свидѣтельства то объ удачныхъ,

*) Само собою понятно, что здѣсь разумѣется время послѣ утраты первозданными состоянія невинности. *Пр. Дух. Ценз.*

то объ ошибочныхъ стремленіяхъ къ знанію,—не совершенное разчлененіе общества, которое можно приписать только божественному учрежденію, а простѣйшія формы жизни, легко объяснимыя изъ естественныхъ отношеній и естественной уступчивости, и болѣе сложныя, очень по-человѣчески смѣщанныя изъ гордости и страха, хитрости и насилія, — не вѣру, истина которой, будучи недостижима для насъ на иныхъ путяхъ, требуетъ откровенія, а религіи, въ которыхъ развиваются представленія очень различнаго достоинства,—не первоначальный языкъ божественнаго построенія, а множество различныхъ выраженій общей способности къ слову. Совершенство, свободное отъ недостатковъ во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, можетъ быть объяснено только продолжительнымъ обращеніемъ съ высшими существами; то, что мы находимъ дѣйствительно,—способностъ и стремленіе къ изобрѣтенію, плодоносная сила творчества, не исключающая заблужденія, не требуетъ такихъ предположеній.

Но, быть можетъ, болѣе скрытое, хотя столь же непосредственное дѣйствіе божества на духъ человѣчества, въ состояніи замѣнить это неприложимое къ дѣлу представленіе. Настоящій процессъ человѣческой душевной жизни, кажется, не обладаетъ средствами, необходимыми для перваго обоснованія образованія; другое общее состояніе всѣхъ духовныхъ

способностей должно лежать въ основанiи этого начала, и, быть можетъ, оно само превратилось въ настоящее состоянiе душевной жизни подъ естественными влiянiями прогресса. Это мнѣнiе допускаетъ два различныя, болѣе опредѣленныя выраженiя, и оба они мало вѣроятны. Догадка,—будто всеобщiе законы, по которымъ въ первоначальное время соединялись внутреннiя событiя въ душевной жизни людей и животныхъ, отличались отъ законовъ, дѣйствующихъ теперь,—для насъ невѣроятна, для другихъ безплодна. Иные законы теченiя представленiй, не основывающiеся и на иныхъ источникахъ познаваемаго содержанiя, или на необыкновенной духовной возбужденности, привели бы не къ новымъ развитiямъ, а только къ страннымъ, несоотвѣтствующимъ своей цѣли, но отнюдь не къ тѣмъ, изъ которыхъ безъ существенныхъ перерывовъ выросло наше историческое образованiе. Тоже должно возразить и противъ того объясненiя, по которому въ первоначальное время имѣли иную природу и соединялись между собой иначе, чѣмъ теперь, не всеобщiе законы душевной жизни, а подчиняющiяся имъ настроенiя, наклонности, воспрiемлемость и стремленiя души. Конечно глубокосодержательная природа души, обнаруженiя которой формально опредѣляются и развиваются въ свои слѣдствiя по всеобщимъ законамъ, но не производятся ими, въ различныхъ душахъ мо-

жетъ быть очень различна. Но кто доводитъ своеобразность первоначальнаго духовнаго состоянія до сходства съ животнымъ инстинктомъ, до бѣснованія, до ясновидящаго лунатизма, тотъ забываетъ, что мы желаемъ вывесть изъ первоначальнаго состоянія не дикія и странныя явленія, а начала нашего хорошо извѣстнаго развитія. Мы не отвергаемъ, что внутренній міръ первоначальнаго времени былъ очень своеобразенъ. и намъ невозможно вполнѣ перенестись въ него: но мы находимъ, что это предположеніе, если держать его въ умѣренныхъ границахъ, не представляетъ значительныхъ преимуществъ, а безъ такихъ границъ оно негодно для объясненія того, что мы желаемъ объяснить.

Такое же сомнѣніе возбуждаетъ въ насъ и тотъ взглядъ, который ищетъ средоточіе первоначальнаго душевнаго состоянія въ религіозной жизни. Конечно единство въ религіозныхъ вѣрованіяхъ есть одна изъ самыхъ существенныхъ связей, обосновывающихъ союзъ народа...

Но единствомъ вѣры ни сколько не объясняется ни происхожденіе, ни строеніе языка, который былъ общимъ у всего первоначальнаго человѣства; точно также остается темнымъ, какъ расколъ въ вѣрѣ, происшедшій изъ не извѣстныхъ основаній, могъ привесть къ смѣшенію языковъ, отъ котораго всѣ предметы обык-

новенной жизни, не стоявшіе ни въ какомъ близкомъ отношеніи къ религіозному кругу мыслей, должны были получить новыя и различныя между собой названія. Противъ этого легко можно возразить, что въ человѣческой жизни нѣтъ ни одного такого обособленнаго и одиночнаго явленія, которое бы не испытывало на себѣ вліянія религіозной вѣры и ея особенностей. Но если не довольствоваться безформеннымъ благовѣйнымъ трепетомъ, который возбуждается этимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ правильной мысли, то нельзя не замѣтить, какъ постепенна и разнообразна связь человѣческихъ вещей съ божественными. Ни въ жизни, ни въ наукѣ для истинной религіозности не возможно, не необходимо и не желательно непосредственно дѣлать изъ міра природы и человѣческой свободы тѣнь и отображеніе небеснаго царства, и отнимать у этого міра ту относительную самостоятельность, съ которой онъ производитъ свои созданія ближайшимъ образомъ изъ своей собственной силы.

Намъ нужно коснуться еще взгляда, который уже сближаетъ представленіе о таинственномъ началѣ человѣческаго образованія съ мыслью объ естественномъ развитіи. Когда впала въ немилость раціоналистическая привычка строить всякую связную цѣлость этого образованія изъ извѣстнаго числа маловажныхъ слу-

чаевъ и изобрѣтеній, тогда начали объяснять формы общества, образованіе нравовъ, строеніе языка и связь религіозной вѣры органическимъ развитіемъ. Въ этомъ взглядѣ особенно выступаютъ на видъ два пункта. Именно во первыхъ, то, что происходитъ органически, должно, не завися отъ нашей сознательной и свободной дѣятельности развиваться съ необходимостью изъ природы нашего духовнаго существа. Во вторыхъ и то, что между различными индивидуумами дѣлается общимъ благомъ образованія, должно не происходить изъ ихъ сознательнаго и очевиднаго взаимодѣйтвія, а быть непосредственнымъ произведеніемъ одного общаго всѣмъ имъ духа.

Властвованіе въ насъ безсознательной необходимости не требуетъ никакого доказательства. Каждое отдѣльное ощущеніе свидѣтельствуетъ объ этомъ, потому что мы не избираемъ того ощущенія, которымъ хочемъ отвѣтить на внѣшнее раздраженіе; каждое чувство гармоніи или диссонанса есть непроизвольное выраженіе чего-то такого, что случается въ насъ непонятно для насъ, и безъ нашего содѣйствія; прервавшійся рядъ тоновъ мелодіи побуждаетъ насъ къ отъискиванію ея заключенія не потому, что мы попонимаемъ причину, по которой оно должно явиться, а потому что наше сердце съ непонятной силой стремится закончить свое не законченное движеніе; точно также, и при болѣе сложныхъ процессахъ, несознан-

ныя основанія возбуждаютъ наше стремленіе, и даютъ ему точно опредѣленное направленіе.

Быть можетъ научному изслѣдованію когда нибудь удастся объяснить эти темные процессы; но чего бы оно не достигло здѣсь, трудности естественнаго объясненія началъ образованія не облегчатся и отъ такой удачи. Онѣ заключаются не въ томъ, что въ отдѣльной душѣ развивается связное цѣлое духовной жизни, а въ томъ, что такія развитія, совершаясь въ разныхъ душахъ, образуютъ своимъ соединеніемъ общее духовное достояніе.

И конечно органическое происхожденіе здѣсь не объясняетъ ничего.

Обратимъ вниманіе на примѣръ языка. Безсознательное стремленіе природы можетъ вынуждать каждаго индивидуума къ выраженію своего внутренняго состоянія посредствомъ опредѣленныхъ звуковъ. Какъ бы ни были однородны возбуждаемость, построеніе мыслей и теченіе представленій у членовъ одного племени, но никогда это согласіе не подастъ съ механическимъ однообразіемъ повода къ выбору тѣхъ же звуковъ для тѣхъ же представленій, и тѣхъ же флексій для выраженія тѣхъ же отношеній. Словесный звукъ непосредственно изображаетъ не предметы, одинаковые для всѣхъ, а ихъ впечатлѣнія, различныя у различныхъ лицъ. Даже у одного лица, сообразно съ смѣной настроеній, впечатлѣніе отъ одинаковаго

раздраженія бываетъ одинаково не во всѣ мгновенія; по этому языкъ, при своемъ происхожденіи, долженъ былъ бы всегда называть предметы разными именами, если бы уже существующее имя не сливалось въ нашемъ воспоминаніи съ представленіемъ самого предмета. Слѣдовательно, съ какой бы торжественной темнатой мы ни представляли себѣ силы органическаго стремленія къ языку, конечно, слово всегда сначала выговаривалось отдѣльнымъ ртомъ съ тонкими или толстыми губами. Первоначально оно принадлежало только тому, кто образовалъ его, и дѣлалось общимъ достояніемъ только тогда, когда другіе угадывали его значеніе, и повторяли тоже слово въ томъ же смыслѣ. То, какъ это происходило, вообще объясняется способностью, съ которой и мало одаренныя дѣти, безъ намѣреннаго обученія, овладѣваютъ матеріяломъ языка, и пріучаются къ аналогіямъ измѣненія словъ. Но въ частностяхъ первое происхожденіе языка представляетъ неразрѣшимыя трудности.

Если бы въ образованіи языка участвовали вмѣстѣ и съ одинаковыми правами многіе индивидуумы, то они создали бы для многихъ представленій очень много различныхъ словъ, совершенно независимыхъ другъ отъ друга. Отъ этого долженъ былъ произойти излишекъ въ словахъ; умѣрить его позже могла только потребность взаимнаго пониманія. Въ извѣстной степени это, быть можетъ, дѣйствительно и случилось,

различныя лица, признавая или отвергая слова, образованныя ими независимо другъ отъ друга, могли составить запасъ разнообразныхъ корней, которые мы находимъ въ языкахъ. Кажется, одно и тоже простое представленіе обозначалось многими по звукамъ различными корнями, которые именно потому, что ихъ было болѣе, чѣмъ нужно, впослѣдствіи были раздѣлены между отдѣльными оттѣнками этого представленія. Рядамъ представленій, стоящимъ во взаимной связи, не соотвѣтствуютъ точно такъ же ряды словъ; имена цвѣтовъ имѣютъ между собой не болѣе сходства, чѣмъ названія другихъ чувственныхъ впечатлѣній; названія деревъ стоятъ между собой не въ ближайшемъ этимологическомъ средствѣ, чѣмъ названія птицъ. Эта несистематическая безсвязность въ матеріялѣ языка конечно должна была произойти уже потому, что на фантазію индивидуума, образующую языкъ, предметы дѣйствуютъ не одинаково сообразно съ своимъ сходствомъ, а различно—по очень случайнымъ и смѣняющимся условіямъ. Происхожденіе языка изъ соединенія работъ многихъ индивидуумовъ должно было умножить поводы къ этому разнообразію; оно дошло бы до невозможности пониманія, если бы, какъ мы предположили выше, число равноправныхъ изобрѣтателей словъ было значительно.

Но безъ сомнѣнія языкъ произошелъ не такъ, какъ происходятъ постановленія какого-нибудь внезапно со-

бравшагося общества; уже образовавшееся сокровище словъ съ такимъ же авторитетомъ, какъ и другія жизненныя учрежденія, переходящія по преданію, медленно распространялось въ предѣлахъ фамиліи, группы фамилій, племени и естественнаго преемства родовъ. Творческое стремленіе во всѣхъ областяхъ быстро исчезаетъ, лишь только находится образецъ, подражая которому можно удовлетворить его потребностямъ. По этому существующее слово препятствовало происхожденію другихъ для обозначенія того же содержанія; или они и происходили, но исчезали подобно многимъ словамъ, которыя изобрѣтаются нашими дѣтьми, и забываются, когда ходъ ихъ мыслей входитъ въ связь съ ходомъ мыслей у взрослыхъ. Такимъ образомъ въ остаткѣ оставалось только то многоразличіе языка, которое было результатомъ взаимнаго уравненія между работами немногочисленныхъ фамилій, образовывавшихъ его независимо другъ отъ друга.

Но этимъ путемъ всегда можно дойти только до всеобще употребительнаго сокровища словъ, а не до грамматическаго построенія языка. Есть много законовъ для обозначенія различныхъ отношеній посредствомъ сочетанія, сліянія корней, перемѣны въ нихъ звуковъ, и каждое изъ этихъ средствъ допускаетъ безчисленное множество различныхъ приложеній. При такомъ множествѣ возможностей происхожденіе по-

слѣдовательнаго построенія языка дѣлается загадочнымъ.

И безъ того никакъ нельзя повѣрить, что онъ созданъ въ короткое время немногими людьми; но если предположить для этого болѣе долгое время, то нельзя будетъ понять, какъ, въ преемствѣ различныхъ родовъ и при значительномъ уже количествѣ народа, могла быть признана и получить господство именно одна изъ многихъ формъ языка. Необходимо предположить, что долгое время дѣлались многія попытки къ образованію формъ, и что онѣ, даже отъ уравненія, производимаго взаимнымъ приспособленіемъ, не слились въ одно послѣдовательное построеніе языка. Дѣйствительно ли существуетъ такая послѣдовательность, безъ исключеній въ грамматическомъ построеніи языковъ, и не обнаруживаетъ ли оно слѣдовъ своего разновременнаго происхожденія изъ разныхъ источниковъ? Не употребляетъ ли большая часть языковъ различныхъ стилей построенія другъ подлѣ друга, перемѣны звуковъ въ корняхъ подлѣ прибавокъ въ началѣ и концѣ? Нѣтъ ли разныхъ формъ склоненія и спряженія, равнозначительныхъ по смыслу и достоинству? Не лежатъ ли развалины первоначально различныхъ построеній языка въ полнотѣ формы, хотя въ каждомъ образовавшемся языкѣ она наконецъ и подчиняется преобразовательному вліянію принципа, сдѣлавшагося господствующимъ? Дѣйствительно ли

должно приписывать избытокъ падежей, временъ и наклоненій необыкновенной тонкости первоначальнаго инстинкта языка, который отъ начала заботился съ систематической полнотой и цѣльностью о выраженіи самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ мыслей? Не видимъ ли мы и здѣсь остатковъ первоначально различныхъ попытокъ къ образованію языка; не были ли они только вслѣдствіе своей ненужности употреблены для обозначенія извѣстныхъ различій между мыслями? Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что на всѣ эти вопросы нужно отвѣчать отрицательно, и всѣ примѣры, приведенные выше, ошибочны, но мы желаемъ только объяснить ими нашу мысль о происхожденіи образованія.

Какъ бы ни рѣшился частный вопросъ объ языкѣ, наше общее положеніе отъ этого не теряетъ своей силы. Происхожденіе каждаго общаго духовнаго достоянія предполагаетъ періодъ времени, въ который части работы, органически произведенныя недѣлимыми по необходимости ихъ природы, сливаются въ связное цѣлое посредствомъ ихъ взаимнаго приспособленія. Только отдѣльныя живыя души составляютъ дѣятельные пункты въ теченіи исторіи; все общее получаетъ дѣйствительное бытіе, и становится силой только тогда, когда является въ какомъ-нибудь изъ индивидуумовъ, и потомъ въ процессѣ взаимодѣйствія между ними признается всѣми.

Органическій взглядъ на исторію хочетъ удалить изъ судебъ человѣчества не только этотъ механизмъ взаимодѣйствія, но и все случайное; одно изъ самыхъ любимыхъ его дѣяній доказывать о событіяхъ,— конечно послѣ того, какъ они случились, что эти именно событія необходимо должны были случиться, и что никакой индивидуальный произволъ не могъ задержать этихъ послѣдовательныхъ развитій духа времени. Конечно никакая индивидуальная сила не можетъ получить значенія въ исторіи, если не съумѣетъ подчинить себѣ какія-нибудь изъ побужденій къ дѣйствованію, или наклонностей къ страданію, заключающихся въ человѣческой природѣ. Но съ другой стороны и тѣ сильные люди, которые, съ умственной изобрѣтательностью или съ упорнымъ постоянствомъ воли вторгались въ ходъ исторіи, какъ рѣшители ея судебъ, вовсе не были только дѣтьми и выраженіями своего времени. Въ большей части случаевъ всеобщій духъ человѣчества, прославляемый за свое органическое развитіе, доходилъ только до чувства существующаго гнета, и желанія перемѣны; онъ ставилъ задачи, которыя нужно было разрѣшить; но выполненіе этихъ желаній и его особенный видъ составляетъ заслугу и дѣло немногихъ индивидуумовъ. Въ иныхъ случаяхъ ему даже не предшествовало безсильное чувство потребности, а только удавшіяся духовныя стремленія немногихъ съ трудомъ побѣждали

лѣнивое безсмысленное сопротивленіе массы, и давали новое направленіе ея движенію. Наконецъ и тамъ, гдѣ индивидуальная сила дѣйствительно бралась за разрѣшеніе задачъ времени, быть можетъ, только не многія изъ ея дѣйствій точно удовлетворяли требованіямъ минуты; большая ихъ часть въ высшей степени дѣятельно производитъ много такого добра и зла, которое далеко превосходитъ потребность минуты, или не стоитъ съ ней ни въ какой связи. Въ безчисленныхъ случаяхъ развитіе, которое слѣдовало предвидѣть, прерывалось; искусный разсчетъ дальновидныхъ умовъ часто заставлялъ даже глубоко возбужденный потокъ настроенія совершенно забывать о своей первоначальной цѣли, и на долго подчинялъ его искусственнымъ цѣлямъ. Воззрѣнія, которымъ великіе таланты дали значеніе, часто съ невѣроятнымъ упорствомъ, впродолженіе вѣковъ противодѣйствовали прогрессу. Формы искусства, не имѣвшія права на вѣчное значеніе, продолжали свое господство въ противорѣчіи съ измѣнившейся душевной жизнью человѣчества; даже въ наукѣ унаслѣдованныя ошибки тянулись, подобно долгой болѣзни, цѣлыя вѣка. Исторіей, подлежащей наблюденію, мы имѣемъ право воспользоваться и для объясненія ея началъ. Конечно человѣчество имѣло однородныя расположенія и потребности, но не всѣ принимали одинаковое участіе въ удовлетвореніи его стремленій; не многіе индиви-

дуумы первоначально указывали и помогали достигать ихъ ошибающемуся, неспособному, лишенному творчества большинству.

Между тѣмъ это вліяніе личностей, безъ сомнѣнія, имѣетъ различную силу, сообразно съ различіемъ областей человѣческой дѣятельности, съ различнымъ характеромъ историческихъ временъ, и съ многоразличіемъ условій для взаимодѣйствія индивидуальной силы съ массой человѣчества. Въ большинствѣ случаевъ человѣческое остроуміе возбуждается къ изобрѣтенію зависимостью отъ природы, и мысли, производящія здѣсь самую необходимую часть дѣла, происходятъ изъ такихъ простыхъ сочетаній обыкновенныхъ опытовъ, что первоначальное хозяйство, встрѣчаемое нами у самыхъ различныхъ народовъ, оружія, сосуды, плетенья, украшенья—легко объясняются всеобщимъ инстинктомъ безъ изобрѣтеній, сдѣланныхъ индивидуумами. Но всѣ болѣе утонченныя и высшія средства, въ большей степени подчинявшія природу человѣку, приписываются отдѣльнымъ изобрѣтателямъ; и въ этомъ отношеніи жизнь имѣетъ свой вѣкъ героевъ между первыми началами образованія и періодомъ его всеобщаго распространенія. И, какъ въ другихъ областяхъ, такъ и здѣсь все постепенно проходитъ. Если какой нибудь кругъ мыслей, какъ теперь естествознаніе, достигаетъ высокой степени образованія, и владѣетъ не только без-

численными фактическими знаніями, но и всеобщими способами изслѣдованія и ясными указаніями на области, въ которыхъ нужно искать разрѣшенія существующихъ задачъ, то однажды пришедшій въ движеніе потокъ изслѣдованія быстро приноситъ другъ за другомъ множество полезныхъ изобрѣтеній. Эти изобрѣтенія повидимому происходятъ изъ всеобщаго духа, такъ какъ множество индивидуумовъ, получившихъ возможность къ дѣятельности, и живость ихъ взаимодѣйствій, скрываютъ отъ насъ особенное участіе каждаго изъ нихъ. Далѣе, всеобщіе законы, полагаемые теперь наукой въ основаніе великаго обмѣна благъ, въ своемъ приложеніи къ самымъ простымъ отношеніямъ обыкновеннаго круга зрѣнія, извѣстны каждому; дурныя слѣдствія отъ противорѣчія съ ними дѣйствуютъ такъ убѣдительно на жизнь каждаго отдѣльнаго лица, что большое число небольшихъ поправокъ въ способѣ дѣйствія непосредственно слѣдуетъ за каждой неудавшейся попыткой, и такимъ образомъ кажется, что вся система удовлетворенія нашихъ потребностей сама постепенно улучшаетъ себя собственной силой, а не изобрѣтеніями индивидуумовъ. Тѣмъ не менѣе эти законы, какъ и всѣ простыя истины, дѣлаются неясными, когда, при расширеніи обмѣна, ихъ нужно бываетъ приложить къ совокупности многихъ отношеній, или неизвѣстныхъ, или измѣняющихъ другъ друга неизвѣстнымъ образомъ.

Наука неоспоримо совершила великое дѣло, показавъ ихъ приложенiе и при такихъ обстоятельствахъ; а она явилась не безъ личныхъ творческихъ талантовъ отдѣльныхъ лицъ. Учрежденiя общественной и политической жизни также прошли эти двѣ ступени развитiя. Всеобщая однородность человѣческой природы и ея потребностей, безъ сомнѣнiя, сначала необходимо приводитъ къ порядкамъ сношенiй, которыя вездѣ одинаково развиваются, и смѣняются другъ другомъ. Но если бы естественное развитiе общества было предоставлено на самомъ дѣлѣ органическому совокупному дѣйствiю его собствецныхъ отдѣльныхъ силъ, то все-таки политическое руководство ими при сложности внѣшнихъ условiй, выборъ надлежащаго пути въ надлежащее мгновенiе должны опять принадлежать мудрости или ошибкѣ отдѣльныхъ лицъ. Поэтому-то древность вездѣ въ началѣ своихъ политическихъ исторiй ставитъ имена отдѣльныхъ законодателей, и при этомъ выводитъ изъ индивидуальной силы высшаго ума—не первое основанiе порядка, который могъ развиться только изъ взаимодѣйствiй народной массы, а первое прочное утвержденiе его, и уничтоженiе его противорѣчiя съ существующими отношенiями. Наконецъ едва ли нужно прибавлять, что неясныя формы мечтательности часто имѣютъ темное происхожденiе, но никогда религiи не являются въ исторiи безъ личныхъ основателей; и здѣсь

удовлетворенiе потребностей, однородно происходящихъ при подобныхъ отношенiяхъ въ однородной массѣ человѣчества, принадлежитъ силѣ отдѣльныхъ душъ.

Неопредѣленность, съ которой, по крайней мѣрѣ для человѣческихъ глазъ, входятъ въ нашу жизнь индивидуальныя величины, повидимому можетъ быть опасной для послѣдовательности всякаго историческаго развитiя, и разлагаетъ его въ постоянное колебанiе по направленiямъ, не имѣющимъ между собой связи.

Между тѣмъ каждая личная сила нуждается для своей дѣятельности въ воспрiимчивости массъ; недостатокъ въ ней, или существованiе противоположныхъ настроенiй не позволяетъ осуществиться ни всѣмъ полезнымъ, ни всѣмъ вреднымъ, или однимъ какъ полезнымъ, такъ и вреднымъ дѣйствiямъ, которыя заключаются въ тенденцiи высшаго духа,—по крайней мѣрѣ не дозволяетъ обнаружиться тѣмъ изъ нихъ, которыя противорѣчатъ, или остаются чуждыми мгновеннымъ потребностямъ. Чѣмъ живѣе взаимныя сношенiя въ обществѣ, чѣмъ развитѣе въ немъ обмѣнъ мыслей, и чѣмъ далѣе и то и другое распространяется на большiе союзы народовъ, тѣмъ болѣе измѣняются условiя для влiянiя личностей. Конечно, поприще ихъ возможныхъ дѣйствiй увеличивается, но вѣроятная величина ихъ дѣй-

ственности уменьшается въ отношенiи ко всему тому, что не стоитъ въ непосредственной связи съ существующими уже направленiями и потребностями. Все это находитъ себѣ противодѣйствiе въ совокупной силѣ общественнаго мнѣнiя и настроенiя; оно уже подвергло своему суду всѣ возможныя жизненныя отношенiя, произнесло о нихъ какое нибудь рѣшенiе, и не легко позволяетъ произволу индивидуальнаго влiянiя увлекать себя отъ своихъ многочисленныхъ корней къ совершенно новымъ развитiямъ. Такимъ образомъ, съ умноженiемъ руководящихъ личностей, и во внѣшнемъ образѣ исторiи исчезаетъ ихъ перевѣсъ, и общая работа возбуждающихъ и возбужденныхъ элементовъ получаетъ видъ органическаго произрастанiя.

Чѣмъ болѣе неподлежащiя вычисленiю влiянiя свободныхъ личныхъ духовъ подчиняются господству противодѣйствующей имъ неизмѣнности всегда одинаковой человѣческой природы, и всегда подобнымъ отношенiямъ жизни, тѣмъ болѣе мы имѣемъ права искать всеобщiе законы, управляющiе историческимъ теченiемъ вещей. Предположенiе такихъ законовъ не противорѣчитъ мысли о планѣ исторiи. Конечно такой планъ предполагаетъ единство исторiи, содержащей каждый членъ ряда только однажды и неизмѣнно; но тождество дѣятеля всей исторiи, человѣческаго рода, и аналогiя дѣйствующихъ на него силъ мо-

гутъ условливать сходства въ теченіи отдѣльныхъ ступеней развитія. Между тѣмъ особенность каждаго члена въ ряду имѣетъ свое вліяніе на то теченіе заключающихся въ немъ событій, которое слѣдовало бы ожидать по аналогіи другихъ примѣровъ; эта-то трудность очень вредитъ всякой попыткѣ выразить указанныя сходства посредствомъ всеобщихъ историческихъ законовъ. Поэтому сколько ни прославляютъ въ исторіи учительницу человѣчества. но человѣчество рѣдко пользуется ея уроками. Каждый вѣкъ думаетъ, что особенности его потребностей и положенія составляютъ новыя условія, къ которымъ неприложимы общіе взгляды, найденные имъ при изслѣдованіи прежнихъ вѣковъ. И на самомъ дѣлѣ едва ли не всѣ историческіе законы, открытые глубокомысленными историками и философами имѣютъ очень сомнительное значеніе. Часто ихъ возможно переносить съ однаго вѣка на другой, только въ томъ случаѣ, если будутъ возстановлены всѣ условія частныхъ событій, отъ которыхъ ихъ отвлекли; а въ этомъ случаѣ они перестаютъ быть законами, и дѣлаются простымъ разсказомъ о томъ, что случилось при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Эта неточность повторяется вездѣ, гдѣ, не имѣя возможности дойдти до отдѣльныхъ дѣйствующихъ элементовъ сложнаго событія, мы стараемся посредствомъ сравненія опытовъ въ большихъ размѣрахъ отгадать окон-

чательныя формы теченія событій; избѣжать этой неточности можно такимъ же методомъ, какимъ вообще устраняются неточности. Намъ необходима механика общества, которая бы расширила психологію за границы индивидуума, и научила опредѣлять ходъ, условія и слѣдствія взаимодѣйствій, которыя должны совершаться между внутренними состояніями многихъ отдѣльныхъ лицъ, соединенныхъ естественными и общественными отношеніями. Только она можетъ дать намъ—не наглядные образы отдѣльныхъ историческихъ ступеней развитія и ихъ преемства, а правила, по которымъ можно опредѣлять будущее изъ условій настоящаго, или правильнѣе:—не изъ настоящаго—будущее, а изъ прежняго прошедшаго—позднѣйшее. И въ начертаніи идеаловъ гораздо лучше сохранять умѣренность; поэтому и отъ общественной механики мы не будемъ напередъ требовать господства надъ будущимъ; она сдѣлаетъ довольно, если объяснитъ связь прошедшаго, и укажетъ наиболѣе вѣроятный ходъ будущихъ событій.

Само собой понятно, что такіе законы отъискиваются первоначально для небольшихъ періодовъ времени; въ нихъ, хотя и нельзя выяснить всю сумму условій, опредѣляющихъ теченіе событій, но, по крайней мѣрѣ, можно принимать ее за неизвѣстное, остающееся всегда одинаковымъ. И здѣсь дознано, что только въ небольшой тѣсно ограниченной суммѣ

событій, можно видѣть призракъ свободы и неопредѣленности; если же мы будемъ брать во вниманіе большее число событій, и ихъ взаимную связь, то оказывается, что не только тѣлесная жизнь человѣчества опредѣляется точными законами относительно рожденія и смерти, численнаго отношенія обоихъ половъ, увеличенія народонаселенія; но и духовная жизнь подчиняется тѣмъ же всеобщимъ законамъ — даже въ числѣ и родѣ преступленій, совершаемыхъ въ одинаковые періоды времени. Конечно эти законы не неизмѣнны; съ медленнымъ измѣненіемъ суммы неизвѣстныхъ условій, отъ которыхъ зависятъ событія, отъ времени до времени измѣняется и формула теченія событій. Эти измѣненія законовъ могутъ быть также выражены посредствомъ извѣстной формулы, потому что сумма опредѣляющихъ ихъ условій измѣняется почти только отъ вліянія общественныхъ состояній, которыя тоже въ своемъ развитіи подчинены строгимъ законамъ. Если по методу большихъ чиселъ уже опредѣленъ годъ жизни, въ который великій поэтъ среднимъ числомъ творитъ свое величайщее произведеніе, то можно дознаться, какъ много высшихъ умовъ каждаго рода, въ цѣлыхъ числахъ или десятичныхъ дробяхъ, приходится на каждый вѣкъ, и по какимъ законамъ измѣняется это отношеніе въ теченіи тысячелѣтій. Легко представить, какъ на этомъ пути можно получить всякія

формулы ускоренія, ширины, глубины и характера историческаго прогресса. Хотя онѣ и не будутъ имѣть никакой точности въ приложеніи къ частностямъ, но тѣмъ не менѣе ихъ можно считать выраженіемъ истиннаго закона исторіи, очищенной отъ всякихъ мѣшающихъ ей индивидуальныхъ вліяній.

Съ такимъ способомъ изслѣдованія долженъ бы стоять въ очень тѣсной связи одинъ изъ худшихъ взглядовъ, отвергающихъ свободу въ историческомъ развитіи. Почитаніе формъ вмѣсто содержанія, дающаго имъ право на существованіе,—одно изъ вреднѣйшихъ заблужденій нашего ума—самымъ безсмысленнымъ образомъ можетъ быть выражено только въ признаніи осуществленія статистическихъ отношеній за цѣль и животворную идею исторіи. Кто съ восточнымъ пантеизмомъ находитъ въ теченіи міра вѣчную смѣну происхожденія и погибели, и видитъ въ этой формѣ явленія глубочайшій смыслъ и истинную тайну дѣйствительности, тотъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ возвышенное и полное ужаса наслажденіе, возбуждаемое въ насъ мыслью о такомъ потокѣ событій. Кто напротивъ какъ нибудь иначе замѣчаетъ въ исторіи властвованіе необходимости, но и ее считаетъ исполненною смысла, тотъ старается объяснить и эту необходимость какимъ нибудь родомъ справедливости, по которой содержаніе и природа извѣстнаго состоянія дозволяетъ и производитъ содержаніе

и природу того, а не другаго слѣдующаго за нимъ дѣйствія. Одной изъ такихъ связей между вещами— разумныхъ, по крайней мѣрѣ, въ побужденіяхъ къ своему соединенію, сердце можетъ пожертвовать своей свободой. Но совершенно нелѣпо находить последнія руководительныя точки зрѣнія на теченіе міра въ возстановленіи правильныхъ численныхъ отношеній, или въ томъ, что событія совершаются сообразно съ этими отношеніями. Мы имѣемъ полное право опасаться, что и здѣсь современное образованіе отъищетъ себѣ поводъ къ почитанію формъ вмѣсто содержанія, призраковъ вмѣсто живой дѣйствительности. Тщательныя изслѣдованія, достоинства которыхъ мы нисколько не унижаемъ, показали, что бюджетъ ежегодныхъ преступленій уплачивается человѣчествомъ гораздо правильнѣе, чѣмъ политическія подати. Нашлись уже люди, которые видятъ въ этомъ фактѣ какой-то таинственный смыслъ, и приходятъ отъ него въ благоговѣйный трепетъ, который можетъ сопровождать только открытіе послѣдней тайны. Они очевидно воображаютъ, что въ упомянутомъ положеніи статистики высказывается не только фактъ, который составляетъ результатъ неизвѣстныхъ условій, и долженъ измѣняться вмѣстѣ съ ними, но и основный законъ, который съ таинственной силой всегда находитъ средства для своего выполненія, и умѣетъ преодолѣть всякое сопротивленіе неблагопріятныхъ условій.

Конечно едва ли этотъ взглядъ будетъ когда нибудь высказанъ въ видѣ научнаго положенія о значеніи исторіи, но, оставаясь невысказаннымъ, онъ тѣмъ не менѣе спутываетъ мысли, и тѣмъ легче вредитъ правильному пониманію дѣла, что не одинаково несправедливъ въ отношеніи ко всѣмъ кругамъ событій. Изъ явленій человѣческой жизни, повторяющихся съ постоянной правильностью, конечно нѣкоторыя должны считаться второстепенными цѣлями міроваго порядка, или средствами для осуществленія высшихъ цѣлей; о нихъ въ извѣстномъ объёмѣ должно сказать то, что мы оспоривали вообще. Большую ихъ часть можно сравнить съ треніемъ, которое не относится къ преднамѣреннымъ дѣйствіямъ машины, но тѣмъ не менѣе до тѣхъ поръ, пока можно получить это дѣйствіе только механическими средствами, всегда стоитъ въ какомъ-нибудь правильномъ отношеніи къ его величинѣ. Какъ ни мало устраняются существующія трудности и этимъ различеніемъ, тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Численное равновѣсіе обоихъ половъ, конечно должно причислить къ такимъ явленіямъ природы, въ которыхъ можно видѣть преднамѣренное средство для высшихъ цѣлей жизни. Но намъ неизвѣстны ни причины, въ отдѣльномъ случаѣ опредѣляющія полъ ребенка, ни обстоятельства, которыя приспособляютъ

эти причины, производящія въ разныхъ случаяхъ разныя слѣдствія, къ достиженію постояннаго общаго результата. По извѣстному логическому правилу слѣдуетъ думать, что различныя возможности осуществятся одинаковое число разъ, если нѣтъ фактическаго основанія для преобладанія одной изъ нихъ. Конечно это правило необходимо для того, чтобъ измѣрять, для цѣлей дѣйствія, сообразно съ нимъ нашу увѣренность въ возможномъ будущемъ появленіи извѣстныхъ случаевъ; но тѣмъ не менѣе оно нисколько не объясняетъ механизма условій, посредствомъ которыхъ дѣйствительно возстановляется равновѣсіе между двумя данными случаями. И всеобщее философское предположеніе, основывающее вообще возможность всѣхъ взаимодѣйствій на существенной внутренней связи всего сущаго, нисколько не помогаетъ намъ въ этомъ случаѣ. Конечно оно даетъ намъ общее формальное основаніе для ожиданія, что каждое состояніе, происходящее въ одной части міра, будетъ имѣть свое законное вліяніе на всѣ другія его части; но такъ какъ въ концѣ концовъ все въ мірѣ стоитъ во взаимной связи, то этимъ нисколько не объясняются особенныя связи, которыя соединяютъ однѣ извѣстныя части міра теснѣе и сильнѣе, чѣмъ другія; а на существованіи этихъ-то связей и должно основываться каждое отдѣльное опредѣленное событіе. Намъ совершенно неизвѣстно,

какимъ опредѣленнымъ способомъ каждый родъ животныхъ или человѣчество образуетъ небольшое, замкнутое въ самомъ себѣ цѣлое, и потому для насъ остается совершенно тёмнымъ, какимъ образомъ при великомъ неравенствѣ внѣшнихъ условій жизни, и при совершенномъ недостаткѣ въ пути для взаимодѣйствій, могущихъ привести къ извѣстной цѣли, перевѣсъ мужескаго пола, случайно происшедшій въ одномъ мѣстѣ, можетъ вызывать въ другомъ въ тоже или послѣдующее время умноженіе женскаго пола. Тѣмъ не менѣе условія размноженія соединены по крайней мѣрѣ во взаимное отношеніе двухъ противоположныхъ формъ одного и того же организма, и можно, по крайней мѣрѣ, гипотетически образовать представленіе о возможныхъ средствахъ для достиженія этой цѣли. Если, напримѣръ, преобладаніе одного образовательнаго стремленія обосновываетъ въ парѣ дѣтей одного и того же пола преобладающую способность къ произведенію дѣтей другаго пола, то уже этимъ было бы обезопашено равномѣрное распространеніе обоихъ половъ. Поперемѣнное рожденіе дѣтей различнаго пола, соотвѣтствуя самымъ непосредственнымъ образомъ экономіи рода, должно имѣть основаніе въ какой-нибудь, конечно, совершенно неизвѣстной физіологической особенности материнскаго тѣла, и въ такомъ случаѣ должно исправлять отклоненія, которыя въ от-

дѣльныхъ случаяхъ происходятъ отъ вліяній, неблагопріятныхъ для равновѣсія половъ. Какъ бы то ни было, правильность этихъ и другихъ явленій тѣлесной жизни, а также и законы продолженія жизни и увеличенія народонаселенія, не смотря на свою темноту въ частностяхъ, не совсемъ недоступны нашему пониманію въ цѣломъ; мы можемъ, по крайней мѣрѣ, догадываться объ основаніи, изъ котораго они могутъ исходить, или видимъ, что они въ болѣе значительныхъ своихъ колебаніяхъ зависятъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, и слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, составляютъ слѣдствія, хотя и неизвѣстныхъ, причинъ.

События въ духовной жизни общества еще темнѣе.

Если замѣчено, что въ извѣстный періодъ времени произошло опредѣленное число опредѣленныхъ дѣйствій, то изъ этаго заключаютъ, что такое же число этихъ дѣйствій произойдетъ и въ ближайшемъ будущемъ періодѣ, равномъ первому. Такое заключеніе основывается только на томъ, что сумма естественныхъ и соціяльныхъ условій, отъ которыхъ они зависѣли въ первомъ періодѣ, обыкновенно измѣняется весьма незначительно въ короткіе промежутки времени. Тамъ, гдѣ это измѣненіе совершается быстро и непослѣдовательно, и не ожидаютъ никакого соотвѣтствія съ вычисленіемъ, сдѣланнымъ по маштабу прошедшаго. Но и здѣсь изъ прошедшаго можно

дѣлать выводы относительно будущаго только въ томъ случаѣ, если на сумму неизвѣстныхъ условій смотрѣть какъ на силу давленія, которая сама по себѣ въ опредѣленное время производитъ опредѣленный результатъ; въ единицу времени приводитъ въ дѣйствіе одну и туже свою часть, такъ какъ сопротивленіе, встрѣчаемое ею, всегда стоитъ въ одинаковомъ отношеніи къ ея собственной величинѣ; всегда можетъ дѣлать изъ этой способности употребленіе, такъ какъ, подобно жидкости, подвергнутой давленію, всегда отъискиваетъ и находитъ пункты, не оказывающіе сопротивленія, и наконецъ, въ каждой части произведеннаго ею результата утрачиваетъ соотвѣтствующую ему часть своей способности къ дѣйствованію. Сколько же этихъ условій мы имѣемъ въ нашемъ случаѣ?

Возмемъ для примѣра преступленія противъ собственности.

Неправильности въ общественномъ распредѣленіи благъ становятся дѣятельной силой только въ той мѣрѣ, въ какой ихъ ощущаютъ. Если мы поэтому примемъ за исходную точку не бѣдность, а чувство недостатка, то можно ли утверждать, что эта сила производитъ извѣстное число преступленій, безъ отношенія къ суммѣ сдѣланнаго посредствомъ нихъ пріобрѣтенія? Если далѣе, при извѣстномъ состояніи образованія эта сила встрѣчаетъ одинаковое сопро-

*

тивленіе, то чѣмъ можно объяснить то, что она всегда находитъ для своего дѣйствія одно и тоже число благопріятныхъ случаевъ, и что они всегда представляются людямъ, неспособнымъ къ сопротивленію? Если же мы примемъ, что удобныхъ случаевъ къ преступленіямъ несравненно болѣе, чѣмъ преступленій, и что неспособность сопротивляться соблазну встрѣчается также необыкновенно часто, то тѣмъ менѣе можно понять, какимъ образомъ извѣстное число уже совершенныхъ преступленій можетъ опредѣленнымъ образомъ ограничивать число тѣхъ, которыя могли бы быть совершены. Слѣдовательно, дѣйствительныя отношенія посредствомъ которыхъ производятся постоянныя числа такихъ дѣйствій, намъ совершенно неизвѣстны.

Точно также неудовлетворительны и многія попытки соглашенія статистическихъ законовъ съ свободой личной воли. Если считать извѣстное число преступленій неизбѣжной необходимостью, тяготѣющей надъ обществомъ, то дѣло нисколько не измѣняется отъ той оговорки, что эта необходимость только требуетъ дѣйствій, но не предопредѣляетъ ихъ совершителей. Если человѣческая свобода никакъ не можетъ отказаться отъ совершенія извѣстнаго числа дѣйствій, то упомянутая выше неопредѣленность не оставляетъ индивидуумовъ свободными, а только не рѣшаетъ, кто изъ нихъ въ ближайшее мгновеніе обнаружитъ свою

несвободу. Если, говорятъ намъ, насѣкомое переползаетъ гдѣ нибудь черезъ периферію круга, начерченнаго мѣломъ, то оно видитъ около себя только мѣловые пункты, разсѣянные безъ всякой правильности; но для глаза, обозрѣвающаго эти пункты издали, они имѣютъ законно опредѣленный порядокъ. Еслибы эти пункты были одушевленными существами, то въ небольшихъ размѣрахъ они имѣли бы достаточно свободы въ выборѣ своего положенія, между тѣмъ какъ въ большихъ размѣрахъ ими должна представляться форма круга. Мы отвѣчаемъ: если законный порядокъ многихъ элементовъ существуетъ (кругъ начерченъ), то конечно этотъ порядокъ можно обозрѣть вполнѣ только съ извѣстныхъ единичныхъ точекъ зрѣнія, но безпорядокъ элементовъ, видимый съ другихъ точекъ, вовсе не составляетъ ихъ свободы. Положеніе всѣхъ мѣловыхъ пунктовъ необходимо опредѣляется формой круга: всѣ они лежатъ на кольцеобразной узкой линіи, заключающейся между внѣшней и внутренней периферіей круга. То, какъ они группируются въ этой линіи, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ безразлично для образа цѣлаго круга, и именно въ этомъ безразличномъ отношеніи они не имѣютъ опредѣленности. Еслибы мѣловые пункты были живыми существами, то это сравненіе объяснило бы только ту простую истину, что они свободно совершаютъ свои

дѣйствія въ тѣхъ направленіяхъ, о которыхъ ничего не опредѣляетъ никакой всеобщій законъ; поэтому еслибы какой-нибудь законъ требовалъ отъ общества извѣстнаго числа кражъ, то ихъ совершители были бы свободны не въ отношеніи къ своему рѣшенію воровать, а только въ томъ, будутъ ли они воровать пѣшкомъ или верхомъ, и т. п.

Мысль о законахъ духовной жизни кажется сомнительной многимъ людямъ, которые, нисколько не колеблясь, подчиняютъ строгой законности тѣлесную жизнь; это зависитъ отъ того, что они частью слишкомъ много требуютъ отъ свободы нашей воли, частью питаютъ слишкомъ высокое мнѣніе о законахъ природы. Если не ведется спора о свободѣ и необходимости, то мы безъ всякаго колебанія признаемъ, что человѣческія дѣйствія опредѣляются обстоятельствами; даже вся надежда на воспитаніе и вся работа исторіи основывается на томъ убѣжденіи, что волю можно руководить усовершенствованіемъ знанія, облагороженіемъ чувствъ и улучшеніемъ внѣшнихъ условій жизни. Съ другой стороны изслѣдованіе самой свободы показываетъ намъ, что ея понятіе не имѣетъ смысла, если въ немъ не заключается способности къ оцѣнкѣ побужденій, и что свобода воли вовсе не обозначаетъ свободы выполненія какъ въ борьбѣ съ внѣшними препятствіями, такъ и въ подавленіи собственныхъ страстей.

Не только представленія о цѣляхъ и средствахъ къ ихъ достиженію выработываются въ нашемъ сердцѣ подъ вліяніемъ множества возбужденій, встрѣчающихся въ образованіи индивидуума и общества; но и дѣятельная сила воли, освобождающейся отъ власти страстныхъ возбужденій, зависитъ отъ всего образованія общества. Поэтому нѣтъ никакого неразрѣшимаго противорѣчія между свободой воли и тѣмъ предположеніемъ, что сумма вліяній, заключающихся въ каждомъ данномъ состояніи общества, въ извѣстной мѣрѣ препятствуетъ свободному выполненію рѣшеній воли, и даетъ ему такую величину, которая всегда остается почти одинаковой.

Тѣмъ не менѣе нельзя повѣрить, что борьба воли и нравственнаго сознанія со всѣми противодѣйствующими имъ элементами, въ отношеніи къ своему результату опредѣляется необходимыми законами такъ точно, какъ предполагаютъ нѣкоторые статистики. На самомъ дѣлѣ они даже не измѣряютъ того, въ чемъ можно было бы предположить такое строгое подчиненіе законамъ. Въ этихъ законахъ, выведенныхъ, напримѣръ, изъ сопоставленія подвергнутыхъ суду преступленій, хотя предполагается, что сумма преступленій, сдѣлавшихся извѣстными, стоитъ въ неизмѣнномъ отношеніи къ суммѣ совершенныхъ; но для того, чтобы что-нибудь доказать относительно человѣческой свободы, нужно вмѣстѣ показать, что и число совер-

шенныхъ преступленій точно также стоитъ въ постоянномъ отношеніи къ числу преднамѣренныхъ, предупрежденныхъ или неудавшихся, даже вообще къ цѣлому количеству болѣе или менѣе важныхъ покушеній, появлявшихся въ человѣческихъ сердцахъ. Статистическіе законы не только не дѣлаютъ этого, но, считая, напримѣръ убійства, сотнями, совокупляютъ подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ случаи самаго различнаго характера; одно число этихъ случаевъ вовсе не даетъ масштаба для количества зла, которое въ какомъ нибудь направленіи производится опредѣленнымъ обществомъ въ опредѣленное время. Только относительно этого количества зла можно принять, что оно, какъ треніе, нераздѣльное съ жизнью и прогрессомъ общества, зависитъ, по опредѣленному закону, отъ силы движенія этого общества; но никакъ нельзя того же сказать о простомъ числѣ случаевъ, въ которыхъ это вредное побочное слѣдствіе механизма общественной жизни принимаетъ форму извѣстныхъ преступленій. Если новое изслѣдованіе опытовъ подтвердитъ и такую законность численныхъ отношеній, то мы признаемъ въ ней фактъ, въ которомъ ни образъ совершенія, ни разумный смыслъ непонятны для насъ.

Доселѣ мы упоминали только объ изслѣдованіяхъ, касавшихся небольшихъ періодовъ времени. Въ преемствѣ большихъ періодовъ, имѣющихъ различный

историческій характеръ, точно также замѣчаются опредѣленные законы. Они имѣютъ интересъ только въ той мѣрѣ, въ какой относятся къ отдѣльнымъ направленіямъ человѣческой жизни; чѣмъ общѣе распространяютъ ихъ дѣйствіе на прогрессъ человѣчества, тѣмъ менѣе обыкновенно заключается въ нихъ дѣйствительнаго объясненія.

Такъ говорятъ о законахъ постоянства и противоположности въ развитіи; другіе предпочитаютъ троичность тезиса, антитезиса и синтезиса. Ясно, что этими именами обозначаются вовсе не такія формы жизни, которыя могутъ быть обязательными для исторіи, какъ будто ихъ осуществленіе стоитъ какого-нибудь труда. На самомъ дѣлѣ онѣ суть нечто иное, какъ окончательныя формы, принимаемыя прогрессомъ общественныхъ взаимодѣйствій по основаніямъ, которыя нужно еще изслѣдовать. Если попытаться это сдѣлать, то оказывается, что смыслъ названныхъ законовъ частью очень незначителенъ, частью вовсе не имѣетъ несомнѣннаго характера всеобщности. Такъ едвали стоило труда украшать именемъ закона непрерывности то очень простое наблюденіе, что образованіе позднѣйшаго вѣка обыкновенно бываетъ дальнѣйшимъ развитіемъ стремленій, полученныхъ имъ отъ предъидущаго; полезная сторона этого закона можетъ заключаться, по большей мѣрѣ, только въ томъ, что онъ обращаетъ особое вниманіе на зави-

симость дѣйствительнаго дальнѣйшаго развитія отъ усвоенія уже существующаго образованія. Историческій прогрессъ вовсе нельзя сравнивать съ міазмомъ, который носится въ воздухѣ, и внезапно охватываетъ или все человѣчество, или попеременно отдѣльныя его части; онъ всегда совершался только въ томъ тѣснѣйшемъ кругѣ народовъ, въ которомъ благопріятныя обстоятельства дозволяли упорядоченное распространеніе пріобрѣтеннаго образованія и стремленій, направленныхъ на удовлетвореніе истинныхъ человѣческихъ потребностей; прогрессъ распространялся въ ширь только въ той мѣрѣ, въ какой географическія условія, дороги, легкость сношеній, плотность населенія подавали поводъ къ многократнымъ соприкосновеніямъ людей въ войнѣ и въ мирѣ.

Не менѣе простъ и законъ противоположности. Онъ вообще имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ простыя формы жизни, которыя сами по себѣ могутъ оставаться безконечно однообразными, оказываются какимъ-нибудь образомъ недостаточными, и человѣческое сердце начинаетъ искать новаго удовлетворенія. Тогда сила изобрѣтенія производитъ особенныя формы образованія, которыя соотвѣтствуютъ мгновеннымъ потребностямъ народа и настроенію времени, хотя и неудовлетворяютъ равномѣрно всѣмъ требованіямъ человѣческой природы. Чѣмъ долѣе и богаче такое характеристическое образованіе возбуж-

даетъ, удовлетворяетъ и исчерпываетъ всю воспріимчивость къ нему, существующую въ сердцахъ, и чѣмъ въ большемъ объемѣ оно запечатлеваетъ своимъ характеромъ всѣ внѣшнія отношенія общества, и всѣ привычки его жизни, тѣмъ ощутительнѣе начинаютъ обнаруживать свое давленіе его односторонности; другія, подавленныя ими, еще свѣжія притязанія духа, съ особенной живостью выступаютъ на видъ, и, стремясь теперь съ своей стороны къ несправедливому преобладанію, пытаются дать жизни противоположную форму. Но организмъ давней культуры имѣетъ слишкомъ много корней и слишкомъ широкія развѣтвленія, и потому нелегко уступаетъ новому міросозерцанію, и не скоро отдаетъ во власть новыхъ тенденцій всю совокупность общественной жизни.

Всего чаще новое міросозерцаніе дѣйствуетъ сначала разлагающимъ и разрушительнымъ образомъ; только послѣ долгаго промежутка времени ему удается прочно установиться, но не всегда въ противоположности съ предшествовавшимъ: время успѣваетъ сгладить самыя рѣзкія ихъ взаимныя противорѣчія. Потребность въ смѣнѣ, побуждающая человѣческій духъ не только постоянно разрушать созданныя имъ одностороннія формы его дѣятельности, но и питать отвращеніе къ устарѣвшимъ истинамъ, особенно ясно обнаруживается въ отношеніи къ отдѣльнымъ кругамъ жизни. Пресыщеніе одной сторо-

ны нашей духовной природы производитъ не только усиленную потребность въ такомъ же одностороннемъ удовлетвореніи въ другомъ направленіи, но и всеобщую наклонность къ парадоксальному возстановленію давно забытыхъ точекъ зрѣнія, и держитъ мнѣнія и настроенія въ постоянномъ колебаніи. Постоянно развиваются почти только тѣ науки, которыя практически примѣняются къ удовлетворенію нашихъ потребностей, и въ которыхъ свободная смѣна пониманій и точекъ зрѣнія влечетъ за собой ощутительный вредъ; напротивъ взгляды на жизнь, исторію, тонъ общества, художественные идеалы, обсужденіе сверхчувственныхъ предметовъ, вкусъ въ наслажденіи природой, равно какъ и въ образованіи религіознаго культа подлежатъ постоянной смѣнѣ чувствительныхъ или дѣятельныхъ, мечтательныхъ или реалистически-трезвыхъ настроеній, и часто кажется самымъ глубокимъ глубокомысліемъ исканіе истины тамъ, гдѣ никто ея не предполагаетъ, именно въ заблужденіяхъ, окончательно опровергнутыхъ въ ближайшемъ прошедшемъ. Такъ происходитъ въ исторіи смѣна характеристическихъ формъ образованія, и отсюда понятно, почему въ прогрессѣ усовершенствованія не сохраняется съ одинаковой живостью каждая отдѣльная красота, исключительно занимавшая прежнія времена, но часто приносится въ жертву совершенно инымъ частямъ человѣческаго назначенія. Только тѣ,

которые рѣшаются оправдывать все дѣйствительное могутъ утверждать, что это пожертвованіе прежнихъ пріобрѣтеній есть не только частная неудача историческаго прогресса, но и существенная черта въ его теченіи.

Научныя изслѣдованія о механическихъ силахъ и законахъ, дѣйствующихъ въ исторіи, только начинаются въ наше время; всего болѣе и рѣшительнѣе оно гордится, какъ своимъ преимуществомъ предъ прочими временами, пониманіемъ значенія исторіи,— того плана, который даетъ разумное единство разнообразію ея явленій.

Какъ ни опасно колебать взгляды, съ которыми мы свыклись, благодаря живости и глубокомыслію ихъ направленія, тѣмъ не менѣе должно сознаться, что въ отношеніи и къ плану исторіи нѣтъ недостатка въ самыхъ противоположныхъ мнѣніяхъ, которыя оспориваютъ другъ у друга самыя основныя свои предположенія. Мы не будемъ останавливаться на холодномъ завѣреніи, что все уже было, и нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ; но вопреки ученію о прямомъ прогрессѣ человѣчества, охотно принимаемому на вѣру, болѣе предусмотрительное разсужденіе уже давно было вынуждено открыть, что исторія развивается по спиральной линіи; иные предпочитали эпициклоиды; короче никогда не было недостатка въ

глубокомысленно-прикровенныхъ выраженіяхъ того сознанія, что впечатленіе, производимое исторіей, не вполнѣ отрадно, а по преимуществу печально. Изслѣдованіе, свободное отъ предразсудковъ, всегда будетъ съ печалью замѣчать, какъ много благъ образованія и своеобразной жизненной красоты погибаетъ съ паденіемъ каждой культуры. Пусть послѣдующія времена обогащаются другими, все высшими и высшими благами; но эти блага нисколько не измѣняютъ того факта, что прежнія погибли безвозвратно; нигдѣ пріобрѣтеніе, добытое прежнимъ временемъ, не соединяется съ работой потомковъ такъ, какъ этого слѣдовало бы ожидать отъ постояннаго прогресса; почти вездѣ новая жизнь съ болезненными пожертвованіями возникаетъ изъ развалинъ старой. Это печальное впечатленіе, производимое всей исторіей, очень мало ослабляется тѣми благонамѣренными сравненіями, что и отдѣльная жизнь должна цвѣтъ юности приносить въ жертву мужеской силѣ, а эту послѣднюю—старческой мудрости, и что только самымъ счастливымъ землямъ суждено видѣть на одномъ и томъ же стволѣ плоды подлѣ цвѣтовъ и почекъ. Не заключается ли вся утѣшительная сторона этихъ сравненій въ самоотреченіи, видящемъ и въ исторіи естественный процессъ, который вынуждаетъ повиновеніе себѣ, но не даетъ отчета ни въ своемъ правѣ, ни въ своей цѣли?

міросозерцанія, видѣвшія въ исторіи болѣе, чѣмъ естественный процессъ, стараются въ путаницѣ историческихъ событій открыть планъ, ведущій ихъ къ высшему благу.

По мнѣнію, наиболѣе распространенному, цѣль и смыслъ исторіи составляетъ **воспитаніе человѣчества**. Конечно, воспитывающая мудрость представляетъ богатый источникъ, изъ котораго можно производить всѣ изумительные извороты историческаго теченія міровой жизни. Но если мы попытаемся прослѣдить планъ этого воспитанія по крайней мѣрѣ въ большихъ очертаніяхъ исторіи, то встрѣтимъ множество непреодолимыхъ препятствій.

Воспитаніе понятно для насъ только тогда, когда его получаетъ отдѣльное лицо, и остается однимъ и тѣмъ же существомъ тотъ, кто совершенствуется, терпитъ вредъ отъ своихъ ошибокъ, наслаждается плодомъ своего раскаянія, и по крайней мѣрѣ сохраняетъ въ своемъ воспоминаніи о пережитомъ счастьѣ то благо, которое имѣлъ прежде, и долженъ былъ принесть въ жертву прогрессу образованія. Совершенно не имѣетъ такой же ясности та мысль, что воспитаніе преемственно распредѣляется между различными поколѣніями человѣчества, и позднѣйшія наслаждаются плодами, которые выросли изъ невознагражденнаго труда, часто изъ страданій прежнихъ поколѣній. Очевидно, здѣсь мало цѣнятся права от-

дѣльныхъ временъ и людей, и не обращается вниманія на ихъ несчастье, если только идетъ впередъ человѣчество вообще. Чувства, изъ которыхъ проистекаетъ этотъ взглядъ благородны, но не просвѣтлены разумомъ. Именно человѣчество, способное къ прогрессу, никогда не можетъ быть чѣмъ либо инымъ, какъ суммою живыхъ индивидуумовъ, а для нихъ прогрессъ можетъ быть только приращеніемъ счастья и совершенства въ тѣхъ же самыхъ сердцахъ, которыя страдали прежде отъ несовершеннаго состоянія. Напротивъ человѣчество, противопоставляемое индивидуумамъ, есть нечто иное, какъ всеобщее понятіе; но не это понятіе, не могущее ни дѣйствовать, ни страдать, ни испытывать что либо, ни быть предметомъ какого либо развитія, есть дѣятель исторіи.

Только его отдѣльные примѣры, человѣчества разныхъ вѣковъ, если ихъ сравнивать между собой, обнаруживаютъ постоянный прогрессъ къ совершенству; но прежнія ничего не знаютъ о будущихъ, позднѣйшія очень мало о прежнихъ. Что уполномочиваетъ насъ соединять эти отдѣльныя члены въ одно человѣчество? Какой смыслъ можетъ имѣть воспитаніе, которое не дѣлаетъ именно того, чего мы ожидаемъ отъ всякаго воспитанія? Воспитаніе человѣчества не старается поставить въ одномъ и томъ же питомцѣ совершенное на мѣсто несовершеннаго, оставляетъ его на полдорогѣ, чтобы перейти къ другому,

и надъ нимъ начать свою работу въ увеличенномъ размѣрѣ.

Та же трудность повторится, если мы обратимъ вниманіе не на преемство вѣковъ, а на каждый вѣкъ отдѣльно. Въ исторіи никогда не было періода, въ который бы принадлежавшее ему образованіе проникало все человѣчество, или даже цѣлый народъ, по преимуществу обладавшій этимъ образованіемъ. Всѣ степени и оттѣнки нравственной грубости, умственной тупости и тѣлеснаго страданія всегда существовали подлѣ образованной утонченности жизни, яснаго сознанія задачъ человѣческаго существованія, и свободнаго наслажденія преимуществами гражданскаго порядка. Нѣтъ ничего проще, какъ объяснить это, если считать исторію теченіемъ событій, которыя происходятъ изъ взаимнодѣйствія внѣшнихъ условій съ законами духовной жизни. Образованіе, которое не есть только хорошое свойство естественнаго темперамента, а заключаетъ въ себѣ знаніе вещей, обсужденіе положеній и задачъ человѣческой жизни, сознаніе связи индивидуума съ обществомъ, и—общества съ міромъ, не мыслимо безъ самыхъ многоразличныхъ вліяній воспитанія и обращенія съ людьми: не стоитъ и упоминать, что препятствія, не дозволяющія всѣмъ одинаково находиться въ благопріятныхъ для этого условіяхъ, основываются на внѣшнихъ отношеніяхъ существованія. Суще-

ствованіе безчисленнаго пролетаріата совершенно разрушаетъ представленіе о воспитаніи человѣчества. Для человѣческаго дѣйствія довольно и того, если оно отчасти достигаетъ своего результата; но божественное управленіе міромъ осуществляетъ свои цѣли не въ среднемъ размѣрѣ, или вобще. Состоянія человѣчества, которыя независимо отъ свободы индивидуумовъ вытекаютъ съ неумолимой необходимостью изъ внѣшнихъ условій, при этомъ предположеніи нужно объяснить не неудачей, а намѣреніями божественнаго міроправленія. И дѣйствительно иные находятъ достаточнымъ и тотъ прогрессъ, при которомъ на широкомъ основаніи необразованія, остающемся въ цѣломъ всегда одинаковымъ, все болѣе и болѣе развивается образованіе избраннаго меньшинства. Противъ такого пониманія дѣла мы можемъ только сказать, что оно описываетъ дѣйствительное положеніе вещей, но нисколько не дѣлаетъ его понятнѣе и снослѣе, и вообще же показываетъ, какъ при такихъ предположеніяхъ можно говорить объ одной исторіи человѣчества.

Поэтому намъ остается только причислить и неравное распредѣленіе духовныхъ способностей и внѣшнихъ благъ въ человѣчествѣ къ тѣмъ загадкамъ, которыя мы не умѣемъ разрѣшить, и—довольствоваться прогрессами немногихъ. Но какъ бы нибыли велики эти прогрессы, все-таки мы должны спросить,

для чего собственно было необходимо воспитанiе человѣчества, вслѣдствiе котораго могли появиться эти прогрессы, и почему должно было дать намъ назначенiе, котораго можно достигнуть только далекимъ путемъ историческаго развитiя. Мы не удовлетворимся, если намъ покажутъ, что человѣческая природа и свойство внѣшнихъ жизненныхъ условiй дѣлаютъ возможнымъ только медленный ходъ постепеннаго усовершенствованiя. Божественная Сила, руководящая воспитанiемъ человѣчества, создала и мiръ, и человѣка, и всѣ его жизненныя условiя; отъ нея зависѣло образовать ихъ такъ, какъ она хотѣла. Слѣдовательно, если эта Сила избрала путь историческаго воспитанiя, то избрала его не потому, что неблагопрiятныя обстоятельства помѣшали ей первоначально дать человѣку совершенство, а потому, что она хотѣла создать исторiю, и въ постепенномъ развитiи дать благо, большее того, которое не было дано. Человѣкъ, говорятъ намъ, долженъ былъ сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть; онъ не долженъ непосредственно по своей природѣ быть и оставаться тѣмъ, къ чему назначенъ природой своего духа, а съ сознанiемъ осуществить свое назначенiе, какъ свое собственное дѣло. Достоинство человѣчества въ томъ и заключается, чтобы не выполнять безсознательно подобно животнымъ того, къ чему влекутъ насъ непонятныя внутреннiя побужденiя согласно съ необъяснимо пред-

варяющими ихъ благопріятными условіями внѣшняго міра, а въ томъ, чтобы мы, сомнѣваясь, заблуждаясь и улучшаясь, познавали наши цѣли, обязанности и средства.

Взглядъ на нашу индивидуальную жизнь конечно легко убѣждаетъ насъ, что въ этой формѣ нашего развитія отъ непосредственнаго существованія до сознательнаго самообладанія заключается своеобразное духовное благо; но можно ли переносить то, что имѣетъ свою цѣну въ отношеніи къ индивидуумамъ, на цѣлое человѣчество? Не будетъ ли это перенесеніе столь же неточно, какъ и приложеніе понятія о воспитаніи къ смѣняющимся поколѣніямъ? Упомянутое нравственное наслажденіе жизнью состоитъ въ связномъ сознательномъ воспоминаніи объ этой внутренней работѣ развитія; а можетъ ли кто нибудь принять ее на себя вмѣсто другаго, одно поколѣніе вмѣсто другаго? Замѣчается ли въ исторіи такая непрерывная связь, чтобы потомки повторяли, по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ, тѣ борьбы развитія, которыя волновали ихъ предковъ?

Совсѣмъ нѣтъ. Безъ связи съ прошедшимъ, входитъ каждый индивидуумъ въ жизнь съ естественными способностями, потребностями и страстями своего рода, которыя мало измѣняются отъ теченія исторіи, а если и измѣняются, то для того, кто рождается съ ними, составляютъ такой же не заслу-

женный, и безсознательно полученный даръ природы, какимъ былъ для его предковъ ихъ темпераментъ. Будучи снабженъ этими средствами, каждый дѣлаетъ свои жизненные опыты, переживаютъ свои борьбы развитія.—И всѣ эти борьбы въ существѣ дѣла одинаковы. Вліяніе исторіи начинается только съ того, что каждый встрѣчаетъ результаты работы своихъ предшественниковъ въ положеніи вещей, съ которымъ долженъ свыкаться, вести борьбу, или соглашать свои интересы. Безъ сомнѣнія отъ этого въ теченіи исторіи измѣняется и форма развитія, которое переживаетъ индивидуумъ,—но измѣняется вовсе не въ томъ смыслѣ, что каждый, живущій позже, получаетъ возможность обозрѣвать ходъ образованія въ человѣчествѣ тѣмъ обширнѣе и сознательнѣе, чѣмъ долѣе предыдущее время трудилось надъ отдѣльными ступенями этаго образованія. Но именно сознаніе о внутренней работѣ, доставившей результаты, съ которыхъ онъ долженъ начинать, или вовсе не доходитъ до него, или доходитъ въ крайне несовершенномъ видѣ; только готовые результаты, въ видѣ большей суммы предразсудковъ, основанія которыхъ забыты, входятъ въ образованіе потомковъ. Часто они даютъ потомку возможность идти далѣе своихъ предшественниковъ; но не рѣже, составляя наслѣдственное ограниченіе его круга зрѣнія, служатъ препятствіемъ и къ тому развитію, которое онъ могъ бы получить безъ

этой исторической зависимости. Но въ обоихъ случаяхъ способъ, которымъ почти единственно передается образованіе прежняго времени, ведетъ къ результату, прямо противоположному цѣли исторической работы, — именно все болѣе и болѣе распространяетъ инстинктивное усвоеніе элементовъ образованія безъ той самодѣятельности, которою они нѣкогда были пріобрѣтены. Ни одно имущество, говорятъ, не доходитъ до третьяго наслѣдника въ своей первоначальной величинѣ. И это очень естественно. Первый наслѣдникъ еще родится и воспитывается въ виду той дѣятельности, которой пріобрѣталось имущество; и у него, если недостаетъ стремленія къ умноженію, то по крайней мѣрѣ остается стремленіе къ сохраненію. Второй. родившись полнымъ обладателемъ имущества, уже ничего не знаетъ о цѣнѣ работы, создавшей ею. Поэтому третій долженъ начинать тотъ же круговоротъ снова. Точно такую же судьбу имѣетъ и достояніе образованія, собираемое исторіей. Хотя въ ней результаты не такъ быстро утрачиваются, и не такъ полно наслѣдуются, какъ въ приведенномъ нами примѣрѣ; но возвышенная радость и свѣжесть изобрѣтающихъ и открывающихъ вѣковъ вовсе не переходитъ къ вѣкамъ, владѣющимъ ихъ открытіями и изобрѣтеніями. Все, научныя истины, съ трудомъ выработанныя правила общественной нрав-

ственности, откровенія художественнаго созерцанія, — все со временемъ утрачиваетъ свою жизненную силу. Чѣмъ больше этихъ пріобрѣтеній передается позднѣйшимъ вѣкамъ, тѣмъ менѣе они переживаются внутренно, даже въ томъ случаѣ, если внѣшне признаются и сохраняются,—что впрочемъ не всегда бываетъ. То, что нѣкогда, въ первый разъ попавъ въ кругозоръ предковъ, было живымъ освобожденіемъ сердца отъ давящаго его гнета, и глубокомысленнымъ проникновеніемъ въ новую сторону человѣческаго назначенія,—въ рукахъ потомковъ дѣлается стертой монетой: цѣнность этой монеты употребляютъ, но почти не знаютъ ея чекана.

Ни въ какой области прогрессъ человѣчества не подлежитъ сомнѣнію менѣе, чѣмъ въ области науки, хотя и здѣсь онъ не былъ постояненъ, а прерывался долгими промежутками варварства. Но и этотъ прогрессъ произвелъ только тотъ странный результатъ, что цѣлость пріобрѣтеннаго знанія сдѣлалась необозримою и для тѣхъ, которые исключительно посвящаютъ себя его разработкѣ. Какъ странно и однако вполнѣ справедливо — говорить о высокомъ состояніи науки въ наше время! Что такое наука? Не сама истина, потому что истина существовала всегда, и не нуждалась въ человѣческихъ усиліяхъ для того, чтобы произойти на свѣтъ. Слѣдовательно наука есть только знаніе объ истинѣ; а

это знаніе такъ увеличилось, что уже не можетъ быть обнято знаніемъ. По этому наука въ дѣйствительности имѣетъ теперь такое странное существованіе:—она существуетъ, но для каждаго состоитъ только въ возможности изслѣдовать и узнать каждую изъ ея частей; цѣлостью науки не владѣетъ никто, приблизительно знаютъ ее немногіе, конечно не масса человѣчества. И теперь, какъ во всѣ предыдущія времена, владѣвшія обширной и многосторонней наукой, люди раздѣляютъ между собой ея различныя отрасли, и, стремясь вполнѣ овладѣть избраннымъ отрывкомъ, иногда опять предаютъ забвенію и сомнѣнію цѣльную совокупность пріобрѣтеній, сдѣланныхъ человѣческимъ образованіемъ. По этому прогрессъ науки не есть непосредственно прогрессъ человѣчества; онъ былъ бы прогрессомъ человѣчества только въ томъ случаѣ, если бы, съ возростаніемъ собираемаго содержанія истины, увеличивалось и участіе людей къ нему, ихъ знаніе о немъ, и ясность ихъ общаго взгляда на его цѣлость. Не отрицая, что нѣкоторые періоды исторіи въ извѣстной мѣрѣ выполняютъ эти требованія, тѣмъ не менѣе мы едва ли можемъ замѣтить въ цѣлой исторіи постоянное улучшеніе въ этомъ отношеніи.

Возражаютъ, что усовершенствованіе человѣчества состоитъ не въ одномъ прогрессѣ сознательнаго знанія, но и въ благодѣтельныхъ слѣдахъ, которые

оставляетъ наука на человѣческихъ состояніяхъ даже и тогда, когда опять исчезаетъ изъ сознанія людей. Эти слѣды изображаются очень краснорѣчиво, и мы охотно соглашаемся, что даже въ томъ благодѣтельномъ осадкѣ, который оставляетъ прогрессъ знанія въ обыденной жизни, заключается подлѣ простыхъ удобствъ и приращенія благосостоянія, извѣстное духовное благо и извѣстная образовательная сила; одно существованіе усовершенствованной обстановки жизни перестроиваетъ и облагороживаетъ неясное чувство жизни, которое имѣетъ сильное вліяніе на характеръ всѣхъ нашихъ стремленій. Но, не отвергая значенія этого прогресса, мы не должны и преувеличивать его цѣну. Привычка быстро уменьшаетъ её. Новое изобрѣтеніе обыкновенно на первое время возбуждаетъ живое участіе, но за тѣмъ скоро отступаетъ въ рядъ предметовъ и событій, которыя всегда окружаютъ насъ, и по недостатку въ новизнѣ не производятъ на насъ никакого впечатлѣнія своей внутренней загадочностью. По большей мѣрѣ, иногда въ минуту мимолетнаго углубленія въ дѣло, мы вспоминаемъ, что то или другое изобрѣтеніе «собственно» очень замѣчательно, или дивимся тому, до чего теперь дошелъ человѣческій разумъ. Но всего чаще люди съ извѣстной неблагодарной грубостью сердца легкомысленно наслаждаются плодами изобрѣтеній, и не удѣляютъ ни минуты участья и любопытства духовному акту,

произведшему ихъ, какъ будто бы само собой было понятно, что ихъ бѣдная жизнь должна украшаться такими непонятными дарами. Потому въ заключеніи мы должны сказать: какъ бы ни были велики прогрессы человѣческаго рода, но ихъ великость всегда можетъ измѣряться малостью сознанія, которое онъ во всѣ времена имѣлъ объ этомъ своемъ собственномъ движеніи, о мѣстѣ пути, на которомъ находится въ данное мгновеніе, объ исходной точкѣ и цѣли этаго пути. Если человѣчество предназначено прійдти къ сознанію того, что оно есть по своему предрасположенію, то оно, быть можетъ, и приходитъ къ этому сознанію, но само не замѣчаетъ или не ощущаетъ его постепеннаго пробужденія; о человѣчествѣ нельзя сказать, что оно дѣлается тѣмъ, что есть, съ сознаніемъ этого процесса, и съ воспоминаніемъ о своихъ прежнихъ состояніяхъ. По этому представленіе о воспитаніи, если перенесть его съ индивидуума, въ отношеніи къ которому оно имѣло смыслъ, на цѣлое человѣчество, не разрѣшаетъ ни одного сомнѣнія, возбуждаемаго въ насъ исторіей.

Эти сомнѣнія быть можетъ, намъ лучше разрѣшитъ взглядъ, который образовался и былъ особенно любимъ въ недавнемъ прошедшемъ. По нему, воспитаніе человѣчества есть устарѣвшее и нейдущее къ дѣлу выраженіе, хотя въ основаніи его и лежитъ правильная мысль. Этотъ взглядъ запутываетъ насъ въ изслѣдо-

ванія о смыслѣ и значеніи событій, которыя, какъ произведенія произвола, должны оставаться непостижимыми для мысли, могущей понимать только необходимое. На самомъ дѣлѣ исторія человѣства, какъ всякое истинное развитіе, есть только осуществленіе его собственнаго понятія. Каждое истинное существованіе раскрывается въ живомъ уничтоженіи своей первоначальной естественной опредѣленности, развивается въ полноту обнаруженія и многоразличнаго явленія, изъ нея возвращается къ самому себѣ, углубляется, обогащается, выясняется посредствомъ переживаемой работы развитія, плоды которой оно сохраняетъ въ самомъ себѣ. Тотъ же законъ движетъ и побуждаетъ и человѣчество къ развитію исторіи. Исторія есть саморазвитіе человѣческаго духа, его собственная судьба и внутренняя необходимость, а не движеніе, въ которое приводитъ насъ дѣятельность внѣшнихъ фактовъ. Она понятна изъ понятія человѣчества; въ этомъ понятіи заключается не только основаніе ея временнаго теченія вообще, но изъ него же можно вывесть для каждой отдѣльной ступени историческаго образованія строгую и полную формулу, объясняющую всѣ ея особенности. Наконецъ тотъ же законъ объясняетъ какъ правильный прогрессъ, такъ и странныя отступленія и обходы, которые, по видимому, прерываютъ его постоянство.

Мы скажемъ съ своей стороны, что именно по-

слѣдняго онъ и не дѣлаетъ; напротивъ тотъ способъ, по которому этотъ взглядъ допускаетъ въ исторіи произволъ и случайность, не подлежащую вычисленію, подлѣ строгаго развитія понятія человѣчества, подаетъ первый поводъ къ изслѣдованію вѣрности его самоувѣренныхъ положеній.

Въ отношеніи ко всѣмъ явленіямъ мы имѣемъ двоякую задачу:—частью шагъ за шагомъ объяснить возможность ихъ происхожденія, частью отгадать разумное значеніе, которое оправдываетъ ихъ существованіе вмѣстѣ со всѣми предположеніями, обосновывающими его. Міросозерцаніе, изъ котораго происходитъ упомянутое пониманіе исторіи, вовсе не скрываетъ того своего убѣжденія, что смыслъ или идея, для осуществленія которой предназначено каждое событіе и каждое твореніе, образуетъ ихъ истинное существо, и что высшая задача всякаго изслѣдованія, а также и историческаго, состоитъ въ отысканіи этого самаго внутренняго пункта жизни. Въ тоже время оно, не смотря на все свое желаніе, не можетъ скрыть, что ему не достаетъ опредѣленнаго представленія объ отношеніи идеи къ средствамъ ея осуществленія. Оно должно согласиться, что все, совершающееся въ исторіи, производится только мыслями, чувствами, страстями и усиліями индивидуумовъ, и что направленія, по которымъ дѣйствуютъ всѣ эти живыя силы, вовсе не совпадаютъ необходимо

съ направленіемъ развитія всеобщей идеи. Наконецъ къ этому сознанію оно не имѣетъ прибавить ничего кромѣ того, что не смотря на всѣ эти спутанныя, противорѣчащія, расходящіяся направленія, въ нихъ, съ ними, подъ ними идея сохраняетъ свое значеніе, а въ цѣломъ даже дѣйствуетъ одна исключительно. Изъ такого неумѣнья согласить индивидуальныя силы исторіи съ ея идеей легко происходитъ у послѣдователей этаго взгляда пренебреженіе ко всему тому, чѣмъ они не умѣютъ воспользоваться для своихъ цѣлей. И на самомъ дѣлѣ они довольно часто объявляли, что отдѣльныя живыя души въ исторіи должно собственно считать за ничто, что онѣ—прахъ и дымъ, что ихъ стремленія сами по себѣ не имѣютъ цѣны и значенія, если не совпадаютъ съ ходомъ развитія идеи, и ихъ счастье и миръ вовсе не относятся къ цѣлямъ исторической работы. Теченіе исторіи есть великая, плодоносная и трагическая бойня, въ которой всякое индивидуальное счастье и жизнь приносится въ жертву развитію всеобщей идеи человѣчества. Здѣсь высказано существенное отличіе этаго взгляда отъ предыдущаго, съ которымъ онъ имѣетъ такъ много общаго въ иныхъ отношеніяхъ. Кто говоритъ о воспитаніи, тотъ естественно хочетъ воспитывать не понятіе, а живыя существа, которыя только обозначаются и называются этимъ понятіемъ, и одни могутъ наслаждаться своимъ развитіемъ.

Прежде всего, только тотъ, кто хочетъ чтить въ исторіи загадку, но не искать ея разрѣшенія, можетъ удовлетвориться таинственной встрѣчей между потребностью въ развитіи, ощущаемой идеей, и независимыми отъ нея стремленіями индивидуумовъ. Но для того, кто ищетъ разрѣшенія загадки, предстоятъ два пути, и на обоихъ онъ долженъ сперва ясно показать, кто или что есть, и гдѣ находится— тотъ духъ человѣчества, развитіе котораго образуетъ исторію.

Первый путь долженъ начинаться объясненіемъ, что этотъ духъ существуетъ только въ безконечномъ множествѣ одновременныхъ и преемственныхъ живыхъ существъ, какъ общая имъ основная черта ихъ организаціи, и не имѣетъ особеннаго самостоятельнаго бытія внѣ ихъ, подлѣ нихъ или между ними. Изъ расчлененія этого всеобщаго характера человѣчности (такое значеніе получаетъ здѣсь духъ человѣчества), и вмѣстѣ внѣшнихъ условій, представляемыхъ землею, мы могли бы заключить, что родъ и высота образованія, содержащаго возможно высшую мѣру развитія и наслажденія для всѣхъ человѣческихъ способностей, достижимы не въ теченіи индивидуальной жизни, а только въ преемствѣ поколѣній, изъ которыхъ каждое послѣдующее начинаетъ свое развитіе съ того, на чемъ остановилось предыдущее. Тогда мы припомнили бы, что это развитіе не имѣло бы

никакой цѣны, если бы совершалось съ непогрѣшимой правильностью естественнаго процесса, и живыя души созданы не для того, чтобы осуществлять несвободное постоянство прогресса, даже если бы оно было желательно. Мы особенно ясно выставили бы на видъ ничѣмъ несвязанное своеволіе во всѣхъ живыхъ элементахъ, которые тѣмъ не менѣе своимъ совокупнымъ дѣйствіемъ должны обосновывать непрерывное теченіе исторіи. Естествознаніе иногда показываетъ, что неправильныя противоположныя движенія самыхъ малыхъ частей массы не только не измѣняютъ общаго однообразнаго движенія всей массы, но, по очевиднымъ основаніямъ, и не могутъ измѣнить его. Мы показали бы, что подобнымъ образомъ неправильныя стремленія индивидуумовъ всегда ограничиваются въ своемъ выполненіи всеобщими, независимыми отъ произвола условіями, которыя заключаются въ законахъ духовной жизни вообще, въ твердомъ порядкѣ природы, господствующей надъ нею посредствомъ ея необходимыхъ потребностей, наконецъ во взаимодѣйствіяхъ, необходимо совершающихся между членами одушевленнаго общества. Эта задача не нова, и нѣтъ недостатка въ опытахъ къ ея разрѣшенію. Напротивъ, спокойный и опытный наблюдатель надъ людьми и вещами именно въ этомъ смыслѣ обыкновенно понимаетъ исторію. Всегда одинаковая въ существенномъ природа душъ, сходство

ихъ потребностей и постоянная аналогія жизненныхъ отношеній поставили наконецъ прочную плотину противъ всякаго наводненія произвола, и въ человѣчествѣ можетъ продолжаться только то тихое поступательное движеніе, которое соотвѣтствуетъ всѣмъ этимъ условіямъ и ихъ медленнымъ измѣненіямъ. Такимъ образомъ исторія представляется для этого взгляда на самомъ дѣлѣ развитіемъ понятія человѣчества, и при томъ не только въ томъ простомъ смыслѣ, что въ ней не происходить ничего несообразнаго съ всеобщимъ характеромъ человѣческой организаціи, но и въ томъ, что въ большихъ размѣрахъ пріобрѣтаютъ прочное существованіе и смѣняютъ другъ друга только тѣ развитія, которыя соотвѣтствуютъ назначенію человѣческой духовной жизни.

Взглядъ, оспориваемый нами, пренебрегъ этотъ путь. Ему не нравилось, что и исторія происходитъ только какъ результатъ изъ множества совокупно дѣйствующихъ силъ; онъ охотнѣе желалъ бы понять ее изъ одной производительной силы, проникающей собой все теченіе ея развитія. Въ такомъ случаѣ конечно нужно было иначе опредѣлить тотъ духъ человѣчества, котораго саморазвитіе должно составлять исторію. Если онъ, совершая обширнѣйшій ходъ своего собственнаго развитія, принимаетъ форму человѣческаго существованія, что бы пережить въ ней рядъ явленій, необходимыхъ для него на этой сту-

пени его развитія, то здѣсь недостаточно называть его только міровымъ духомъ. Если этотъ міровой духъ раздѣляется на безконечное множество отдѣльныхъ людей, и не живетъ вполнѣ ни въ одномъ изъ нихъ, то какъ можетъ онъ, не нарушая произвола этихъ многихъ существъ, управлять ихъ взаимодѣйствіемъ съ полнымъ единствомъ, и производить изъ него развитіе, сообразное съ своимъ собственнымъ понятіемъ? Очевидно онъ помогалъ бы достиженію этого слѣдствія, если бы былъ во всѣхъ отдѣльныхъ людяхъ одной и той же общей имъ духовной организаціей; но такимъ образомъ онъ только ограничивалъ бы ихъ развитіе предѣлами возможнаго для этой организаціи, а не предначертывалъ положительно его теченія и опредѣленныхъ формъ. Если хотятъ болѣе, чѣмъ этаго, то единство въ исторіи можно достигнуть, только признавъ духъ, проникающій её мыслью и единствомъ своего намѣренія, за дѣйствительно живой духъ. А такой духъ долженъ имѣть самосознательное бытіе между, подлѣ, внѣ отдѣльныхъ духовъ, не быть вплетеннымъ въ необходимость ихъ развитія, какъ субстанція, въ которой оно совершается, а царствовать надъ ней, какъ сила, производящая ее. Другими словами, этотъ второй взглядъ опять приводитъ къ представленію о божественномъ воспитаніи человѣчества точно также, какъ первый приводилъ къ признанію исторіи за естественный процессъ, въ которомъ слу-

чается все, что составляетъ неизбѣжное слѣдствіе предшествовавшихъ обстоятельствъ. На эти два ясные взгляда распадается ученіе объ осуществленіи идеи въ исторіи; конечно его послѣдователи и теперь будутъ утверждать, что оно есть не темное смѣшеніе, а высшее спекулятивное единство двухъ упомянутыхъ взглядовъ.

Это ученіе съ своимъ пренебреженіемъ къ индивидуальной жизни, и благоговѣніемъ къ развитію идеи, собственно даетъ намъ камень вмѣсто хлѣба, скорпіона вмѣсто рыбы; мы должны подробнѣе разъяснить этотъ пунктъ, потому что многіе признаютъ истиннымъ убѣжденіе, порицаемое нами. Въ человѣческихъ сердцахъ особенно глубоко укореняются тѣ заблужденія, въ которыхъ неточность мысли соединяется съ благородными чувствами.

Ясность познанія требуетъ, чтобы при каждомъ понятіи были вполнѣ мыслимы всѣ пункты отношенія, безъ которыхъ непонятенъ его смыслъ; напротивъ живость выраженія и рефлексіи очень часто любитъ опускать эти пункты изъ вниманія. Очень многія мысли нашего многосторонняго и сложнаго образованія кажутся умными, исполненными высшаго изящества и простоты именно потому, что въ нихъ представленія, хорошо извѣстныя намъ въ обыкновенной жизни, въ которой мы терпѣливо и обстоятельно разбираемъ всѣ условія ихъ приложенія, от-

рываются отъ этой почвы, и какъ бы пересаживаются въ пустое пространство, лишенное объяснительной обстановки. Между прочимъ этой судьбѣ подверглось и понятіе явленія. Для своей понятности, оно очевидно предполагаетъ не только существо, которое является, но точно также необходимо—и другое существо, которому первое является. Это второе существо мы можемъ назвать необходимымъ мѣстомъ явленія, потому что оно существуетъ только здѣсь, и есть нечто иное, какъ образъ одного существа, составляемый другимъ, воспринимающимъ его. Между тѣмъ обыкновенное словоупотребленіе почти совершенно опускаетъ изъ вниманія этотъ пунктъ отношенія; противопоставляя другъ другу существо и явленіе, мы обыкновенно имѣемъ въ виду только существо, производящее явленіе, какъ будто бы явленіе, будучи произведено имъ, существуетъ само собой, не нуждается во второмъ существѣ, и на самомъ дѣлѣ не существуетъ только въ формѣ состоянія внутренней природы этаго послѣдняго.

Безвредно всякое словоупотребленіе, которое понимаетъ само себя и границы своихъ приложеній и слѣдствій; въ настоящемъ случаѣ недостаетъ и того и другаго. То, что обыкновенно называется явленіемъ, на самомъ дѣлѣ есть только процессъ, могущій сдѣлаться явленіемъ, или подать къ нему поводъ, подъ условіемъ встрѣчи съ существомъ, спо-

собнымъ къ воспріятію; но этотъ процессъ не есть само явленіе. Въ истинномъ понятіи явленія заключается и признакъ его цѣны, который никакъ нельзя перенесть на процессъ, предшествовавшій явленію. Явленіе не есть фактъ, одинаковый съ прочими фактами; въ томъ, что какое нибудь существо не только существуетъ само по себѣ, но и для другаго, заключается элементъ счастья; конечно не бытіе существа, но его цѣна возвышается въ нашихъ глазахъ если его образъ отражается въ другомъ существѣ, или вообще его содержаніе не только существуетъ, но еще въ чьемъ нибудь воспринятіи узнается и дѣлается предметомъ какого нибудь наслажденія, пусть даже только пониманія. Кто спрашиваетъ: «существовало ли бы извѣстное существо. если бы оно не являлось», тотъ едва ли думаетъ, что его истинное бытіе состоитъ въ исхожденіи изъ самаго себя, и дѣятельности, направленной вовнѣ. Напротивъ подъ этимъ исхожденіемъ ясно понимается выходъ изъ глухости, слѣпоты, ночи незнаемости на громкій свѣтлый день борствованія, знаемости. Какъ для поэтическаго воззрѣнія на природу восходъ солнца состоитъ не только въ томъ, что оно поднимается надъ горизонтомъ, подъ которымъ было прежде, но дѣлается видимымъ само, дѣлаетъ видимыми другіе предметы и разливаетъ на міръ ясность существованія другъ для друга; такъ и явленіе существа, ко-

торому мы усвояемъ цѣну, и о которомъ говоримъ, какъ о великомъ благѣ, всегда есть вхожденіе какого нибудь факта въ наслаждающееся имъ сознаніе. Блескъ свѣта, явленіе, счастье явленія, которыя можно находить только въ ощущеніи ощущающаго существа, въ познаніи, въ сознаніи этаго познанія, никакъ не могутъ быть событіями, совершающимися въ пустомъ пространствѣ, только исходящими изъ существа, но никогда не входящими ни въ какое другое.

Кто видитъ въ исторіи развитіе идеи, тотъ обязанъ сказать, кому это развитіе приноситъ пользу, или какое благо осуществляется посредствомъ него. Естественно, при этомъ мало сказать, что на позднѣйшихъ ступеняхъ развитія появляется, какъ ихъ результатъ, благо, не существовавшее прежде; нужно еще показать, что высшее благо заключается въ прежнемъ несуществованіи этаго блага, и въ его постепенномъ достиженіи путемъ развитія. Если бы мы согласились удовольствоваться однимъ прогресивнымъ явленіемъ идеи счастья, и отказались отъ дальнѣйшаго блага, которому оно должно служить, то и этотъ смотръ проходящихъ мимо мыслей предполагаетъ для себя зрителей. Кто же эти зрители? Или само человѣчество, развиваясь, является себѣ въ этомъ развитіи, и наслаждается счатьемъ этаго сознанія; или одинъ Богъ зритъ исторію, а че-

ловѣчество переживаетъ ее безсознательно; или наконецъ отдѣльныя человѣческія души доходятъ до сознанія историческаго прогресса идеи, который прочими испытывается только въ ихъ судьбахъ и жизненныхъ настроеніяхъ.

Первый изъ этихъ отвѣтовъ нельзя дать. Безспорно человѣчество въ каждый вѣкъ, на основаніи своего даннаго жизненнаго положенія и своихъ опытовъ, составляло извѣстное мнѣніе о своемъ собственномъ существѣ и его назначеніи. Мы вовсе не желаемъ унижать это мнѣніе только потому, что оно обыкновенно болѣе чувствуется, чѣмъ ясно сознается, и только въ рѣдкихъ случаяхъ получаетъ опредѣленный и все-таки односторонній характеръ. Но историческое происхожденіе этаго жизненнаго чувства, и его значеніе въ цѣлости историческаго развитія остается совершенно неизвѣстнымъ массѣ человѣчества. Темныя преданія о добромъ старомъ времени или недовольныя надежды на лучшее будущее составляютъ для толпы всю философію исторіи, въ основаніи которой не лежитъ никакого знанія фактовъ, сколько нибудь достойнаго этаго названія; вся тонкость во взаимномъ преемствѣ моментовъ развитія исторической идеи совершенно понапрасну тратится для сознанія человѣчества вообще.

Второй отвѣтъ можно легче дать, и охотнѣе принять, потому что въ него можно вложить смыслъ, луч—

тій того, который онъ имѣетъ дѣйствительно. Какой взглядъ въ концѣ концовъ не согласился бы съ тѣмъ скромнымъ сознаніемъ, что одному Богу совершенно извѣстенъ смыслъ исторіи? Но здѣсь дѣло идетъ совсемъ о другомъ. Если исторія есть развитіе понятія человѣчества, вѣдомое для одного Бога, то это развитіе должно быть и единственною цѣлью исторіи, а все прочее, всѣ дѣйствія и страданія конечныхъ существъ, ихъ надежды и опасенія, стремленія и боренія, удачи и неудачи должны составлять только механизмъ и декорацію, которыя божественный духъ употребляетъ для того, что бы представлять себѣ зрѣлище этаго развитія понятій. Конечно нельзя думать, что, при взглядѣ на трагическое сцѣпленіе событій, сердценаблюдателя остается совершенно безучастнымъ, и по крайней мѣрѣ отъ времени до времени не объемлется болѣе теплымъ чувствомъ; но какъ часто учили насъ возвышаться надъ этимъ слабонервнымъ сожалѣніемъ чувствительнаго дѣеписанія, и понимать, что исторія имѣетъ въ виду только необходимый прогрессъ понятія, а не счастье людей! Далѣе, конечно несостоятельность разсматриваемаго взгляда значительно прикрывается тѣмъ, что зрителя исторической трагедіи называютъ всего чаще міровымъ духомъ, абсолютомъ, идеей, познающей саму себя. Эгоизмъ, который изъ міра чувствующихъ существъ дѣлаетъ только матеріялъ

для возвышеннаго развлеченія, конечно не представляется во всей своей наготѣ, когда природы эгоиста не опредѣляютъ ясными признаками, и, представляя ее совершенно несходной съ нами самими, лишаютъ насъ возможности подвергать ее всякому нравственному обсужденію. Неизслѣдимое, безличное основное существо, вмѣсто живаго истиннаго Бога, конечно, можетъ, какъ высшая сила, господствовать надъ міромъ и надъ нами, но не можетъ обосновывать никакой обязательности и никакихъ обязанностей. Поэтому такое предположеніе, если бы и дѣйствительно имъ объяснялся внѣшній ходъ исторіи, тѣмъ не менѣе удаляетъ изъ ея внутренней связи одно изъ сильнѣйшихъ побужденій къ дѣятельности. Отъ какихъ бы случайностей ни зависѣло развитіе событій, все таки что нибудь значитъ въ немъ и заслуга искреннихъ усилій человѣческаго рода, который въ чувствѣ святаго обязательства къ потомству работалъ надъ сохраненіемъ и умноженіемъ благъ. Если всякая личная жизнь служитъ только переходнымъ пунктомъ въ развитіи безличнаго абсолюта, то ничто не обязываетъ насъ содѣйствовать совершенно безразличному для насъ историческому процессу, и всѣ наши лучшія стремленія не имѣютъ ни цѣны, ни смысла. Если же намъ дороги сокровища любви, чувства долга и самопожертвованія, хранящіяся въ человѣческомъ сердцѣ, то мы не можемъ не согласить-

ся, что наше сердце, при всей своей конечности и бренности, несравненно благороднѣе, богаче и возвышеннѣе абсолюта, со всемъ его логически необходимымъ развитіемъ.

Третій отвѣтъ мы упомянемъ только мимоходомъ. Никто серьезно не повѣритъ, будто исторія совершается для того, чтобы философы поняли ее философски; исторію мы имѣемъ, ея философіи еще нѣтъ.

Но идея, возражаютъ намъ, имѣетъ бытіе не въ одномъ сознаніи того, кто о ней мыслитъ, она дѣйствительно и дѣятельно существуетъ въ самыхъ вещахъ и ихъ отношеніяхъ. Она существуетъ здѣсь, какъ дѣйствительное отношеніе, еще прежде, чѣмъ привходящее позже мышленіе, обратитъ на нее свое вниманіе, и очевидно она продолжала бы свое существованіе, и нисколько не утратила бы своего значенія, если бы взоръ и вниканіе мыслящаго существа никогда не обращались на нее, и не доводили до сознанія ея содержанія. Поэтому, если бы даже только немногія отдѣльныя души имѣли сознаніе идеи, дѣйствующей въ исторіѣ, если бы даже никто не сознавалъ ея, тѣмъ не менѣе она продолжала бы существовать, и, оставаясь несознанною и неузнанною, руководить судьбами человѣческаго рода. Цѣлое человѣчество въ этомъ случаѣ можно сравнить съ отдѣльнымъ человѣкомъ, который непре-

танно пожинаетъ плоды своей тѣлесной жизни, — боль, удовольствіе или какія нибудь другія ощущенія, но не знаетъ идеи, по которой силы его организма соединяются для этой взаимодѣйствующей работы. Насъ самихъ можно сравнить съ физіологами, которые изслѣдуютъ законы этого дѣйствованія, и мы конечно не будемъ считать разумной идеи, дѣйствующей въ связяхъ живыхъ отправленій, менѣе дѣятельной и менѣе достойной изслѣдованія только потому, что она обыкновенно остается несознательной для существа, живущаго по ней, и оставалась неизвѣстной намъ до мгновенія ея открытія.

Нужно только далѣе прослѣдить это правильное сравненіе, и тогда легко устранится возраженіе, основывающееся на немъ. Конечно мы не думаемъ, что сокровенныя отношенія органическихъ силъ составляютъ цѣль жизни, или что органическое тѣло назначено для осуществленія тѣхъ связей между дѣятельностями, которыя не доходятъ до нашего сознанія. На самомъ дѣлѣ тѣлесная жизнь состоитъ въ ощущеніяхъ, которыя мы получаемъ непонятнымъ для насъ образомъ, въ удовольствіи и неудовольствіи, которыя составляютъ послѣдній результатъ сокровенной дѣятельности нашихъ органовъ, и въ радостномъ наслажденіи, доставляемомъ намъ господствомъ надъ ними. Напротивъ всѣ неизвѣстныя намъ дѣятельности составляютъ посредствующій механизмъ, который су-

ществуетъ не ради самого себя, а для осуществленія этаго высшаго блага.

Въ этомъ смыслѣ тайное развитіе идеи всегда можно считать руководящей нитью всемірной исторіи, и эта нить вѣчно можетъ оставаться незамѣченной, если только служитъ предметомъ наслажденія и знанія рядъ благъ, существующихъ и развивающихся на ней. Но взглядъ, принимающій это толкованіе, не будетъ существенно разниться отъ того, по которому исторія есть только необходимое слѣдствіе изъ взаимодѣйствія между духовной природой въ насъ и условіями земной жизни внѣ насъ. Его особенность—впрочемъ очень сомнительнаго достоинства — можетъ заключаться только въ томъ, что онъ думаетъ, будто многоразличныя побужденія, происходящія извнутри человѣческаго духа, и дѣйствующія въ исторіѣ, можно соединить въ имени понятія о человѣчествѣ, а частныя изслѣдованія о постепенныхъ измѣненіяхъ, испытываемыхъ этими побужденіями въ теченіи времени, можно замѣнить всеобщей формулой будто бы логически необходимаго развитія этаго понятія.

Но именно то толкованіе, съ которымъ мы соглашаемся, совершенно несообразно со смысломъ этаго взгляда: онъ находятъ въ сокровенномъ саморазвитіи идеи не служебное средство, а послѣдній смыслъ и цѣль историческаго развитія, не руково-

дящую нить, на которую постепенно нанизываются дѣйствительныя блага жизни, а самое лучшее изъ этихъ благъ. А съ этимъ-то мы никакъ и не можемъ согласиться. Тайной въ мiровой жизни могутъ оставаться средства, которыя она употребляетъ для достиженiя своихъ цѣлей, законы, по которымъ они дѣйствуютъ, но отнюдь не самыя ея цѣли, не тѣ блага, которыя достигаются законнымъ механизмомъ средствъ. То, что должно быть благомъ, единственно и необходимо существуетъ въ живомъ чувствѣ какого нибудь духовнаго существа; все, что существуетъ внѣ, между, прежде душъ, заними, всякая вещь, положенiе вещей, свойство, отношенiе или событiе относится къ царству механизма, который хотя приготовляетъ блага, но самъ не есть благо. Для этаго трезваго, но тѣмъ не менѣе страшнаго суевѣрiя важно не то, чтобы существовала мощная дѣйствительность, наслаждающаяся сама собой, а то, чтобы существовалъ призракъ прогресса; все существующее, по нему, должно символически напоминать о дѣятельностяхъ, которыхъ оно не совершаетъ, о судьбахъ, которыхъ не переживаетъ, объ идеяхъ, которыя остаются неизвѣстны ему самому. Въ исторiѣ предъ послѣдователями этаго взгляда раскрывается многообразная страстность человѣческой жизни, безконечная своеобразность отдѣльныхъ душъ, потрясающая картина судебъ, сохраняющихъ свои раз-

ности при всемъ своемъ сходствѣ въ общихъ чертахъ; а они предъ этимъ великимъ образомъ задаются вопросомъ, нельзя ли и изъ него сдѣлать что нибудь малое, ничтожное, нельзя ли и въ немъ открыть нестерпимую скуку логически необходимаго развитія. Они хотятъ знать только одну и при томъ меньшую половину міра, только развитіе изъ фактовъ новыхъ фактовъ, изъ формъ — новыхъ формъ, а не постоянное превращеніе всѣхъ этихъ внѣшностей въ то, что одно въ мірѣ цѣнно и истинно, — въ блаженство и отчаяніе, въ удивленіе и отвращеніе, въ любовь и ненависть, въ радостную увѣренность и сомнѣвающуюся тоску, во всѣ тѣ безъименныя стремленія и ощущенія, въ которыхъ состоитъ жизнь, единственно заслуживающая названія жизни. Конечно нашъ споръ противъ этаго взгляда останется безплоднымъ; его послѣдователи всегда будутъ опять скрывать неполноту своихъ понятій подъ великодушнымъ самоотверженіемъ, находить смыслъ въ томъ, что явленія только случаются, хотя ихъ никто не видитъ, — символы только существуютъ, хотя ихъ никто не понимаетъ, — идеи только выражаются въ положеніи вещей, хотя оно ни на кого не производитъ впечатлѣнія.

Нельзя не замѣтить, что неудача всѣхъ исчисленныхъ нами попытокъ объяснить прогрессъ исторіи

зависитъ отъ недостаточности основныхъ научныхъ предположеній, изъ которыхъ онѣ исходятъ. Во всѣхъ этихъ предположеніяхъ не достаетъ яснаго сознанія того, что истинно и дѣйствительно существуетъ только царство живыхъ личныхъ душъ, что все прочее—вещи, законы, формы пространства, времени и общія идеи составляютъ только механизмъ, происходящій отъ живыхъ взаимодѣйствій членовъ этаго царства, и предназначенный для его цѣлей.

Только съ этой точки зрѣнія, составляющей одинъ изъ лучшихъ плодовъ современнаго образованія, хотя еще далеко неусвоенной имъ, можетъ быть развито усиліями науки понятіе о смыслѣ исторіи, вполнѣ сообразное съ своимъ предметомъ.

Чѣмъ выше мы будемъ цѣнить жизнь каждаго отдѣльнаго сердца, тѣмъ болѣе будетъ понижаться цѣна, которую обыкновенно придаютъ связи исторіи человѣчества. Тогда мы избавимся отъ труда въ продолженіи исторіи искать тотъ прогрессъ, который она совершаетъ въ каждомъ изъ своихъ отдѣльныхъ пунктовъ.

И не живетъ ли дѣйствительно большая часть человѣчества этой неисторической жизнью?

Въ концѣ концовъ все многоразличіе и безпокойство постоянныхъ переворотовъ и преобразованій есть только исторія мужсскаго пола; женщины не принимаютъ въ ней почти никакого участія, и повторя-

ютъ всегда одинаковымъ образомъ простыя и великія жизненныя формы человѣческаго сердца. Неужели же ихъ существованіе ничтожно, или мы только забываемъ объ его значеніи въ минуты школьнаго одушевленія, возбуждаемаго въ насъ идеей историческаго развитія?

Такими-то соображеніями подкрѣпляется наклонность къ неисторическому пониманію человѣческой судьбы; но она не преодолѣваетъ противорѣчія со стороны нравственнаго чувства, которое не дозволяетъ намъ отвергать то, что непонятно для насъ, но убѣждаетъ насъ и въ прогрессѣ исторіи чтить дѣйствительное благо. Распредѣленіе умножающихся благъ между преемственными поколѣніями, которыя остаются чуждыми другъ другу, не дозволяетъ научному изслѣдованію признать прогрессъ за дѣйствительное благо, но въ самой жизни не составляетъ никакого несчастья. Напротивъ одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей человѣческаго сердца состоитъ въ томъ, что одно поколѣніе, при всемъ своемъ индивидуальномъ эгоизмѣ, вообще нисколько не завидуетъ другому, слѣдующему за нимъ.

Мы не только охотно уступаемъ будущему большее счастье, но съ сознательнымъ или безсознательнымъ самоотверженіемъ работаемъ сами надъ его достиженіемъ. Это удивительное явленіе очень можетъ укрѣпить въ насъ ту вѣру, что есть высшая

связь, въ которой прошедшее не исчезаетъ, напротивъ все, что повидимому навсегда отдѣляется другъ отъ друга временнымъ теченіемъ исторіи, на самомъ дѣлѣ не перестаетъ существовать во взаимномъ не временномъ общеніи. Мы чувствуемъ такую связь съ людьми близкими къ намъ, съ своимъ народомъ, наконецъ съ цѣлымъ человѣчествомъ, что, по нашему убѣжденію, тѣ блага, которыя принесетъ имъ будущее, не будутъ утрачены и для того, кто помогалъ пріобрѣсть ихъ, самъ не наслаждаясь ими.

Мы убѣждены, что не будемъ потеряны для будущаго, что наши предки вышли изъ этой земной, но не изъ дѣйствительности вообще, и что прогрессъ исторіи какимъ бы то ни было таинственнымъ образомъ совершается и для нихъ,—и только это убѣжденіе позволяетъ намъ такъ, а не иначе говорить о человѣчествѣ. На самомъ дѣлѣ человѣчество состоитъ не въ безчисленномъ множествѣ индивидуумовъ, которыя наше мышленіе слагаетъ въ сумму также безразлично, какъ и всѣ другіе предметы, оно не есть всеобщій родовой характеръ, который безразлично повторяется во всѣхъ индивидуумахъ, сколько бы ихъ ни было и ни могло произойдти еще; человѣчество есть единое живое и реальное общество; оно соединяетъ раздѣленныя временемъ человѣческія души въ духовное цѣлое, въ которомъ каждой напередъ опредѣлено ея мѣсто.

Когда человѣческое сердце для укрѣпленія въ своихъ стремленіяхъ ссылается на души предковъ или на пальму будущаго, то оно вѣритъ въ дѣйствительность прошедшаго и будущаго не въ образномъ, а въ истинномъ, полномъ смыслѣ; всякая ссылка на несуществующее не имѣетъ никакой силы. Всегда, когда человѣчество пыталось отдать себѣ отчетъ въ цѣломъ смыслѣ своего бытія съ непосредственностью чувства, неослабленнаго научными соображеніями,— оно вдгда руководилось этой мыслью о сохраненіи и возрожденіи всѣхъ вещей, и высказывало её въ разныхъ формахъ.

Мы не можемъ утверждать, что эта мысль непосредственно посвящаетъ насъ въ планъ исторіи; но только она, по крайней мѣрѣ, освобождаетъ отъ противорѣчій другіе взгляды, найденные наукой. Никакое воспитаніе человѣчества невозможно, если его окончательные результаты какимъ нибудь образомъ не дѣлаются общимъ достояніемъ всѣхъ тѣхъ, которые не оканчиваютъ его на землѣ; никакое развитіе идеи не имѣетъ значенія, если наконецъ всѣ не проникаютъ въ смыслъ того, что они переживали безсознательно, будучи орудіями этого развитія.

ФИЛОСОФСКІЕ ЭТЮДЫ.

II.

МАТЕРІЯ И ДУХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ТИБЛЕНА И КОМП. (Н. НЕКЛЮДОВА).
Вас. Остр. 8 л., № 25.
1865.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 22 ноября 1865 г.

ОЛАВЛЕНІЕ.

Обыкновенное сознаніе вездѣ предполагаетъ, будто ощущеніе воспринимаетъ полную дѣйствительность, существующую внѣ его. Насъ окружаетъ міръ, освѣщенный своимъ собственнымъ блескомъ, звуки и запахи внѣ насъ перекрещиваютъ пространство. Наши чувства то замыкаются для этой всегда существующей полноты, и ограничиваютъ насъ теченіемъ нашей внутренней жизни, то открываются для внѣшняго раздраженія, и принимаютъ его въ себя во всей прелести или отвратительности его существа. Никакое сомнѣніе не возмущаетъ этой твердой вѣры, и даже обманы чувствъ, представляясь ничтожными въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ согласныхъ между собой опытовъ, не колеблютъ убѣжденія въ томъ, что въ этомъ случаѣ мы вездѣ смотримъ на существующій міръ, который не перестанетъ существовать въ своемъ настоящемъ видѣ и тогда, когда наше непостоянное вниманіе отвратится отъ него. Блескъ звѣздъ, видимый бодрствующимъ человѣкомъ, думаемъ мы, будетъ сіять и надъ спящимъ; звуки и запахи зву-

чать и пахнуть и тогда, когда ихъ никто не слышитъ и не обоняетъ; изъ чувственнаго міра не погибнетъ ничего, кромѣ случайнаго воспріятія, которое прежде отдѣлилось отъ него, и вошло въ сознаніе. И чувственность не только вполнѣ вѣритъ въ истинное существованіе своихъ воззрѣній, но и ведетъ живую борьбу со всякимъ возраженіемъ противъ полной дѣйствительности ея явленій. Собственное достоинство предмета должно трогать насъ въ сладости вкуса и пріятности запаха, собственная душа вещей должна говорить намъ въ звукѣ; блескъ цвѣтовъ поблѣднѣлъ и потерялъ бы свою цѣну для насъ, если бы мы не могли удивляться въ ихъ сіяніи откровенію другаго существа, которое намъ чуждо, но теперь, тѣмъ не менѣе, дѣлается совершенно прозрачнымъ для насъ. Лучшее значеніе чувственныхъ предметовъ изчезло бы для насъ, еслибы мы лишились этой ясной чувственной дѣйствительности; таже тоска, вслѣдствіе которой на высшихъ ступеняхъ духовной жизни мы стремимся найдти себѣ восполненіе въ другихъ существахъ, уже въ чувственности хочетъ твердо удержать мечтательное наслажденіе, заключающееся въ тѣсномъ соединеніи съ чуждымъ существомъ. И чувственное не только должно стоять въ какой-нибудь связи съ самими вещами, но таже тоска увлекаетъ насъ далѣе, представляетъ намъ въ чувственныхъ свойствахъ дѣйствія самихъ вещей. Вещи не только имѣютъ цвѣта, но въ цвѣтахъ смотритъ на насъ ихъ живое, дѣятельное явленіе; ихъ вкусъ, ихъ запахъ—суть ихъ дѣйствія, обращенныя на насъ; въ нихъ внутреннее суще-

ство вещей приближается къ нашему, и открываетъ намъ то, что, за внѣшними пространственными границами образовъ, составляетъ собственную реальность ихъ бытія.

Конечно, не вездѣ въ обыденной жизни мы одинаково усвояемъ ощущенію эту важность; иныя цѣли, съ многоразличіемъ требуемыхъ ими соображеній, часто заставляютъ насъ опускать безъ вниманія многія чувственныя воззрѣнія; то, что само по себѣ можетъ привесть насъ въ возбужденіе, сливается для нашего разсѣяннаго взора въ безразличное или непріятное общее впечатлѣніе; мы видимъ хаотическія нечистыя массы тамъ, гдѣ вооруженный глазъ часто еще открываетъ правильную кристаллизацію и слѣды стройной образовательной силы. Такъ цвѣта—безразличны для насъ въ искусственныхъ формахъ нашихъ сосудовъ; но если мы обратимъ нашъ взоръ на самыя малыя части естественнаго вещества, которое наша техника, сообразно съ потребностями жизни, заставила принять безразличный для него образъ, то опять тотчасъ же выступаетъ на видъ сила чувственнаго очарованія. Тогда мы видимъ въ маломъ откровеніе той же прекрасной тайны, которая съ такой полнотой предугадывалась нашими чувствами въ пространствахъ неба и даже въ таинственныхъ образахъ цвѣтовъ.

Множество звуковъ, оживляющихъ міръ, для занятаго и невнимательнаго уха, слагается въ безразличный шумъ; но внимательное прислушиваніе, обособляя ихъ, опять узнаетъ въ отдѣльныхъ голосахъ природы откровенія, въ которыхъ загадочное внутреннее существо ве-

щей говоритъ намъ съ непосредственной ясностью, хотя и не переводимой ни на какой другой языкъ. Нѣкоторыя обстоятельства могутъ на время дѣлать для насъ незамѣтною первоначальную значимость чувственныхъ воззрѣній; но она ощущается снова всегда, когда мы отдаемся впечатлѣнію простыхъ явленій, ищемъ ихъ, или въ оконченномъ искусствѣ соединяемъ то, что требуетъ соединенія по сродству своей природы. Тогда мы снова признаемъ, что наша чувственность открываетъ намъ самое внутреннее живое существо, чуждой намъ, истинной дѣйствительности.

Научный взглядъ на природу разрушаетъ всю эту вѣру. Онъ учитъ, что каждое ощущеніе есть только собственное произведеніе нашей души, хотя и возбужденное внѣшними впечатлѣніями, но непохожее ни на нихъ, ни на вещи, отъ которыхъ они произошли. Ни теменъ, ни свѣтелъ, ни звученъ, ни тихъ, напротивъ безъ всякаго отношенія къ свѣту и звуку, лежитъ около насъ міръ; вещи не имѣютъ ни запаха, ни вкуса; даже то, что повидимому, самымъ неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительности внѣшняго — упругость, мягкость, противодѣйствіе вещей — превращается въ формы ощущенія, въ которыхъ доходятъ до сознанія только собственныя состоянія нашего внутренняго существа. Въ дѣйствительности ничто не наполняетъ пространства, кромѣ неопредѣленной безчисленности атомовъ, которые въ самыхъ многоразличныхъ формахъ движенія колеблются одинъ противъ другаго. И ни эти атомы, ни ихъ движенія не составляютъ предметовъ

нашего наблюденія въ томъ видѣ, въ какомъ существуютъ на самомъ дѣлѣ; и тѣ и другія суть необходимыя предположенія, къ которымъ приводитъ насъ, хотя и необходимо, одно научное изслѣдованіе явленій. Мы даже не можемъ описать эти простые элементы, потому что имъ чужды всѣ чувственныя свойства, единственный наглядный матеріалъ нашихъ описаній; правда, мы можемъ чертить ихъ движенія, но и они въ своихъ дѣйствительныхъ формахъ никогда не бываютъ предметами нашего дѣйствительнаго воспріятія. Такимъ образомъ, реальное существо внѣшней природы вполнѣ недоступно нашимъ чувствамъ, и все многоразличіе чувственнаго міра есть явленіе въ насъ самихъ; конечно мы обратно распространяемъ его на вещи, какъ будто бы оно было ихъ естественнымъ образомъ и освѣщеніемъ; но это явленіе точно также не привязано къ нимъ, или не происходитъ изъ нихъ, какъ какія нибудь рефлексіи, возбуждаемыя въ насъ опытомъ, не висятъ въ готовомъ видѣ на предметахъ, съ которыми мы ихъ соединяемъ.

Попытки защитить противъ этаго ученія реальность чувственныхъ явленій были бы напрасны. Должно согласиться съ тѣмъ, что формы движенія, предположенныя вычисленіемъ, на самомъ дѣлѣ суть условія, подающія поводъ къ нашимъ ощущеніямъ; но можно требовать доказательства на ту мысль, что явленіе, которое будучи съ одной стороны произведеніемъ нашей природы, не существуетъ съ другой стороны въ самомъ внѣшнемъ мірѣ, и въ раздраженіяхъ, возбуждающихъ это явленіе въ сознаніи. Быть

можетъ свѣтящіяся колебанія эѳира, и звучащія волны должны перекрещивать пространство, а механическая форма движенія есть только внѣшнее вспомогательное средство для возбужденія глаза и уха къ отображенію самостоятельно существующихъ чувственныхъ содержаній. Но опроверженія этой мысли не нужно и ожидать отъ механической физики, потому что одно легкое соображеніе само собою представляетъ его. Мы не только знаемъ цвѣтъ и тонъ посредствомъ одного нашего ощущенія, но были бы вполнѣ неспособны сказать, что можно еще представить подъ ними, еслибы они не воспринимались нашимъ или другимъ сознаніемъ. Какъ быстрота связана съ движеніемъ, и не есть что нибудь самостоятельное, привходящее къ движенію, такъ точно и всѣ чувственныя ощущенія имѣютъ одно мѣсто для своего существованія—сознаніе, и могутъ существовать однимъ способомъ, именно быть страданіемъ или дѣйствіемъ, вообще состояніемъ этаго сознанія. Еще прежде, нежели механическая теорія показала, въ формахъ движенія внѣшнихъ элементовъ, причины, отъ которыхъ зависитъ въ насъ происхожденіе ощущеній, рефлексія могла бы уяснить себѣ, что они во всѣхъ случаяхъ могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только состояніями духовнаго существа и его знанія, и что неудастся ни одна попытка поставить то, что свѣтитъ въ свѣтѣ, и звучитъ въ тонахъ, гдѣ нибудь внѣ ощущающихъ существъ, какъ самостоятельно существующее свойство вещей, или какъ со-бытіе между ними. Напрасно называютъ глазъ солнцеобразнымъ, какъ будто бы свѣтъ

существовалъ прежде, чѣмъ былъ видимъ, и какъ будто глазъ нуждался въ особой тайной способности для подражанія тому, что онъ одинъ и производитъ. Совершенно безплодны—всѣ мистическія стремленія создать для чувственныхъ воззрѣній дѣйствительность внѣ насъ посредствомъ сокровеннаго тождества духа и вещей. Впрочемъ какъ бы ни были безплодны эти стремленія, они конечно всегда будутъ возобновляться той странной чувствительностью, которая умѣетъ неудовлетворять своимъ, быть можетъ, справедливымъ желаніямъ, дѣятельно устраняя препятствія къ ихъ осуществленію, а только обманываетъ ихъ лѣниво отдаваясь мыслямъ, противорѣчащимъ самимъ себѣ.

Но дѣйствительно ли намъ должно оставить всѣ притязанія, которыя для непосредственнаго сознанія казались столь основательными? Неужели все великолѣпіе чувственности есть ничто иное, какъ обольщеніе нашего внутренняго существа, которое, будучи неспособно созерцать истинную природу вещей, утѣшаетъ себя созданіемъ явленія, неимѣющаго никакого объективнаго значенія? Если бы, по крайней-мѣрѣ, чувственныя ощущенія могли переводить свойства вещей, не измѣняя ихъ значенія, на языкъ, привычный для духа, то мы успокоились бы, и устранили неминуемое возмущеніе, которому подвергается чистота дѣйствительнаго содержанія, при своемъ переходѣ въ наше познаніе. Но что общаго между колебаніями эѳира и свѣтомъ, волнами воздуха—и тонами? Физическій поводъ здѣсь такъ несравнимъ со слѣдующимъ за нимъ ощущеніемъ, что въ послѣднемъ мы не

находимъ даже ослабленнаго отголоска перваго, а видимъ въ насъ происхожденіе новаго явленія, безъ тѣни сходства съ нимъ. Такъ чувственность не способна къ выполненію своей задачи—отраженію природы вещей или, по-крайней-мѣрѣ истинной внѣшней стороны ихъ существа, и такому полному крушенію подвергается и надежда на познаніе его внутренней стороны! Мы отовсюду окружены заблужденіемъ, и можемъ назвать чувственное воспріятіе только продолженнымъ чувственнымъ обманомъ.

Если такія жалобы и естественны, то, все таки, къ нимъ подалъ поводъ конечно не духъ механическаго изслѣдованія природы. Когда физика принимаетъ за свою исходную точку невоззрительные элементы, и слѣдитъ за многоразличіемъ ихъ движеній, когда старается опредѣлить впечатлѣніе, производимое перенесеніемъ этихъ сотрясеній на нервы, а отъ нихъ на душу, то она смотритъ на эту связь просто какъ на причинную цѣпь процессовъ, и находитъ здѣсь не болѣе страннымъ, чѣмъ гдѣ бы то ни было, то явленіе, что, послѣ столькихъ сообщеній дѣйствія отъ одного предмета къ другому, послѣднее слѣдствіе, качество самаго сознаннаго ощущенія, совершенно не похоже на первыя причины, подающія къ нему поводъ. Почему же вы, могла бы она съ правомъ спросить насъ, требуете, чтобы это было иначе? Почему вы возлагаете на ваши чувства обязанность представлять впечатлѣнія такъ, какъ они дѣйствительно существуютъ, а не такъ, какъ дѣйствительно представляются вамъ? Почему вообще чувства должны доводить

до сознанія не послѣднее слѣдствіе, а первыя причины, и блескъ, звукъ, передаваемый вамъ ими, не естьли фактъ имѣющій право на ощущеніе, одинаково съ невидимыми колебаніями эѳира и воздуха? И если вы жалѣете о гибнущемъ великолѣпіи чувственнаго міра, что мѣшаетъ вамъ удержать его, и радоваться тому обстоятельству, что въ мірѣ есть существа, которыя извѣстными формами движенія возбуждаются къ такимъ прекраснымъ воздѣйствіямъ, къ развитію яснаго міра цвѣтовъ и звуковъ? Что наконецъ принуждаетъ васъ идти въ неотрадную глубину, отталкивать этотъ прекрасный призракъ, и тосковать объ истинномъ видѣ остова, жесткость котораго скрывается за мягкими очертаніями?

Это даетъ намъ достаточный поводъ къ изслѣдованію предположенія которое кажется такъ понятнымъ само по себѣ, — предположенія, будто чувственность и все наше познаніе существуютъ только для того, чтобы отражать образы вещей въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ. Съ сомнѣніемъ возразятъ намъ, къ чему должно вести наше сомнѣніе? Какъ будто не естественно, что задача знанія должна состоять именно въ знаніи? Но въ этомъ возраженіи только повторяется та поспѣшность, которая всѣмъ намъ такъ привычна. Не сомнѣнный фактъ, отъ котораго должно начинаться наше изслѣдованіе, состоитъ только въ томъ, что въ нашемъ сознаніи существуетъ многоразличный міръ представленій, зависящій отъ неизвѣстныхъ, находящихся внѣ насъ условій. Игра представленій, подчиняясь своимъ законамъ, въ соединеніи съ царствомъ этихъ неиз-

вѣстныхъ условій, набрасываетъ для различныхъ духовъ согласный образъ общаго внѣшняго міра, въ которомъ они встрѣчаются другъ съ другомъ для взаимнаго дѣйствія и общенія. По этому, въ отношеніи къ каждому отдѣльному существу, представленіе должно быть истиннымъ на столько, на сколько одному оно представляетъ такой же міръ, какой и другому, и на сколько индивидуальный обманъ не исключаетъ насъ изъ общества прочихъ духовъ, не вноситъ въ наше сознаніе ряда внѣшнихъ пунктовъ отношенія, которые существуютъ только для насъ, и не могутъ вводить насъ въ соприкосновеніе съ дѣятельностью другихъ При этомъ остается совершенно не рѣшеннымъ, есть ли міръ для всѣхъ одинаковое послѣдовательное заблужденіе, или же онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ.

Частью привычка обыкновенной жизни, частью особенный интересъ науки, которая ясно ставитъ задачей своихъ изслѣдованій познаніе вещей, пріучили насъ измѣрять достоинство нашихъ представленій и ощущеній съ тою точностью, съ которой они повторяютъ природу предметовъ. При этомъ мы забываемъ, что теченіе въ насъ внутреннихъ явленій есть такой же полновѣсный фактъ, какъ и бытіе того, отъ чего они происходятъ; и, однажды привыкнувъ обозначать ихъ именемъ познанія, и потому приписывать имъ необходимое отношеніе къ внѣшнему, мы обыкновенно противопоставляемъ бытіе и знаніе другъ другу въ такомъ смыслѣ, будто первымъ заключается собственный дѣйствительный со-

ставъ міра, и послѣднее только обязано, хорошо или худо, повторить въ духѣ еще разъ этотъ готовый міръ. Но тотъ фактъ, что вліяніе сущаго и его измѣненій подаетъ поводъ къ появленію міра чувственныхъ ощущеній внутри духовныхъ существъ, вовсе не есть такая праздная придача къ прочей связи вещей, чтобы смыслъ всего бытія и явленія былъ законченъ и безъ этаго факта; напротивъ онъ самъ есть одно изъ величайшихъ, даже вообще самое великое изъ всѣхъ событій; въ сравненіи съ его глубиной и значительностью оказывается ничтожнымъ все прочее, что бы ни могло происходить между составными частями міра. Мы цѣнимъ каждый цвѣтокъ по собственному блеску его цвѣтовъ и запаху, нетребуя, чтобы онъ повторялъ въ себѣ видъ своего корня; точно также и внутренній міръ ощущеній мы должны цѣнить за его собственную красоту и значеніе, а не измѣрять его цѣны вѣрностью, съ которой онъ повторяетъ малѣйшія черты своего основанія.

И на самомъ дѣлѣ почему намъ не представить въ обратномъ видѣ всего того отношенія, къ которому пріучилъ насъ не обдуманный образъ представленія? Вмѣсто того, чтобы внѣшнее ставить цѣлью, къ которой должна направляться вся тоска нашего ощущенія, почему намъ напротивъ не признать этаго свѣтящаго и звучащаго великолѣпія чувственности цѣлью, для достиженія которой назначены всѣ средства внѣшняго міра, возбуждающія наши жалобы своей сокровенностью? Въ драмѣ, развитіе которой мы видимъ на сценѣ, насъ удовле-

творяетъ поэтическая идея и собственная, полная значенія, красота произведенія; никто не думаетъ, что это наслажденіе онъ возвыситъ, или отъищетъ еще болѣе глубокую истину, если онъ погрузитсявъ разсмотрѣніе машинъ, производящихъ смѣну декорацій и освѣщенія; никто, воспринимая въ себя смыслъ произносимыхъ словъ, не чувствуетъ недостатка въ ясномъ знаніи физическихъ процессовъ, посредствомъ которыхъ организмъ актеровъ производитъ звучащія вибраціи голоса, или приводитъ въ дѣло движеніе выразительныхъ жестовъ. Ходъ міра есть таже драма; его существенная истина состоитъ въ смыслѣ, который развивается въ немъ понятно для сердца; а все прочее, что намъ такъ хотѣлось бы знать, и въ чемъ одномъ, по пристрастному обольщенію, мы ищемъ истинное существо вещей, есть ни что иное, какъ аппаратъ, на которомъ покоится единственно цѣнная дѣйствительность этаго прекраснаго явленія.

Мы должны не жаловатся на то, что чувственность не отображаетъ истинныхъ свойствъ вещей внѣ насъ, а—находить счастье въ томъ, что она ставитъ на ихъ мѣсто нѣчто гораздо большее и прекраснѣйшее; мы не выиграли бы ничего, а много потеряли бы, если бы должны были отказаться отъ свѣтящаго великолѣпія цвѣтовъ и свѣта, силы и прелести звуковъ, сладости запаха, и если бы намъ пришлось вмѣсто этаго исчезнувшаго міра самой многоразличной красоты утѣшаться самымъ точнымъ созерцаніемъ болѣе или менѣе частыхъ, идущихъ по тому или другому направленію ко-

лебаній. Кромѣ того мы имѣемъ возможность, въ научномъ изслѣдованіи овладѣвать этимъ знаніемъ, и на дѣлѣ достигать до безцвѣтныхъ основаній чувственнаго міра, на которыя дѣйствительное ощущеніе разливаетъ этотъ обольщающій, или правильнѣе, просвѣтляющій блескъ. По этому мы не должны жаловаться, будто отъ нашего воспріятія ускользаетъ истинное существо вещей; напротивъ оно именно состоитъ въ томъ видѣ, къ какомъ онѣ являются намъ, и весь видъ ихъ существованія до явленія есть только посредствующее приготовленіе къ этой окончательной реализаціи ихъ существа. Природа стремится произвесть именно красоту цвѣтовъ и звуковъ, теплоту и запахъ, и сама по себѣ не можетъ этаго достигнуть; потому она имѣетъ нужду въ послѣднемъ и самомъ благородномъ орудіи, именно въ ощущающемъ духѣ, который одинъ въ состояніи дать слова нѣмому стремленію, и въ великолѣпіи чувственнаго воззрѣнія оживить до свѣтлой дѣйствительности то, что безплодно пытались сказать всѣ движенія и жесты внѣшняго міра.

Но какъ ни велико значеніе, которое мы такимъ образомъ приписываемъ чувственному ощущенію въ связи міра, все таки намъ должно опасаться, что старыя жалобы не будутъ вполнѣ утишены имъ. При такомъ воззрѣніи преимущество наслажденія слишкомъ односторонне выпадаетъ на долю духовнаго міра, вся природа стоитъ предъ нимъ только какъ безжизненная, хотя и подвижная совокупность средствъ, которая производитъ наслажденіе красотой чувственнаго міра только

въ другихъ существахъ, а не въ самой себѣ. Неужели вещи служатъ только для того, что бы своими движеніями, безъ наслажденія для себя, возбуждать души къ внутренней жизни? Неужели половина созданія, которую мы называемъ матеріяльнымъ міромъ, существуетъ единственно для служенія другой половинѣ, царству духовъ, и не имѣемъ ли мы права съ тоской искать прекрасный блескъ чувственности и въ томъ, изъ чего, какъ намъ кажется, онъ всегда исходитъ для насъ? Быть можетъ, одной этой тоски было бы недостаточно для того, что бы надежно обосновать нашъ новый взглядъ, но если мы допустимъ, что глубже идущее изслѣдованіе восполнитъ силу этаго основанія, то конечно и въ самыхъ вещахъ мы должны будемъ находить дѣйствительность всего чувственнаго содержанія—только подъ предположеніемъ условій, подъ которыми оно вообще мыслимо для насъ. Содержаніе чувственнаго ощущенія, свѣтъ и цвѣтъ, звукъ и запахъ можно считать только формами или состояніями воззрѣнія или знанія; если они должны не только быть явленіями внутри насъ, но и принадлежать вещамъ, отъ которыхъ происходятъ, то вещи должны имѣть силу являться самимъ себѣ, и производить ихъ въ себѣ, въ своемъ внутреннемъ ощущеніи. Къ этому выводу, распространяющему ясность живаго одушевленія на все сущее, должна съ рѣшительностью идти наша тоска; въ немъ одномъ она найдетъ возможность создать для чувственнаго дѣйствительность внѣ насъ, давая ему дѣйствительность внутри вещей; напротивъ того не удастся никакая попытка придать

безчувственнымъ вещамъ, въ видѣ внѣшняго свойства, то, что можно считать только внутреннимъ состояніемъ какого нибудь ощущенія.

Такимъ образомъ мы приходимъ здѣсь къ мысли, которая отъ глубокой древности доселѣ занимаетъ человѣческій умъ, — именно къ принятію двойнаго бытія, которое ведетъ mater rerum, — матерія, — во внѣ обнаруживая извѣстныя свойства тѣлеснаго вещества, а внутри будучи проникнута духовной жизнью. Эта мысль возникла независимо отъ естествознанія, и само собою разумѣется, по самому своему содержанію, ни теперь, ни когда либо не можетъ искать себѣ опоры въ естественныхъ наукахъ, занимающихся не внутренней, а внѣшней стороной міровой жизни. Но съ другой стороны эта мысль можетъ если не подтверждаться выводами естествознанія, то стоять въ противорѣчіи съ его истиннымъ духомъ. А этого уже было бы достаточно, чтобы произнесть надъ ней рѣшительный приговоръ. Взглядъ на природу, развившійся на почвѣ естествознанія и основывающійся на неизмѣримомъ множествѣ согласныхъ между собою фактовъ, заслуживаетъ такого же довѣрія, какъ и самыя явленія природы. Правда, онъ, подобно твореніямъ природы, способенъ къ богатому преобразовательному развитію, но въ его саморазвитіи ему рѣдко приходится брать назадъ то, что однажды уже было установлено.

Вмѣстѣ съ убѣжденіемъ во всеобщности законовъ, управляющихъ міромъ, духъ механическаго міросозерцанія самымъ существеннымъ образомъ характеризуетъ

неутомимая заботливость, съ какой онъ, для каждаго упоминаемаго имъ дѣйствія, старается опредѣлить элементы, которые въ немъ дѣйствуютъ или страдаютъ. Прежнее время не всегда соблюдало эту предосторожность. Говорили о дѣйствіяхъ, не упоминая о томъ, кто ихъ произвелъ; говорили о дѣятельностяхъ, не указывая того, отъ кого онѣ исходятъ, и на кого направляются; сложнымъ образованіямъ, обнаруживающимъ множество частей, приписывали вообще силы, развитія и дѣйствія, которыя казались происходящими внутри этихъ образованій неопредѣленно, подобно разряженію электричества въ облакахъ, показывающему блескъ, но не то, отъ чего онъ происходитъ. Строгости, съ которой новѣйшая наука избѣгала этой ошибки, она обязана всемъ, что сдѣлала. Стараясь тщательно опредѣлить каждый элементъ, производящій дѣйствіе, по его положенію въ отношеніи къ другимъ и по всѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ онъ находился въ мгновеніе своей дѣятельности, она не только узнавала дѣйствія вещей по всеобщимъ очертаніямъ ихъ формъ, и по роду ихъ обнаруженія, но находила опредѣленные законы мѣры для ихъ величины, направленія, продолженія, равно какъ и для вліянія, какое они могутъ производить въ какую-нибудь сторону. Отъ этого она стала выше того уровня, на которомъ по большей части еще доселѣ остается обсужденіе духовныхъ развитій. Послѣ плоскихъ попытокъ объяснить теченіе исторіи, и все цѣнное въ ней трезвымъ произволомъ отдѣльныхъ лицъ, теперь опять съ лю-

бовью выводятъ общественныя состоянія людей, религіозныя настроенія и измѣнчивыя направленія искусства изъ всеобщаго духа и его безсознательно-органическаго дѣйствованія. Прекрасные результаты, которыми мы обязаны этимъ стараніямъ, не будутъ унижены тѣмъ сознаніемъ, что исторія все-таки дѣлается не безъ личныхъ духовъ, и что болѣе точное наблюденіе открываетъ во всеобщемъ духѣ только однообразное окончательное направленіе, которое принимаютъ отдѣльныя души подъ вліяніемъ всеобщихъ условій, и отъ взаимодѣйствій ихъ взаимнаго сообщенія. Это не значитъ, чтобы всѣ прекрасныя и полныя значенія формы природы и исторіи были только слѣдствіями обстоятельствъ, которыя фактически однажды предшествовали имъ; напротивъ, идеальное содержаніе дѣйствительнаго міра очень могло быть и первымъ производящимъ основаніемъ этого опредѣленнаго порядка вещей, хотя мы и видимъ, что оно постоянно возрождается въ видѣ его необходимаго результата. Но гдѣ мы спрашиваемъ не о цѣнѣ происшедшаго, а о возможности его происхожденія и процессѣ осуществленія, тамъ вездѣ нашъ взоръ будетъ необходимо направляться на отдѣльные реальные элементы, въ законномъ взаимодѣйствіи которыхъ единственно и заключается механизмъ всякаго происхожденія. Такимъ образомъ исторія и естествознаніе будутъ выводить каждое происхожденіе новаго, каждое сохраненіе прежняго состоянія изъ взаимнаго общенія многихъ отдѣльныхъ, индивидуальныхъ пунктовъ, въ которыхъ однихъ идея получаетъ плоть и кровь дѣятельной дѣйствительности.

Будучи необходимо приведена на этотъ путь изслѣдованія, наука должна попытаться найдти тѣ первые начальные пункты всякихъ дѣйствій, которые, оставаясь вполнѣ простыми и неизмѣнными, слагаютъ многообразное теченіе природы посредствомъ всегда одинаковыхъ, и потому вычислимыхъ дополненій къ нему. То, что сначала представляется непосредственному наблюденію замкнутымъ единствомъ,—подвижной образъ животнаго, или строго обозначенная форма растенія,—показываетъ однако втеченіе своей жизни, что его бытіе и способность къ дѣйствованію основываются на опредѣленномъ соединеніи частей, и опять исчезаютъ съ ихъ разложеніемъ. Еще болѣе неживыя тѣла по своей дѣлимости на однородныя составныя части, или видимому происхожденію изъ неоднородныхъ, оказываются соединеніями, которыхъ свойства зависятъ отъ природы, количества и силъ соединенныхъ въ нихъ элементовъ. Попытка, отыскать эти самые элементы, скоро убѣдила, что простыя и неизмѣнныя составныя части вещей вообще не подлежатъ чувственному воспріятію. То, что въ самомъ маломъ пространствѣ представляется для чувствъ однороднымъ и постояннымъ элементомъ, оказывается однако, впродолженіе опыта, измѣнчивымъ, или, предъ вооруженнымъ глазомъ, снова разрѣшается въ міръ многоразличныхъ существъ, и мы видимъ, что неопредѣленныя множества частичекъ, посредствомъ своихъ взаимодѣйствій, сооружаютъ тѣ небольшіе образы, которые обманываютъ насъ призракомъ однообразнаго и внутренно неподвижнаго существованія. Такимъ образомъ

должно было то, чего не представлялось въ воспріятіи, предположить въ недоступной ему области, и искать послѣднихъ составныхъ частей тѣлеснаго міра въ безчисленныхъ атомахъ незримой малости, съ неизмѣннымъ продолженіемъ и постоянствомъ свойствъ.

Они, то сходясь многоразличными способами, то выдѣляясь въ неизмѣнномъ видѣ изъ своихъ смѣняющихся соединеній, производятъ, многоразличіемъ своихъ положеній и движеній, различныя формы произведеній природы и ихъ измѣнчивое развитіе.

Микроскопическое изслѣдованіе, которое такъ часто разлагаетъ повидимому однородныя вещества въ стройное сочлененіе многоразличныхъ частей, кажется, самымъ естественнымъ образомъ благопріятствуетъ наклонности, распредѣлять дѣятельные элементы вещества по отдѣльнымъ пунктамъ пространства, и ставить свойства большихъ видимыхъ образованій въ зависимость отъ способа соединенія этихъ частей.

Но уже древность, руководясь соображеніями, сохранившими свою полную цѣну и доселѣ, задолго прежде образовала эту мысль. Недостатокъ въ связныхъ, именно для этой цѣли сдѣланныхъ наблюденіяхъ помѣшалъ древнимъ дать ей математическое образованіе, и она осталась у нихъ болѣе общей мыслью о возможномъ способѣ объясненія природы, нежели послужила къ дѣйствительному объясненію какой-нибудь группы явленій. Впрочемъ древніе, хотя мало умѣли воспользоваться плодотворностью своего начала, но въ другомъ смыслѣ шли гораздо далѣе того, что имѣетъ въ виду атомистика

нынѣшней физики. Они думали, что нашли въ атомахъ послѣдніе элементы всей дѣйствительности, и то, что для насъ имѣетъ только значеніе постояннаго въ теченіи созданнаго міра, было для нихъ безусловнымъ и истинно сущимъ, чему ничто не предшествуетъ, между тѣмъ какъ оно само, предшествуя всему, служитъ само по себѣ необходимымъ и независимымъ основаніемъ каждаго творенія.

Мысль, что безчисленное множество самостоятельныхъ и безсвязныхъ пунктовъ образуетъ основное начало міра, и что только изъ ихъ безпланныхъ встрѣчъ происходитъ связная цѣлость явленій, — всегда будетъ имѣть противъ себя живую тоску духа, который стремится развить природу, какъ единство, изъ одного источника и плана. Но было бы несправедливо обращать то сомнѣніе, которое мы съ правомъ противопоставляемъ мнѣнію древности, противъ атомистическихъ основаній нашей физики; возобновленіе этого мнѣнія не стоитъ въ необходимой связи съ ея духомъ и потребностями. Когда мы говоримъ о неразрушимыхъ атомахъ, различающихся образомъ и величиной, то надѣемся здѣсь только посредствомъ счастливой догадки умножить рядъ дѣйствительно наблюдаемыхъ нами явленій новымъ фактомъ, который въ высшей степени плодотворенъ, хотя и не подлежитъ непосредственному воспріятію.

Въ томъ фактѣ, что всѣ измѣненія въ теченіи природы простираются только до границы этихъ самыхъ малыхъ частицъ, а онѣ сами, при всемъ преобразованіи своихъ внѣшнихъ отношеній, остаются неизмѣнны-

ми исходными точками непрерывнаго развитія, по нашему убѣжденію, открывается характеристическая черта природы въ ея дѣйствительномъ, доступномъ намъ видѣ. И этотъ фактъ, подобно другимъ, съ правомъ можетъ подать поводъ къ дальнѣйшимъ, глубже идущимъ вопросамъ о его смыслѣ и происхожденіи. Но само естествознаніе, имѣя въ виду только объясненіе того, что случается въ предѣлахъ однажды существующаго творенія, съ своей стороны имѣетъ право остановиться на какомъ нибудь послѣднемъ фактѣ, который, плодотворно для объясненія явленій, обозначаетъ всеобщую и неизмѣнную черту въ характерѣ этого творенія. Слѣдовательно атомы, будучи неизмѣнными и недѣлимыми не по безусловной неразрушимости своего существа, а потому, что дѣйствительное теченіе природы не производитъ поводовъ къ разложенію ихъ, могутъ быть неизмѣнно твердыми пунктами для построенія явленій. Отъ какихъ бы высшихъ условій ни зависѣло ихъ собственное существованіе, для объясненія уже существующей природы, мы можемъ не касаться этихъ условій, потому что они постоянно выполняются въ ней, никогда не утрачиваются, и потому никогда не нуждаются въ возстановленіи.

Какія дальнѣйшія представленія о природѣ атомовъ мы должны составлять себѣ, это можетъ быть рѣшено только по намекамъ опытовъ, которые вообще вынуждаютъ насъ къ ихъ принятію, и многое въ этомъ случаѣ предоставляется будущему. Для обыкновеннаго соображенія всего ближе выводить разныя свойства види-

маго тоже изъ разныхъ свойствъ невидимаго; напротивъ наука естественно стремится множество различныхъ между собою явленій возвесть къ возможно меньшему числу первоначально различныхъ началъ. И на дѣлѣ изслѣдованіе скоро научаетъ насъ, что многія различія вещей, кажущіяся на первый разъ существенными, тѣмъ не менѣе зависятъ только отъ разностей въ величинѣ и способѣ соединенія однородныхъ составныхъ частей. Впрочемъ крѣпость, съ которой многія произведенія природы, при условіяхъ, въ высшей степени измѣнчивыхъ, сохраняютъ свои характеристическія отличія отъ другихъ, должна затруднять попытку объясненія всѣхъ формъ тѣлъ, и разностей ихъ отношенія изъ многоразличнаго соединенія совершенно одинаковыхъ и однородныхъ атомовъ.

Въ атомистикѣ древнихъ господствовала мысль о существенной одинаковости самыхъ малыхъ элементовъ, и, такъ какъ цѣль объясненія природы требовала различій между ними, то древніе искали ихъ исключительно въ многоразличіи формъ и величинъ атомовъ. Но вполнѣ одинаковое вещество, казалось, требовало вездѣ и одинаковой формы и величины, и такимъ образомъ они пришли къ тому, что начали самые атомы слагать изъ еще меньшихъ однородныхъ и имѣющихъ одинаковую величину частицъ, и ихъ формы поставили въ зависимость отъ положеній, занимаемыхъ относительно другъ друга этими частицами. Атомы здѣсь были собственно не простыми элементами, а нераздѣльными системами

многихъ частицъ. Впрочемъ они, а не эти послѣднія были элементами теченія природы. Соединенія этихъ самыхъ малыхъ основныхъ частей въ большіе, имѣющіе многоразличные формы, образы атомовъ признавались вѣчными и неизмѣнными фактами, основаніе которыхъ предшествовало всему творенію существующаго міра, и потому лежитъ внѣ круга научнаго изслѣдованія. Теперь, когда созданный міръ уже существуетъ, всѣ взаимодѣйствія еще продолжающагося въ немъ теченія природы могутъ только разлагать сложныя видимыя тѣла на ихъ атомы, но не атомы—на ихъ однородныя основныя составныя части. Между тѣмъ этотъ замѣчательный образъ представленія былъ выпужденъ къ принятію необъяснимаго перваго соединенія только своимъ предположеніемъ о полной однородности самыхъ малыхъ частицъ. Конечно, нельзя найдти никакого основанія, по которому ни одна изъ силъ природы не можетъ разрушить образъ соединенія частичекъ въ одномъ атомѣ, и перевести ихъ въ такую форму соединенія, въ какой онѣ находятся въ другомъ, отличномъ отъ перваго, и которая потому самому, что осуществлена здѣсь, не можетъ стоять въ противорѣчіи съ природой частичекъ. Противоположный результатъ мы получили бы въ томъ случаѣ, еслибы, возобновляя представленіе древнихъ, считали атомы состоящими не изъ однородныхъ, а изъ существенно различныхъ основныхъ частей. Каждый атомъ въ такомъ случаѣ могъ бы быть нераздѣльнымъ, потому что между составными частями каждаго господствовало бы сродство, которое не мо-

жетъ быть побѣждено никакимъ другимъ; и каждый при этомъ имѣлъ бы опредѣленную величину и образъ, потому что только при ограниченномъ числѣ и опредѣленномъ положеніи частей, ихъ взаимная связь можетъ быть достаточно крѣпкой для сопротивленія отдѣленію какой-нибудь одной части. Слѣдовательно и эти образованія, заслужившія своей неразрушимостью имя атомовъ, были бы не послѣдними и самыми простыми элементами тѣлеснаго міра, а послѣдними, до которыхъ доходятъ измѣненія въ природѣ, и которыя, какъ неизмѣнныя составныя части ея зданія, сохраняются во всѣхъ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ.

Легко замѣтить, что этотъ образъ представленія вмѣстѣ дозволяетъ намъ вовсе не принимать во вниманіе пространственнаго протяженія основныхъ составныхъ частей, и считать ихъ сверхчувственными существами, которыя изъ опредѣленныхъ пунктовъ пространства, посредствомъ своихъ силъ, господствуютъ надъ опредѣленной мѣрой протяженія, впрочемъ не наполняя ея въ собственномъ смыслѣ. Посредствомъ своихъ взаимодѣйствій, эти непротяженные пункты предначертываютъ свои удаленія другъ отъ друга, и свое взаимное положеніе, и такимъ образонъ описываютъ очерки пространственной фигуры точно также опредѣленно и вѣрно, какъ и въ томъ случаѣ, еслибы они занимали ея внутренность посредствомъ непрерывнаго протяженія. Если мы придадимъ этимъ отдѣльнымъ реальнымъ пунктамъ силы притяженія и оттолкновенія, то большія соединенія ихъ, сопротивляясь дѣйствующей на нихъ силѣ, или

отражая волны свѣта, будутъ производить явленіе осязательной тѣлесности, или видъ цвѣтной поверхности, точно также, какъ и въ томъ случаѣ, если бы дѣятельныя существа наполняли пространство собственнымъ непрерывнымъ протяженіемъ.

Такова форма атомизма, начинающая въ настоящее время пріобрѣтать значеніе въ физикѣ; очевидно она вполнѣ согласна съ духомъ этой науки, для которой самыя малыя части важны только какъ средоточія исходящихъ изъ нихъ силъ.

Какъ ни важенъ для насъ этотъ результатъ, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ только, что атомы могутъ быть непротяженными, но, сообразно съ потребностями той научной области, на которой возникъ, не рѣшаетъ вопроса, дѣйствительно ли они непротяженны. А между тѣмъ мысль объ одушевленности матеріи стоитъ въ необходимой связи съ той мыслью, что образъ, подъ которымъ наше непосредственное наблюденіе воспринимаетъ матерію,—безконечно дѣлимое протяженіе,—есть нечто иное, какъ явленіе, въ основаніе котораго лежитъ многоразличіе недѣлимыхъ существъ, опредѣлимыхъ только сверхчувственными свойствами.

Но взглядъ, который въ области физики признается только возможнымъ, оказывается необходимымъ при философскомъ изслѣдованіи дѣла.

Обыкновенная гипотеза понимаетъ подъ матеріею, нѣчто протяженное, непроницаемое, оказывающее сопротивленіе, и неразрушимое. Первоначально мы должны возразить противъ этой гипотезы, что для названныхъ

свойствъ и образовъ дѣйствія недостаетъ субъекта,—не указано то, что здѣсь непротяженно, непроницаемо и неразрушимо, и что принуждаетъ эти свойства являться вмѣстѣ, между тѣмъ какъ они, по своему понятію, не стоятъ ни въ какой необходимой связи. Если эта гипотеза улучшитъ свой недостатокъ сознаніемъ, что, конечно собственно сущее въ матеріи состоитъ въ невыразимомъ посредствомъ слова сверхчувственномъ существѣ, изъ природы котораго необходимо и постоянно слѣдуютъ названныя свойства и ихъ соединеніе; то мы должны отвѣтить ей, что съ понятіемъ сущаго соединимы всѣ прочіе предикаты, но не предикатъ протяженія, посредствомъ котораго именно она думаетъ отличить матерію самымъ существеннымъ образомъ отъ всего прочаго.

Кто говоритъ о протяженіи матеріи, тотъ не доволенъ тѣмъ, что въ каждомъ пунктѣ видимаго имъ пространства, дѣйствуетъ господство, сила или духовное присутствіе субстанціи, которая сама, однако, находится только въ одномъ пунктѣ; напротивъ каждое самое малое мѣсто пространства онъ хочетъ наполнить ею съ такой же непрерывностью, съ какой она наполняетъ тотъ преимущественный пунктъ, въ которомъ нашъ взглядъ считаетъ ее исключительно существующей. Слѣдовательно всякое представленіе о протяженной матеріи должно требовать не господства надъ пространствомъ силою дѣйствій, а его наполненія непосредственно самымъ существомъ. Если взять во вниманіе это различіе обоихъ способовъ пониманія, то по нашему мнѣнію, которое считаетъ мѣстомъ существа одинъ недѣлимый

пунктъ, и все протяженіе вокругъ наполняетъ только идеально, силой, исходящей отъ этаго пункта, необходимо должно исчезать и только кажущееся наполненіе этой окружности, если сущее удалится изъ того пункта. Представленіе о непрерывномъ протяженіи утверждаетъ противное. По нему каждый недѣлимый пунктъ окружности, будучи совершенно одинаково наполненъ присутствіемъ сущаго, есть вмѣстѣ и постоянное средоточіе силъ, и удаленіе всѣхъ прочихъ пунктовъ не помѣшаетъ ему продолжать свои дѣйствія сообразно съ природой содержащагося въ немъ существа. Слѣдовательно нашъ взглядъ необходимо слагаетъ каждое данное количество матеріи изъ опредѣленнаго числа существъ, которое не можетъ быть увеличено никакимъ дѣленіемъ, а противоположный не только приходитъ къ безконечной дѣлимости протяженнаго, но кромѣ того, кажется, не можетъ освободить матерію отъ представленія и о его дѣйствительной раздѣльности. То, что, по отдѣленіи отъ цѣлаго, можетъ безпрепятственно продолжать свои дѣйствія съ пропорціональной частью силы, соотвѣтствующей его величинѣ, уже въ цѣломъ существовало какъ самостоятельная часть, и было соединено съ другими въ сумму, но не въ истинное единство существа. Или наоборотъ, что можетъ распасться на множество вполнѣ самостоятельныхъ частей, высвободить изъ себя отдѣльныя части безъ измѣненія своей природы, и принять въ себя другія, никогда не бывшія его частями, то, при такомъ безразличіи къ умноженію или уменьшенію, должно считаться уже не единичнымъ замкнутымъ въ себѣ суще-

ствомъ, а только соединенiемъ первоначально многихъ существъ. Конечно, этому внѣшнему многоразличiю всегда можно противопоставлять внутреннее единство многаго, можно принимать, что всѣ эти части тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой одинаковостью ихъ существа, общимъ смысломъ, солидарнымъ обязательствомъ къ общему развитiю и образу дѣйствiя; но лишь только мы будемъ имѣть въ виду не то, чѣмъ онѣ нѣкогда были, или должны быть, а то, что онѣ есть, никакое изъ этихъ высшихъ единствъ не можетъ убѣдить насъ, что на самомъ дѣлѣ онѣ не образуютъ множества. И какихъ бы мыслей мы ни составляли о внутренности протяженнаго, ими никакъ нельзя прикрыть его внѣшность. Эту внѣшность, именно протяженность, никакъ нельзя представить, не предположивъ отдѣльныхъ пунктовъ, которые различаются между собой, находятся внѣ другъ друга, отдѣлены другъ отъ друга разстоянiями, и наконецъ посредствомъ дѣйствiя своихъ силъ, или посредствомъ своихъ взаимныхъ влiянiй вообще, опредѣляютъ другъ для друга занимаемыя ими мѣста. Различаемость многихъ пунктовъ не есть случайное слѣдствiе протяженiя, а въ ней-то и состоитъ самое его понятiе; кто произноситъ имя протяженiя, тотъ обозначаетъ имъ свойство, выражающее только взаимныя отношенiя многоразличнаго, неединство, взаимодѣйствiе множества.

Каждая попытка считать протяженiе предикатомъ не системы существъ, а отдѣльнаго элемента, необходимо должна заключать въ себѣ то другое положенiе, что ча-

сти въ этомъ элементѣ, которыя и въ немъ должны быть различимы для того, чтобы представлять собою пространственную величину, не подлежатъ дѣленію, и никогда не могутъ посредствомъ него получить самостоятельное и свободное существованіе. Но нашъ опытъ по-крайней мѣрѣ въ большихъ размѣрахъ вполнѣ подтверждаетъ дѣлимость того, что можно различить; только въ невидимо малыхъ измѣненіяхъ атомовъ мы могли бы встрѣтить вмѣстѣ и протяженіе и недѣлимую непрерывность. Но это послѣднее предположеніе принесетъ намъ мало пользы. Въ чемъ же мы тогда должны будемъ искать основаніе опредѣленнаго, ни большаго ни меньшаго протяженія, неизмѣнно наполняемаго каждымъ атомомъ? Если не въ числѣ содержащихся въ немъ частицъ, то въ чемъ иномъ, какъ не въ томъ, что сверхчувственная природа элемента, распространяющагося дѣйствительно или кажущимся образомъ, достаточна только для наполненія этаго, а не большаго пространства, къ постановкѣ этаго, а не большаго неразрушимаго образа? Такимъ образомъ и по этому взгляду величина протяженія оказывается только пространственнымъ выраженіемъ для мѣры интенсивной силы, и собственно не существо, а его дѣятельность наполняетъ пространство. Поэтому необходимо признать, что протяженіе точно такъ же не можетъ быть предикатомъ одного существа, какъ водоворотъ или вихрь—образомъ движенія однаго элемента; и тотъ и другой можно представить только какъ формы отношенія между многими элементами. Такимъ образомъ мы вынуждены принять тотъ образъ представленія, ко-

торый прежде казался намъ только возможнымъ, и считать протяженную матерію системой непротяженныхъ существъ, которыя посредствомъ своихъ силъ предначертываютъ себѣ свое взаимное положеніе въ пространствѣ, и сопротивляясь какъ смѣшенію между собою, такъ и проникновенію въ свою среду чуждыхъ элементовъ, производятъ явленія непроницаемости и непрерывнаго наполненія пространства.

Наклонность считать протяженіе непосредственнымъ свойствомъ дѣйствительнаго бытія, быть можетъ, основывается на представленіи, которое мы украдкой вносимъ изъ нашего собственнаго жизненнаго опыта въ этотъ совершенно отличный отъ него кругъ мыслей. По крайней мѣрѣ взгляды, признающіе протяженіе матеріи только однимъ изъ многихъ выраженій, въ которыхъ открывается гораздо болѣе общее стремленіе творящаго абсолюта,—тоска по развитію и распространенію въ безконечность,—обнаруживаютъ, въ эстетическомъ одушевленіи относительно этой формы дѣйствія, воспоминаніе о наслажденіи, доставляемомъ намъ, человѣческимъ существамъ, свободой неизмѣримаго распространенія и расширенія. Для насъ пространство окружности ближайшимъ образомъ есть граница, разстояніе, которое мы должны преодолѣть и уничтожить посредствомъ движенія; поэтому для насъ движеніе есть вмѣстѣ и напряженіе и наслажденіе—напряженіе, потому что мы можемъ произвесть его только посредствомъ механизма нашихъ членовъ,—наслажденіе, потому что перемѣна положенія позволяетъ намъ почувствовать пре-

лесть новыхъ воззрѣній, и возбуждаетъ сознаніе упражненія нашей силы, которымъ мы пріобрѣли ихъ. Это наслажденіе, это чувство возвысившейся силы и удовлетворенной тоски, оживляющее насъ при переходѣ большихъ пространствъ, мы незамѣтно переносимъ на общее понятіе движенія. Всѣ фантазіи, видѣвшія въ безконечномъ движеніи небесныхъ тѣлъ предметъ мечтательнаго почитанія, и находившія въ немъ истинное бытіе и вѣчную дѣятельность сущаго, воображали, что прохожденіе неизмѣримыхъ пространствъ есть для небесныхъ тѣлъ дѣйствіе, сопровождаемое живой тратой силы, которую они ощущаютъ сами; какъ птица радуется своему полету, такъ и планеты должны были наслаждаться размахомъ своего движенія, и какъ птица обозрѣваетъ прекрасную смѣну своихъ окружностей, измѣряя оставленное за собой пространство, такъ и планеты какимъ нибудь образомъ должны были сознавать величину пройденныхъ ими разстояній. Подобныя мысли одушевляютъ и насъ относительно распространенія абсолюта и непрерывнаго протяженія матеріи; при этомъ мы сопровождаемъ ихъ чувствомъ освобожденія отъ стѣсняющаго давленія; и какъ мы сами, дѣлая глубокія вдыханія, думаемъ, что въ расширеніи нашей груди непосредственно ощущаемъ увеличеніе нашей живой силы, такъ спутанное воспоминаніе о прочувствованномъ счастьѣ такого распространенія лежитъ и въ представленіи о дѣятельности матеріи, наполняющей пространство. И однако простое соображеніе убѣждаетъ насъ, что изъ всѣхъ условій, на которыхъ для насъ основывается возможность этаго

наслажденія, ни одно не существуетъ для организованной матеріи; чѣмъ первоначальнѣе должно принадлежать ей протяженіе, тѣмъ менѣе оно можетъ быть для нея дѣйствіемъ, требующимъ живаго нацряженія; и все распространеніе абсолюта можетъ быть для него не радостью освобожденія и побѣды надъ границами, а только распаденіемъ на множество различныхъ пунктовъ, на взаимномъ разъединеніи которыхъ единственно и основывается всякое протяженіе.

Быть можетъ, намъ должно обратить вниманіе на то возраженіе, что въ этихъ замѣчаніяхъ мы выдали представленія, которыя вкрадываются тамъ и здѣсь во взглядъ о протяженности матеріи, за его существенныя составныя части. Но слишкомъ многіе примѣры показываютъ намъ, какъ часто эти достолюбезныя воспоминанія о полномъ человѣческомъ существованіи дѣйствительно въ тиши руководятъ соображеніями, бразды каторыхъ повидимому совершенно твердо держитъ одно чистѣйшее спекулятивное мышленіе; и мы на самомъ дѣлѣ въ настоящемъ случаѣ не знаемъ, что могло бы намъ подать поводъ такъ упорно придавать внутренней природѣ матеріи протяженніе, если бы она отъ этаго ничего не выигрывала, и набивать пространство непрерывной матеріей, когда, съ полной достаточностью для всякаго объясненія явленій, могутъ надъ нимъ господствовать своими силами сверхчувственныя существа. Мы напротивъ могли бы прибавить, что для нашего взгляда возможно то, что неудается другому; каждое отдѣльное существо, посредствомъ своего взаимодѣйствія съ прочими опредѣляя

для нихъ и самаго себя мѣста въ пространствѣ, производя и принимая въ себя дѣйствія, можетъ получать отъ этаго своего положенія въ отношеніи къ совокупности другихъ и такія впечатлѣнія, какія постоянно-протяженному веществу не можетъ дать одно его присутствіе и расширеніе въ пространствѣ.

Оправдавъ предположеніе непространственныхъ атомовъ, мы устранили единственное препятствіе, по которому,—въ системѣ убѣжденій, признающихъ за основаніе міра ощущеній, чувствъ, стремленій особый, единый элементъ, отличный по своей природѣ отъ веществъ внѣшней природы,—нельзя принять мысль о духовной жизни, господствующей и въ матеріѣ.

Современное образованіе имѣетъ наклонность не одухотворять матерію, а овеществлять духъ, и находить основаніе всей дѣйствительности въ бездушныхъ атомахъ, слѣпыхъ силахъ, и математическихъ законахъ ихъ дѣйствованія.

Поэтому, одухотворяя вещество, мы должны оправдать и самое понятіе о духѣ. Такое оправданіе вовсе не излишне, и при самомъ глубокомъ неуваженіи къ современному образованію и его направленіямъ. Наблюденіе показываетъ, что духовная жизнь стоитъ въ постоянной связи съ тѣлесной формой и ея развитіемъ; и та и другая развиваются вмѣстѣ, и съ разрушеніемъ формы безслѣдно исчезаетъ для насъ полнота и сила оживлявшаго ее духа. Такъ опытъ ясно намекаетъ на то, что всякая внутренняя жизнь происходитъ изъ

соединенія веществъ, и исчезаетъ вмѣстѣ съ ихъ разложеніемъ.

Конечно всеобщій инстинктъ человѣческаго образованія создалъ имя и понятіе духа не безъ всякаго дѣйствительнаго основанія; но съ другой стороны нельзя утверждать, что этотъ инстинктъ всегда счастливъ въ своихъ выводахъ, и что всѣ они оказываются вѣрными предъ судомъ науки. Если мы подвергнемъ изслѣдованію основанія, на которыхъ общее мнѣніе отличаетъ духовную жизнь отъ вещественной, то окажется, что оно опирается не съ одинаковымъ правомъ на всѣ эти основанія, и только одинъ кругъ явленій необходимо вынуждаетъ насъ объяснять внутреннія событія понятіемъ духа.

Три черты несомнѣнно отличаютъ духовную жизнь отъ вещественной. Обыкновенный взглядъ придаетъ наибольшее значеніе самой сомнительной изъ нихъ, именно непосредственно сознаваемой нами свободѣ внутренняго самоопредѣленія въ ея противоположности съ непрерывной необходимостью, господствующей въ вещественной жизни; вся суть нашего духовнаго существованія, его достоинство, вся цѣна нашей личности и нашихъ дѣйствій, повидимому, стоятъ въ неразрывной связи съ освобожденіемъ нашего существа отъ механической послѣвательности, господствующей не только надъ неоживленными вещами, но и надъ развитіемъ тѣлесной жизни. Самое легкое соображеніе показываетъ, что свобода вовсе не есть фактъ нашей внутренней жизни, подлежащій наблюденію, и что мы не всегда оди-

наково судимъ объ ея цѣнѣ. Конечно наше самонаблюденіе очень часто не показываетъ причинъ, изъ которыхъ происходятъ наши рѣшенія и другія внутреннія движенія; но мы обращаемъ наше вниманіе на самихъ себя съ такой разсѣянностью и отрывочностью, что для него могутъ казаться свободнымъ самоопредѣленіемъ такія явленія, причину которыхъ можно ясно показать, если только подвергнуть болѣе точному анализу наши внутреннія состоянія. Конечно внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ въ насъ ощущенія, не соотвѣтствующія имъ ни по формѣ, ни по величинѣ; въ разныя мгновенія на одинаковыя внѣшнія раздраженія мы отвѣчаемъ самыми разнородными ощущеніями. Но здѣсь наша духовная жизнь только повторяетъ всеобщее явленіе раздражимости, которая одинаково принадлежитъ и тѣлесному существованію, и даже неоживленнымъ вещамъ, и вовсе не противорѣчитъ понятію о дѣятельности, подчиненной строгимъ законамъ, а напротивъ составляетъ его истинную сущность. Нигдѣ дѣйствующая причина не переноситъ дѣйствія въ готовомъ видѣ на элементъ, который подвергается ея дѣйствію, и нигдѣ потомъ она не получаетъ отъ него только повторенія своего собственнаго дѣйствія; вездѣ впечатлѣніе только возбуждаетъ къ обнаруженію собственную природу элемента, получившаго впечатлѣніе, и форма слѣдствія условливается какъ впечатлѣніемъ, такъ и особенными дѣятельностями, которыя оно возбуждаетъ въ элементѣ, подлежащемъ его дѣйствію. Иногда мы знаемъ внутреннее строеніе предметовъ, которыхъ касается раздраженіе, и можемъ прослѣдить его путь и

*

сцѣпленіе постепенно возбуждаемыхъ имъ дѣйствій; еще чаще внутреннія отношенія раздражаемаго элемента остаются для насъ неясными, и нашему наблюденію подлежитъ только первый внѣшній толчокъ и послѣдняя форма окончательнаго дѣйствія, при чемъ остается не извѣстнымъ множество посредствующихъ членовъ, соединяющихъ конецъ съ началомъ. Поэтому рядъ явленій показываетъ намъ, съ множествомъ видоизмѣненій, то процессы, всѣ предположенія которыхъ видны для насъ, то результаты, форма которыхъ зависитъ отъ неизвѣстной намъ природы среднихъ членовъ, и потому не стоитъ ни въ какомъ понятномъ отношеніи съ простымъ раздраженіемъ, подавшимъ къ нимъ поводъ. Въ такихъ случаяхъ мы всегда наклонны прерывать необходимую связь, и не только при объясненіи тѣлесной жизни, но и тамъ, гдѣ несравненно большая сложность содѣйствующихъ и по большей части еще неизвѣстныхъ условій дѣлаетъ дѣйствіе еще болѣе отличнымъ отъ его слѣдствія. Потому мы признаемъ ошибочнымъ заключеніе, которое отрицаетъ непрерывную условность духовной жизни на томъ основаніи, что ея нельзя показать. Но этимъ еще не исключается возможность удержать свободу, какъ необходимое слѣдствіе нравственныхъ истинъ, или какъ необходимое условіе для выполненія нравственныхъ задачъ. Такое доказательство для насъ имѣло бы силу факта. Но мы уже сказали, что общее мнѣніе объ этомъ предметѣ не согласно съ самимъ собой; лучшіе люди, мыслители и дѣятели, сомнѣваются въ необходимости свободы для удовлетворенія

нравственныхъ потребностей; далеко не всѣмъ она кажется необходимой, и пытаясь разсмотрѣть ее яснѣе, мы приходимъ къ вопросамъ, отвѣты на которые во всякомъ случаѣ не имѣютъ ясности мысли, годной для рѣшительнаго обоснованія нравственности. Къ этому мы должны прибавить, что каждое мнѣніе хочетъ и можетъ говорить не о свободѣ внутренней жизни вообще, а только о свободѣ воли; въ теченіи нашихъ представленій, чувствъ и желаній ясно и открыто обнаруживаются слѣды всеобщей законосообразности, и доселѣ еще никто не осмѣлился исключить эти явленія изъ области механической необходимости. Конечно, очевидное присутствіе всеобщей законности въ большей части нашей внутренней жизни вполнѣ противорѣчитъ вѣрѣ въ свободу меньшей, не подлежащей наблюденію, части.

Но съ другой стороны опытъ вовсе не убѣждаетъ насъ и въ несуществованіи свободы, и мнѣнія, съ увѣренностью указывающія намъ на постоянное соединеніе духовныхъ событій съ тѣлесными измѣненіями, только произвольно и фальшиво толкуютъ извѣстное явленіе, когда находятъ въ немъ доказательство матеріяльности духовнаго міра. Конечно опытъ показываетъ, что измѣненія нашихъ духовныхъ состояній зависятъ отъ внѣшнихъ впечатленій и ихъ взаимодѣйствій съ матеріяльными составными частями нашего тѣла. Наши ощущенія смѣняются вмѣстѣ съ смѣною возбужденій нашихъ чувственныхъ органовъ; иныя чувства и стремленія происходятъ въ насъ, если внѣшнія вліянія или соб-

ственныя постоянныя измѣненія живыхъ дѣятельностей нашего тѣла измѣняютъ его настроенія; живость и возбужденность нашихъ мыслей стоитъ въ тѣсной связи съ колебаніями тѣлесныхъ состояній, и тщательное изслѣдованіе должно сознаться, что и въ высшихъ явленіяхъ человѣческаго образованія всегда можно замѣтить вліянія тѣлесныхъ настроеній, не одинаковыхъ во всѣ времена. Но всѣ эти факты только доказываютъ, что измѣненія тѣлесныхъ элементовъ необходимо условливаютъ существованіе и форму нашихъ внутреннихъ состояній, но отнюдь не доказываютъ того, что эти измѣненія составляютъ единственную причину душевной жизни. Болѣе внимательный взглядъ на природу этой связи открываетъ непроходимую бездну, которая отдѣляетъ въ этомъ случаѣ достаточное повидимому основаніе отъ его мнимаго слѣдствія. Всѣ событія, происходящія между составными частями внѣшней природы и нашего тѣла, всѣ опредѣленія протяженія, смѣшенія, плотности и движенія совершенно несравнимы съ особенной природой духовныхъ состояній, съ ощущеніями, чувствами, стремленіями, которыя фактически слѣдуютъ за ними, но ошибочно производятся изъ нихъ. Никакой сравнительный анализъ въ химическомъ составѣ нерва, въ напряженіи, положеніи и подвижности его самыхъ малыхъ частицъ не откроетъ основанія, почему, достигая до него, звуковая волна должна произвесть въ немъ не колебаніе, подобное ей самой, а сознательное ощущеніе тона. Какъ бы далеко мы ни слѣдили за чувственнымъ раздраженіемъ, проникающимъ въ нервъ,

какъ бы ни измѣняли его формы, и въ какія бы сложныя движенія ни превращали его, никогда намъ не удастся показать, что природѣ такого движенія свойственно переставать быть движеніемъ, и возрождаться въ видѣ свѣтящагося блеска, тона, сладости вкуса; скачокъ отъ самаго послѣдняго состоянія матеріяльныхъ элементовъ къ первому появленію ощущенія всегда остается одинаково невозможнымъ, и едва ли кто нибудь можетъ надѣяться, что болѣе развитая наука найдетъ таинственный переходъ тамъ, гдѣ совершенно ясна невозможность всякаго перехода. На признаніи этой полной несравнимости всѣхъ физическихъ процессовъ съ явленіями сознанія всегда основывалось убѣжденіе въ необходимости особаго невещественнаго основанія душевной жизни.

Безъ сомнѣнія наука стремится соединять многоразличіе явленій подъ одинъ принципъ, но ея важнѣйшій и существеннѣйшій интересъ всегда состоитъ только въ объясненіи явленій изъ тѣхъ условій, отъ которыхъ они дѣйствительно зависятъ, и тоска по единству должна подчиняться признанію множества разныхъ основаній тамъ, гдѣ факты опыта не даютъ намъ никакого права на ея удовлетвореніе. Поэтому мы имѣемъ полное право принять для двухъ великихъ и различныхъ группъ физическаго и душевнаго явленія и два различныя основанія объясненія. Этимъ правомъ мы пользуемся здѣсь точно также, какъ при объясненіи явленій самой природы. Вездѣ, гдѣ элементъ производитъ слѣдствіе, которое нельзя понять ни изъ его постоян-

ной природы, ни изъ его движенія въ данное мгновеніе, мы восполняемъ его основаніе инородной природой втораго элемента, которая, подъ вліяніемъ упомянутаго движенія, сама производитъ часть или форму слѣдствія, необъяснимаго изъ перваго элемента. Не искра сообщаетъ пороху силу взрыва. Падая на другіе предметы, она не производитъ такого дѣйствія; ни въ ея температурѣ, ни въ родѣ ея движенія и ни въ какомъ другомъ изъ ея свойствъ мы не можемъ найдти основанія, которое бы дѣлало ее способною развить изъ себя одной извѣстную разрушительную силу; она уже находитъ ее въ порохѣ, на который падаетъ, или правильнѣе,—находитъ ее и здѣсь не въ готовомъ видѣ, а встрѣчаетъ многія вещества въ такомъ соединеніи, которое при извѣстномъ возвышеніи температуры, должно газообразно расшириться съ внезапной силой. Слѣдовательно основаніе для формы происходящаго дѣйствія заключается только въ смѣшеніи пороха, а жаръ искры составляетъ послѣднее дополнительное условіе его дѣйствительнаго появленія. Такія же заключенія мы имѣемъ право вывесть и изъ несравнимости матеріяльныхъ состояній съ ихъ духовными слѣдствіями. Въ какой бы прочной связи послѣднія не стояли съ первыми, во всякомъ случаѣ основаніе своей формы они должны имѣть въ другомъ принципѣ, и всякое дѣйствіе или дѣятельность матеріи не можетъ произвесть духовную жизнь, а только подаетъ поводъ къ ея появленію, возбуждаетъ къ обнаруженію элементъ совсемъ другой природы.

Намъ нужно еще точнѣе обозначить слѣдствія, выте-

кающія изъ этихъ разсужденій. Мы имѣли право для двухъ различныхъ группъ явленій искать различныя основанія объясненія, но это еще не даетъ намъ никакого права предпологать два различные рода существъ, служащіе такими основаніями. Изъ свойствъ матеріи нельзя вывесть никакого духовнаго состоянія; но очень возможно и въ тѣлесныхъ элементахъ допустить внутреннюю жизнь, которая ускользаетъ отъ нашего наблюденія, и находитъ случай къ обнаруженію только въ насъ самихъ.

Но и это нисколько не измѣняетъ дѣла. Матеріялизмъ въ томъ именно и состоитъ, что производитъ полноту духовной жизни, въ видѣ легкой прибавки, изъ взаимодѣйствій веществъ, изъ толчка и давленія, изъ сжатія и растяженія; онъ думаетъ, что многоразличіе духовной жизни происходитъ изъ перекрещивающихся между собой физическихъ процессовъ точно также, какъ изъ двухъ равныхъ и противоположныхъ движеній происходитъ покой, или изъ двухъ различныхъ третье въ среднемъ направленіи. Этой ошибки можетъ избѣжать взглядъ, приписывающій матеріи скрытую душевную жизнь. Если онъ не приходитъ къ сознанію того, что всѣ формы матеріяльнаго существованія суть только слѣдствіе, явленіе, производимое нашимъ сознаніемъ по поводу дѣйствительно духовныхъ дѣйствій, совершающихся между духовными существами, которыя одни имѣютъ дѣйствительное бытіе, и допускаетъ, что вещественныя свойства существуютъ въ веществѣ самостоятельно и независимо отъ духовныхъ, то его ощу-

щающее и желающее вещество остается двойным существомъ. Какъ бы тѣсно оно ни соединяло въ себѣ свойства матеріяльности и духовности, во всякомъ случаѣ они всегда остаются несравнимыми между собой, и никогда изъ измѣненія его матеріяльныхъ состояній нельзя послѣдовательно вывесть необходимость соотвѣтствующаго ему измѣненія въ духовной сторонѣ. И здѣсь матеріяльное измѣненіе ведетъ за собой духовное измѣненіе только потому, что на другой сторонѣ этого двойнаго существа уже существуетъ духовная природа, которую оно можетъ возбудить. И здѣсь міръ сознанія не выходитъ, въ видѣ простаго слѣдствія, изъ міра движеній.

Рѣшительный фактъ опыта, вынуждающій насъ объяснять духовную жизнь не изъ веществъ, а изъ особаго, единаго сверхчувственнаго существа, заключается въ единствѣ сознанія, безъ котораго совокупность нашихъ внутреннихъ состояній даже не можетъ сдѣлаться предметомъ нашего самонаблюденія. Имя, которымъ мы назвали этотъ простой фактъ, подаетъ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ, и потому намъ должно подробнѣе развить нашу мысль.

Мы привыкли въ каждомъ тѣлесномъ образѣ предполагать одну душу. Обыкновенная жизнь не подаетъ намъ никакого повода къ мысли, что кромѣ души, образующей наше собственное «я», въ нашемъ тѣлѣ находятся еще другія существа, которыя, будучи сборными пунктами исходящихъ и входящихъ дѣйствій, выработываютъ въ себѣ изъ получаемыхъ ими возбу-

жденій міръ сознательныхъ состояній. Наблюденіе надъ всѣми высшими животными поддерживаетъ въ насъ эту привычку, и только отдѣльныя явленія, болѣе доступныя наукѣ, нежели наблюденію обыкновенной жизни, приводятъ насъ къ сомнѣнію въ единствѣ сознанія, предполагающемъ одну душу въ каждомъ живомъ индивидуальномъ образѣ. Наблюденіе надъ низшими классами животныхъ показываетъ намъ, что мы черезчуръ наклонны считать это фактическое отношеніе всеобщимъ и необходимымъ. Части разрѣзанныхъ полиповъ, выростая, дѣлаются полными животными, изъ которыхъ каждое вполнѣ развиваетъ сумму психическихъ способностей, принадлежавшихъ первоначальному неразрѣзанному полипу. Не одно искусственное дѣленіе показываетъ эти замѣчательныя явленія; многочисленные роды животныхъ расплождаются посредствомъ естественнаго распаденія тѣла, доли котораго, отчасти еще находясь въ связи съ нимъ, отчасти по его разложеніи, получаютъ полный образъ и организацію рода. Наконецъ есть животныя, которыя развиваются и живутъ на общемъ и непрерывномъ корнѣ, какъ почки на деревѣ, независятъ другъ отъ друга въ своихъ слабыхъ жизненныхъ обнаруженіяхъ, и, однако, благодаря своей взаимной связи, подлежатъ многимъ общимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Эти животныя намъ ясно показываютъ, что не вездѣ тѣлесная масса, въ которой можетъ обнаружиться жизненность отдѣльной души, имѣетъ свой замкнутый образъ; мы находимъ здѣсь въ отдѣльныхъ пунктахъ, соединенныхъ въ одну органическую массу,

множество самостоятельныхъ существъ, дѣйствія которыхъ могутъ перекрещиваться въ общемъ корнѣ, и только въ ограниченной мѣрѣ оставляютъ мѣсто произволу каждаго индивидуума. Что составляетъ здѣсь постоянную форму жизни, то въ животныхъ, распложающихся посредствомъ дѣленія, обнаруживается только въ этомъ процессѣ; а въ тѣхъ, которыя раздѣляются на множество индивидуумовъ посредствомъ искусственныхъ разрѣзовъ, множество отдѣльныхъ существъ, способныхъ къ жизни, и соединенныхъ въ границахъ одного и того же тѣлеснаго образа, быть можетъ, никогда не находитъ повода къ самостоятельному развитію, если не получаетъ его отъ случая или посторонняго произвольнаго вмѣшательства. Поэтому единство сознанія имѣетъ не тотъ смыслъ, что въ каждомъ живомъ образѣ можетъ существовать только одна душа. Напротивъ о каждой отдѣльной части полипа мы могли бы утверждать, что, если душа составляетъ ея движущее начало, то она имѣетъ точно тоже единство сознанія, которое замѣчается въ нашемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ, и заставляетъ насъ видѣть средоточіе и основаніе всякаго нашего дѣйствія и страданія въ одномъ недѣлимомъ, сверхчувственномъ существѣ.

Исторія и связь внутренней жизни намъ понятна только оттого, что всѣ ея событія мы признаемъ состояніями, одного «я», которое неизмѣнно лежитъ въ основаніи какъ равновременнаго ихъ многоразличія, такъ и временнаго преемства. Каждое наше воспоминаніе о прошедшемъ необходимо соединено съ представленіемъ

этаго «я», и только мнительность, происшедшая изъ научныхъ соображеній, дѣлаетъ для насъ сомнительной нашу привычку—относить всѣ представленія, всѣ чувства и стремленія къ этому нераздѣльному единству нашей духовной личности. Впрочемъ эта естественная привычка не можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ за существованіе недѣлимой души непосредственно, или, по крайней мѣрѣ, не нуждаться въ защитѣ противъ легко представляющихся возраженій. Ясное отношеніе всѣхъ внутреннихъ состояній къ единству нашего «я» встрѣчается только тогда, когда мы воспоминаемъ нашу прошедшую жизнь намѣренно или съ извѣстнымъ сосредоточеніемъ вниманія; а отдѣльное ощущеніе, въ мгновеніе своего происхожденія, отдѣльное чувство, производимое вліяніемъ внѣшняго міра, даже желанія, развиваемыя нами самими, намекаютъ на свое соединеніе въ единствѣ нашего существа съ едва замѣтной силой. Далѣе, многія впечатлѣнія забываются, и повидимому уже не принадлежатъ намъ; наконецъ должно согласиться, что многія явленія, проходящія черезъ наше сознаніе въ одно и тоже мгновеніе, остаются другъ подлѣ друга безъ всякой взаимной связи, ни соединяются между собой въ цѣлость одного и того же круга мыслей, ни становятся въ ясное отношеніе къ единству нашего собственнаго существа. Такимъ образомъ, конечно, мы не должны полагать, что принадлежность всѣхъ нашихъ внутреннихъ состояній къ единству одного и того же «я», находимая нами въ воспоминаніи о нашемъ внутреннемъ опытѣ, всегда ощущается

или признается нами въ то мгновеніе, въ которое мы испытываемъ эти состоянія, и единство нашего сознанія вовсе не означаетъ постояннаго сознаванія единства нашего существа.

Впрочемъ уже въ упомянутыхъ нами явленіяхъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго затрудненія для заключенія отъ особенности нашего сознанія къ совершенному единству сознающаго существа.

Не то необходимо, чтобы душа вездѣ, всегда и въ отношеніи ко всѣмъ своимъ состояніямъ совершала эту соединяющую дѣятельность; если она многое оставляетъ и безъ связи, и во многомъ не сознаетъ своего собственнаго состоянія, то этимъ ни уменьшается единство ея существа, ни дѣлается необходимымъ въ ней самой множество сознающихъ частей. Напротивъ, если она только рѣдко, только въ ограниченномъ объемѣ, но все таки бываетъ способна совокупить многоразличное въ единство сознанія, то уже невозможно не искать — основанія этой совокупляющей дѣятельности — въ совершенно недѣлимомъ единствѣ субъекта. Правда въ мгновеніе чувственнаго воспріятія отношеніе происходящаго ощущенія къ единству нашего «я» мало выступаетъ наружу, и мы вполнѣ углубляемся въ его содержаніе; но и здѣсь ощущеніе уже принадлежитъ единству нашего существа и сохраняется имъ; въ противномъ случаѣ и позже мы не могли бы вспомнить о немъ, и дать ему это запоздавшее признаніе его принадлежности къ нашему нераздѣльному «я». Мы не можемъ назвать представленіе забытымъ, не показывая этимъ названіемъ и того, что

прежде оно было нашимъ, и не возстановляя посредствомъ воспоминанія его связи съ цѣлостью нашего сознанія. Поэтому, хотя многія душевныя явленія, въ мгновеніе своего происхожденія, не становятся въ сознательное отношеніе къ единству нашего «я», и только при позднѣйшемъ наблюденіи надъ нашимъ воспоминаніемъ вводятся въ связь съ цѣлостью нашихъ состояній; тѣмъ не менѣе въ первоначальномъ несознаніи этой связи нѣтъ основанія противъ единства нашего существа: напротивъ возможность позднѣйшаго сознанія составляетъ рѣшительное основаніе въ его пользу.

Впрочемъ и это явленіе понимается несовсемъ правильно, когда ему дается такое толкованіе, что сознаніе единства нашего «я» само по себѣ ручается и за дѣйствительное единство нашего существа. Противъ такого пониманія, по крайней мѣрѣ, съ кажущимся правомъ, можно возразить, что въ теченіи нашего развитія является много убѣжденій, которыя, не смотря на свою неопровержимую убѣдительность и побѣдоносную ясность для ненаучнаго мышленія, оказываются, предъ болѣе строгимъ вниканіемъ, ошибочными заключеніями, противорѣчущими законамъ мысли. Такъ и единство сознанія можетъ быть только формой, въ которой наше собственное существо является самому себѣ, и какъ въ явленіи другихъ вещей еще не сказывается непосредственно ихъ истинная природа, такъ точно и недѣлимое единство нашего существа вовсе не слѣдуетъ изъ того, что мы представляемся себѣ единствомъ. Но наше убѣжденіе въ единствѣ нашего существа основы-

вается не на томъ, что мы такъ являемся себѣ, а на томъ, что мы вообще можемъ являться себѣ. Если бы содержаніе того, чѣмъ мы являемся себѣ, было совершенно другое, и мы представлялись себѣ безсвязнымъ множествомъ, то и изъ этаго, изъ одной возможности вообще какъ нибудь представляться себѣ, мы заключили бы о необходимомъ единствѣ нашего существа, на этотъ разъ—въ полномъ противорѣчіи съ нашимъ самонаблюденіемъ. Дѣло состоитъ не въ томъ, чѣмъ существо является самому себѣ; если вообще оно можетъ являться себѣ, или можетъ ему являться что нибудь другое, то оно уже необходимо должно имѣть въ совершенной недѣлимости своей природы основаніе для соединенія многоразличныхъ явленій.

Въ этомъ вопросѣ насъ обыкновенно спутываетъ нѣсколько легкомысленная игра понятіемъ явленія, которую мы такъ часто дозволяемъ себѣ. Мы удовлетворяемся тѣмъ, что противополагаемъ явленію существо, производящее его, и забываемъ, что для возможности явленія необходимо другое существо, которое его видитъ. Мы думаемъ, что изъ сокровенной глубины существа явленіе выходитъ наружу какъ блескъ, который существуетъ прежде воспринимающаго его глаза, распространяется въ дѣйствительности, присущъ и уловимъ для каждаго, кто хочетъ ею уловить, но вмѣстѣ продолжается и тогда, когда никто о немъ не можетъ знать. При этомъ мы забываемъ что и въ области чувственнаго ощущенія блескъ, исходящій изъ предметовъ, именно только кажется исходящимъ изъ нихъ, и что

онъ можетъ казаться исходящимъ изъ нихъ только потому, что при этомъ существуютъ наши глаза,—орудія знающей души, для которой только и могутъ происходить явленія. Свѣтъ не распространяется около насъ; и онъ и каждое явленіе существуютъ только въ сознаніи того, для кого они существуютъ. Объ этомъ-то сознаніи, объ этой-то способности видѣть въ чемъ бы то ни было явленіе для себя, мы утверждаемъ, что она необходимо принадлежитъ только недѣлимому единству существа, и что всякая попытка—приписать ее какому бы то ни было соединенію—своей неудачей будетъ только укрѣплять наше убѣжденіе въ сверхчувственномъ единствѣ души.

Эта простая мысль едва ли нуждается въ доказательствѣ, и едва ли получитъ большую ясность отъ какого бы то ни было доказательства; но она стоитъ въ связи съ другой мыслью, которую можно упомянуть здѣсь мимоходомъ. То, что мы утверждаемъ здѣсь о сознаніи, въ извѣстномъ объемѣ должно сказать о всякомъ дѣйствіи, состояніи и страданіи; въ существѣ дѣла всѣ эти предикаты могутъ относиться только къ недѣлимымъ единствамъ, и только посредственно, только отчасти мы можемъ приписывать ихъ соединенному множеству элементовъ. Если мы представимъ себѣ извѣстное число атомовъ, вошедшихъ въ такое прочное соединеніе, что всѣ они могутъ двигаться только вмѣстѣ, то движеніе образовавшагося изъ нихъ тѣла будетъ нечѣмъ инымъ, какъ суммою вполнѣ равныхъ движеній, производимыхъ его частями. Слѣдовательно,

здѣсь одно и тоже дѣйствіе повторяется столько разъ, сколько есть атомовъ, совершающихъ его; о соединеніи этихъ движеній въ одно общее движеніе можетъ быть рѣчь только тогда, когда мы вычисляемъ величину толчка, который эти отдѣльныя движенія могутъ сообщить одному и тому же элементу, при общемъ дѣйствіи на него. Если мы представимъ другую систему атомовъ, которые соединены между собой не такъ прочно, и не только способны къ различнымъ движеніямъ, но и дѣйствительно производятъ ихъ, то ясно, что и здѣсь едва ли можно говорить объ результатѣ, происходящемъ изъ отдѣльныхъ движеній, если не измѣрять его величиной движенія, которое вся система, по вычетѣ противоположныхъ дѣйствій, уничтожающихся въ ней самой, можетъ перенесть на какой нибудь элементъ внѣ себя. Конечно мы имѣемъ право сказать, что дѣйствіе системы въ такомъ результатѣ выражается не вполнѣ, потому что она же производитъ и многоразличное перекрестное движеніе между своими собственными частями, которое представляется наблюденію въ каждое мгновеніе. Но по этому мы должны были бы только измѣрять общее дѣйствіе живаго тѣла не одной силой, съ которой оно движетъ тяжести внѣ себя; сохраненіе связи между его собственными частями, внутреннее движеніе его соковъ, изгибы и измѣненія его образа, и незамѣтный ходъ роста въ каждое мгновеніе относятся къ его же дѣйствіямъ. Всѣ эти процессы совершаются только въ нашемъ наблюденіи, которое воспринимаетъ ихъ, обозрѣваетъ ихъ

связь, какъ общій результатъ направленныхъ другъ на друга дѣятельностей; только мы, наблюдая положеніе частей въ разныя мгновенія, замѣчаемъ въ нашемъ возврѣніи успѣхъ движенія, красоту, форму, богатство совершающагося развитія, и наслаждаемся всемъ этимъ.

Ничего такого вовсе нѣтъ въ самомъ тѣлѣ. Конечно каждая изъ его частей принимаетъ въ себя всѣ достигающія до нея вліянія другихъ, и соединяетъ въ себѣ въ одно равное имъ состояніе; но простое происходящее здѣсь вынужденіе къ опредѣленному движенію нисколько не равняется съ нашимъ взглядомъ на цѣлое и общую цѣну его дѣйствій. Слѣдовательно, и въ такомъ сопоставленіи частей, каждая изъ нихъ вноситъ свою долю въ общее дѣйствіе, но самый общій результатъ дѣйствительно существуетъ только въ единствѣ наблюдателя. Отъ этихъ примѣровъ мы можемъ возвратиться къ нашему предмету, и представить въ соединеніи атомовъ внутреннюю душевную жизнь. Если предположить, что общее чувственное раздраженіе, какъ прежде общій толчокъ, дѣйствуетъ на всѣ данные атомы, то происходящее здѣсь ощущеніе мы можемъ помѣщать только внутрь каждаго отдѣльнаго атома. Оно будетъ являться здѣсь столько разъ, сколько есть недѣлимыхъ существъ въ данномъ соединеніи; но это множество ощущеній нигдѣ не соединится въ одно общее ощущеніе. И если допустить, что въ отдѣльныхъ элементахъ этаго цѣлаго происходятъ различныя ощущенія, какъ прежде происходили различныя движенія, и каждый изъ нихъ какъ нибудь можетъ переносить свое возбужденіе на

другіе элементы, то и здѣсь каждое отдѣльное существо будетъ, по своему особенному положенію въ отношеніи къ прочимъ, особеннымъ образомъ испытывать ихъ вліянія, и смѣшивать или соединять въ себѣ отовсюду получаемыя имъ впечатлѣнія. Но новое ощущеніе или знаніе, происходящее изъ этихъ взаимодѣйствій, все таки будетъ существовать только въ отдѣльныхъ элементахъ, изъ которыхъ каждый смѣшиваетъ въ своемъ единствѣ многоразличныя впечатлѣнія. Если каждый элементъ одинаковымъ образомъ испытываетъ вліянія всѣхъ другихъ, то будетъ многократно являться одинаковое знаніе; далѣе—будетъ многократно происходить различное знаніе, если неоднородныя отношенія, въ которыхъ стоятъ другъ къ другу отдѣльные элементы, производятъ въ каждомъ изъ нихъ особенное смѣшеніе достигающихъ до него впечатлѣній. Но ни одинъ элементъ въ послѣднемъ случаѣ не будетъ обозрѣвать многоразличіе всѣхъ происшедшихъ состояній, эта общая сумма ощущенія или знанія будетъ существовать только для новаго посторонняго наблюдателя, который въ единствѣ своего недѣлимаго существа собираетъ разсѣянные факты въ цѣльный образъ, являющійся только ему одному. Какъ духъ времени, общественное мнѣніе не виситъ подлѣ и между отдѣльными существами, а постоянно существуетъ только въ сознаніи отдѣльныхъ лицъ; такъ вообще и всѣ результаты духовнаго общаго дѣйствія существуютъ только въ отдѣльныхъ и недѣлимыхъ душахъ, которыя соединяютъ въ себѣ взаимно различныя впечатлѣнія.

Всѣ дѣйствія соединеннаго множества или только будутъ множествомъ особенныхъ дѣйствій, или дѣйствительно смѣшаются въ одно только тогда, когда всѣ будутъ направляться на одно постороннее имъ строгое единство, и найдутъ въ немъ соединеніе, иначе невозможное для нихъ.

Тщательное вниканіе въ эти соображенія оправдаетъ положеніе, которое мы выставили выше. Единство души основывается не на томъ, что мы являемся себѣ такимъ единствомъ; а то, что намъ вообще можетъ что нибудь являться, убѣждаетъ насъ въ нераздѣльности нашего существа. Доселѣ мы развивали это слѣдствіе только въ отношеніи къ каждому соединенію событій; быть можетъ оно будетъ еще убѣдительнѣе—если мы выставимъ на видъ отличительную природу сознанія. Представленія о смѣшеніи многихъ состояній въ одно среднее,—о равнодѣйствующихъ силахъ или слѣдствіяхъ, происходящихъ изъ отдѣльныхъ дѣятельностей, слишкомъ вредно дѣйствовали на объясненіе внутреннихъ явленій, и потому здѣсь мы должны противопоставить имъ совершенно отличныя отъ нихъ образы дѣйствія сознанія. Въ природѣ изъ двухъ движеній происходитъ то покой, то третье среднее, въ которыхъ они исчезаютъ безъ слѣда; но въ сознаніи нѣтъ ничего подобнаго. Наши представленія, каковы бы ни были ихъ судьбы, сохраняютъ тоже содержаніе, какое имѣли прежде, и никогда образы двухъ цвѣтовъ въ нашемъ воспоминаніи не смѣшиваются въ третій средній, никогда ощущенія двухъ тоновъ не дѣлаются ощущеніемъ про-

стаго тона, занимающаго между ними средину; никогда представленія объ удовольствіи и страданіи не уравниваются до покоя безразличнаго состоянія. Различныя раздраженія, происходящія изъ внѣшняго міра еще въ предѣлахъ нервной системы, посредствомъ которой дѣйствуютъ на душу, производятъ среднее состояніе по физическимъ законамъ, и только изъ этаго состоянія, дѣйствующаго на духъ въ видѣ простаго толчка, мы развиваемъ одно смѣшанное ощущеніе, вмѣсто двухъ которыя мы восприняли бы отдѣльно, если бы раздраженія могли дойдти до насъ отдѣльно. Такъ для нашего ощущенія смѣшиваются цвѣта на краяхъ, которыми они непосредственно соприкасаются въ пространствѣ; но образы цвѣтовъ, которые вмѣстѣ существуютъ въ нашемъ воспоминаніи безпространственно и безъ раздѣляющихъ преградъ, никогда не сливаются въ однообразный сѣрый цвѣтъ; а этого средняго результата изъ нихъ слѣдовало бы ожидать, если бы различныя .состоянія вообще уравнивались и смѣшивались въ нашей душѣ. Сознаніе напротивъ раздѣляетъ различныя состоянія въ то самое мгновеніе, въ которое они пытаются соединиться; оно не позволяетъ многоразличнымъ впечатлѣніямъ безслѣдно погибать въ смѣшеніи, а, оставляя за каждымъ его первоначальный характеръ, сравниваетъ ихъ, и при этомъ сознаетъ величину и способъ перехода, посредствомъ котораго отъ одного оно доходитъ до другаго. Это дѣйствіе отношенія и сравненія, — первый зародышъ всякаго сужденія ,— и соотвѣтствуетъ въ душѣ образованію равнодѣйствующихъ силъ въ физическихъ со-

бытіяхъ, хотя и имѣетъ совсемъ другую природу; въ этомъ вмѣстѣ и состоитъ значеніе единства сознанія.

Если болѣе сильный и болѣе слабый тонъ одинаковой высоты касаются нашего уха, то мы слышимъ одинъ и тотъ же тонъ—только сильнѣе, а не оба отдѣльно; ихъ дѣйствія совпадаютъ уже въ слуховомъ нервѣ, и душа въ простомъ раздраженіи, достигающемъ до нея, не можетъ найдти никакого основанія для раздѣленія ихъ на два воспріятія. Но если оба тона прозвучатъ другъ за другомъ, и чувственный органъ можетъ отдѣльно передать ихъ впечатленія душѣ, то изъ представленій о нихъ, которыя сохраняются воспоминаніемъ, и для сравненія въ тоже мгновеніе опять вводятся въ сознаніе, уже не происходитъ представленіе третьяго тона большей силы, а оба остаются отдѣльными другъ отъ друга. Между тѣмъ въ безпространственномъ воспріятіи ихъ не раздѣляетъ никакая преграда. И, если бы произошелъ средній тонъ, то для сознанія, умѣющаго сравнивать, онъ былъ бы не сравненіемъ двухъ первыхъ, а только приращеніемъ матеріяла, который еще нужно сравнить. Сравненіе, дѣйствительно совершаемое нами, состоитъ въ сознаваніи особеннаго измѣненія, которое испытываетъ наше состояніе, когда мы въ представленіи отъ одного тона переходимъ къ другому, и при этомъ вмѣсто третьяго одинаковаго тона получаемъ несравненно большую прибыль—представленіе интенсивнаго «болѣе или менѣе». Красный и желтый цвѣтъ сливаются между собой только тогда, когда они, уже смѣшавшись

въ глазу, приближаются къ нашей душѣ въ видѣ простаго средняго раздраженія; если же они ощущаются отдѣльно, то остаются раздѣльными и въ нашемъ воспоминаніи, и не производятъ впечатлѣнія оранжеваго цвѣта; если бы произошло это впечатлѣніе, то и въ такомъ случаѣ только умножился бы сравниваемый матеріялъ, но отнюдь не совершилось самое сравненіе. Оно совершается, когда мы сознаемъ форму смѣны, которую испытываетъ наше состояніе при переходѣ отъ краснаго цвѣта къ жолтому, и посредствомъ нея получаемъ новое представленіе о качественномъ сходствѣ и несходствѣ. Когда мы наконецъ сравниваемъ впечатлѣніе съ нимъ же самимъ, то, будучи мыслимо вдвойнѣ, оно не приходитъ къ удвоенію своей простой силы; только мы сами, восприцимая дѣйствіе перехода, и не замѣчая перемѣны въ его результатѣ, получаемъ представленіе о равенствѣ. Мы не имѣемъ никакого основанія умножать эти примѣры; внутренняя жизнь довольно извѣстна каждому, и послѣ этого уже легко убѣдиться въ томъ, что всѣ высшія задачи нашего познанія и цѣлаго нашего духовнаго образованія основываются на той же осторожности, съ которой сознаніе оставляетъ неприкосновенными всѣ различія впечатлѣній, и что образованіе равнодѣйствующихъ смѣшанныхъ состояній, съ помощью котораго такъ часто и такъ необдуманно надѣются объяснить все дальнѣйшее развитіе, даже все первоначальное происхожденіе нашихъ внутреннихъ возбужденій, совершенно чуждо необходимымъ привычкамъ души.

Едва ли кто сочтетъ эти дѣйствія относящаго и срав-

нивающаго знанія произведеніями аггрегата многихъ существъ. Когда дѣло шло только о томъ, что всѣ представленія собираются въ одномъ и томъ же сознаніи, что всѣ производятъ другъ на друга дѣйствія, и взаимно подавляютъ или вызываютъ себя, тогда еще, по крайней мѣрѣ, съ нѣкоторымъ правомъ можно было сомнѣваться въ томъ, что и эти явленія уже необходимо предполагаютъ единство своего основанія. Сознаніе можно было считать пространствомъ, въ которомъ ведется эта многоразличная игра, и оставлять нерѣшеннымъ, откуда происходитъ освѣщающее ее сознаваніе. Но дѣятельный элементъ, который переходя съ одного явленія на другое, оба оставляетъ неприкосновенными, и, тѣмъ не менѣе, сознаетъ величину, родъ и направленіе своего перехожденія,—этотъ особеннѣйшій союзъ между многократнымъ самъ ни какъ не можетъ быть многократнымъ; какъ всѣ дѣйствія вообще соединяются только въ единствѣ нераздѣльнаго существа, въ которомъ встрѣчаются, такъ еще болѣе этотъ особенный способъ связи между многоразличными явленіями требуетъ строгаго единства въ соединяющемъ элементѣ.

Изъ всего этого достаточно видно, какое важное мѣсто въ нашемъ ученіи принадлежитъ недѣлимому единству каждаго изъ непространственныхъ атомовъ. Оно позволяетъ намъ принять, что внѣшнія впечатлѣнія, доходящія до атома, могутъ соединяться въ немъ въ формы ощущеній и наслажденія.

Повидимому, для окончательнаго рѣшеніи того вопроса, осуществляется ли эта возможность на самомъ дѣлѣ,

или нѣтъ, всего лучше обратиться къ указаніямъ опыта, и слѣдить,—не бываетъ ли вынуждено и само естествознаніе обращаться, при объясненіи явленій, къ внутренней духовной природѣ атомовъ. Попробуемъ это сдѣлать.

Прежде всего очевидно, что, какія бы внутреннія состоянія и стремленія мы ни предполагали въ атомахъ, но подъ ихъ вліяніемъ никогда ни одинъ атомъ не придетъ въ движеніе самъ собой, не будучи вынужденъ къ тому своими отношеніями къ другимъ. Пространство окружаетъ каждый атомъ однообразно со всѣхъ сторонъ, и ни одинъ пунктъ этого безразличнаго протяженія не имѣетъ предъ другими преимущества, ради котораго атомъ, находящійся въ покоѣ, началъ бы двигаться къ нему, или находящійся въ движеніи уклонился бы въ сторону отъ него; ни одинъ пунктъ не соотвѣтствуетъ природѣ атома болѣе другаго въ такой мѣрѣ, чтобы онъ или быстрѣе искалъ, или медленнѣе оставлялъ его. Поэтому, каждый атомъ, находящійся въ покоѣ, будетъ сохранять это состояніе, доколѣ не нарушатъ его внѣшнія вліянія, и каждый атомъ, находящійся въ движеніи, долженъ сохранять его направленіе и скорость, доколѣ онѣ не будутъ измѣнены дѣйствіемъ новыхъ причинъ.

Этотъ законъ инерціи, лежащій въ основаніи всякаго нашего обсужденія движеній, тѣмъ не менѣе обозначаетъ случай, который никогда не существуетъ въ такомъ чистомъ видѣ. Въ дѣйствительности никогда не бываетъ недостатка во внѣшнихъ причинахъ, измѣняющихъ у движущагося предмета направленіе и быстроту движенія.

Пространство, окружающее атомъ, не пусто, а наполнено въ безчисленныхъ пунктахъ другими однородными, или различными атомами. Конечно, мы должны предположить между всѣми ними, какъ составными частями одного и того же міра, взаимную внутреннюю связь, на которой основывается непосредственное взаимодѣйствіе ихъ внутреннихъ состояній. Но эта внутренняя жизнь атомовъ вовсе не подлежитъ нашему наблюденію; поэтому естествознаніе дѣлаетъ своимъ предметомъ не ее, а только пространственныя движенія, которыя составляютъ ея внѣшнее выраженіе и слѣдствіе. Это выраженіе внутренняго взаимодѣйствія между двумя неизмѣнными атомами въ пустомъ пространствѣ можетъ состоять только въ уменьшеніи или увеличеніи ихъ взаимнаго разстоянія. Какой изъ этихъ двухъ результатовъ появляется въ опредѣленномъ случаѣ, происходитъ ли явленіе притяженія или оттолкновенія,—это зависитъ отъ неизвѣстныхъ внутреннихъ отношеній атомовъ, находящихся во взаимодѣйствіи; потому мы можемъ рѣшать этотъ вопросъ только по указаніямъ опыта. Далѣе, только на соединенномъ впечатлѣніи опытовъ, по крайней мѣрѣ, донынѣ, мы можемъ основывать то правило, что живость каждаго взаимодѣйствія уменьшается съ увеличеніемъ разстоянія между дѣйствующими элементами, и возростаетъ съ его уменьшеніемъ. Но по какому масштабу она сообразуется съ смѣняющейся величиной разстоянія,—это въ каждомъ случаѣ можно рѣшать только свидѣтельствомъ опыта; точно также онъ одинъ показываетъ намъ и степень силы, съ которой вообще меж-

ду двумя атомами опредѣленной природы развивается притяженіе или отталкновеніе.

Сообразно со всемъ этимъ, способность къ произведенію опредѣленнаго дѣйствія никогда не содержится, въ замкнутомъ и готовомъ видѣ, въ природѣ одного атома. Напротивъ, какъ необходимость дѣйствованія вообще происходитъ только изъ взаимнаго отношенія двухъ элементовъ, такъ и притягательное или отталкивательное отношеніе одного элемента зависитъ и отъ природа другаго, на который первый направляетъ свою дѣятельность. Далѣе величина вліянія, обнаруживаемаго каждымъ элементомъ, опредѣляется частью тѣмъ же отношеніемъ къ своеобразной натурѣ его противника, частью его удаленіемъ отъ него,—слѣдовательно обстоятельствами, имѣющими мѣсто только въ данное мгновеніе. Хотя такимъ образомъ опредѣленная сила къ дѣйствію у каждаго атома появляется собственно только въ мгновеніе его дѣйствія, но естествознаніе приписываетъ атомамъ постоянныя силы. Такимъ образомъ оно конечно подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ для тѣхъ, которые не слѣдятъ за смысломъ этого способа выраженія въ его приложеніяхъ. Легко подумать, что сила, которая должна постоянно принадлежать веществу, есть новое и однако невещественное вещество, сокровенное качество, дѣятельность въ покоѣ, или стремленіе, которому недостаетъ сознанія цѣли, равно какъ произвола дѣйствованія и дѣйствительности выполненія. Никто, конечно, не почувствовалъ бы тѣхъ же трудностей, если бы мы говорили о силѣ нашего сердца—любить и ненавидѣть.

Мы знаемъ, что любовь и ненависть не находятся въ готовомъ видѣ въ нашей душѣ, не ожидаютъ предметовъ, на которые имъ можно было бы обратиться; и та и другая развиваются въ опредѣленной мѣрѣ только въ мгновеніе соприкосновенія нашего существа съ другимъ. Однако мы считаемъ позволительнымъ то выраженіе, что сила ненависти и любви свойственна нашему сердцу,— обитаетъ въ немъ; этимъ, мы знаемъ, выражается только та мысль, что постоянная природа нашей души необходимо, подъ вліяніемъ опредѣленныхъ условій, развиваетъ то или другое изъ этихъ своихъ обнаруженій. Съ такимъ же правомъ выраженія, и естествознаніе усвояетъ способность къ дѣйствію, которую пріобрѣтаетъ тѣлесный элементъ только при существованіи извѣстныхъ условій, внутреннему существу элемента, какъ будто бы онъ имѣетъ готовую прежде силу притяженія или оттолкновенія. Оно не имѣетъ нужды заботиться о томъ, что такое сокращеніе выраженія поведетъ къ ошибкамъ въ приложеніи; никакое приложеніе понятія силы невозможно безъ того, чтобы въ каждомъ случаѣ, хотя и въ другой формѣ, не было обращено вниманія на истинное положеніе вещей, на которомъ основывается употребленіе этого понятія. Мы говоримъ не о бездѣйственныхъ, а о дѣйствующихъ атомахъ; но нельзя говорить ни о какомъ дѣйствіи одного атома, не упоминая о другомъ, который подвергается ему; мы не можемъ допустить между этими двумя атомами никакого притяженія или оттолкновенія, не представляя вмѣстѣ опредѣленнаго взаимнаго отдаленія обоихъ въ начальный мо-

ментъ дѣйствія, и не выводя изъ этого отдаленія величины развившейся силы, по закону, извѣстному изъ опыта. Поэтому для всякаго приложенія—безразлично, полагаемъ ли мы, что только въ данное мгновеніе, подъ вліяніемъ существующихъ обстоятельствъ, изъ внутреннихъ взаимныхъ отношеній элементовъ для каждаго отдѣльнаго изъ нихъ происходитъ вынужденіе къ опредѣленной формѣ и величинѣ дѣйствія,—или говоримъ, что изъ многихъ силъ, дремлющихъ въ атомѣ, въ готовомъ видѣ, но бездѣйственно начинаетъ дѣйствовать та, которая, при существующихъ обстоятельствахъ, находитъ условія для своего пробужденія и обнаруженія. Но физика конечно имѣла право предпочесть послѣднюю форму выраженія, какъ болѣе удобную для употребленія.

Если бы внутреннія состоянія, которыя, по нашему убѣжденію, испытываетъ каждый атомъ въ мгновеніе своего дѣйствія, такъ измѣняли его природу, что она, по поводу совершенно одинаковаго позднѣйшаго возбужденія, дѣйствовала бы иначе, нежели по поводу прежняго; то мы могли бы говорить о силахъ, постоянно принадлежащихъ атомамъ. Опытъ вообще не показываетъ такой измѣнчивости въ нихъ. Химическій элементъ, вошедши постепенно въ различныя соединенія, по выдѣленіи изъ нихъ, обнаруживаетъ тѣже свойства, съ какими входилъ въ первое изъ нихъ. Въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ иначе, основаніе для мгновенной перемѣны его свойствъ заключается въ продолжающемся дѣйствіи процессовъ, сопровождавшихъ его послѣднее выдѣленіе. Сколько бы состояній ни испыты-

валъ атомъ, и какъ бы они ни были различны, всегда, при всей смѣнѣ своихъ положеній, онъ сохраняетъ свое тождество, не пріобрѣтаетъ никакихъ новыхъ привычекъ, подобныхъ тѣмъ, которыя развиваются въ сложныхъ образованіяхъ, и не обнаруживаетъ въ себѣ слѣда памяти, посредствомъ которой прошедшія состоянія могли бы имѣть вліяніе на его будущія отношенія. Поэтому можно напередъ опредѣлять его образъ дѣйствія, если намъ извѣстна его первоначальная природа и сумма всѣхъ условій, продолжающихъ свое дѣйствіе въ данное мгновеніе; для этого вовсе не нужно обращать вниманіе на теченіе пережитой имъ исторіи. Въ этомъ постоянномъ возвращеніи къ одинаковымъ отношеніямъ при одинаковыхъ условіяхъ мы собственно и поставляемъ неизмѣнность матеріяльныхъ атомовъ. Это не значитъ, что ихъ природа никогда не испытываетъ перемѣнъ въ своихъ внутреннихъ состояніяхъ; но такія перемѣны изглаживаются, по крайней мѣрѣ не обнаруживаютъ вліянія на внѣшнія отношенія атома, когда перестаютъ дѣйствовать внѣшнія условія; вездѣ, гдѣ послѣднія точно возвращаются къ своей прежней констелляціѣ, атомъ съ полной эластичностью возвращается къ тому изъ своихъ состояній, которое соотвѣтствовало ей, и входитъ въ видѣ такой же силы или такого же препятствія, какъ и прежде, въ игру дальнѣйшихъ взаимодѣйствій.

Наше знаніе явленій не такъ обширно, чтобы мы могли сказать, будто эта неизмѣнность есть всеобщее свойство всѣхъ естественныхъ элементовъ. Очень воз-

можно, что въ областяхъ, въ которыхъ наши изслѣдованія только еще начинаются, найдутся указанія на поступательное внутреннее развитіе атомовъ. Но, съ одной стороны, опытъ, доступный намъ доселѣ, не далъ ни малѣйшаго намека на необходимость этой гипотезы, съ другой—вообще легко замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, въ ограниченномъ объемѣ неизмѣнность элементовъ всегда сохранитъ свое значеніе.

Зданіе природы,—въ которомъ роды существъ должны всегда сохранять тѣже образы и тоже расположеніе своихъ взаимныхъ отношеній, а теченіе событій постоянно должно имѣть тѣже очертанія,—не можетъ существовать, если будутъ подлежать постоянному измѣненію даже элементы, изъ которыхъ всегда вновь происходитъ это многоразличіе. Быть можетъ, вся природа дѣйствительно совершаетъ поступательное развитіе; но ея постоянство, по свидѣтельству опыта, всегда такъ велико, что всѣ историческіе періоды ея существованія намъ понятны только подъ предположеніемъ неизмѣнныхъ элементовъ, которые, по каждомъ окончаніи круговорота внѣшнихъ условій, возвращаются къ первоначальному своему состоянію, и такимъ образомъ опять представляютъ прежнія точки опоры для возобновленія той же игры.

Это предположеніе составляетъ самое общее основаніе для предварительнаго опредѣленія будущихъ дѣйствій. Точно также опытъ подтвердилъ обширную приложимость и другаго предположенія, по которому мы обсуждаемъ слѣдствія, происходящія отъ совокупнаго дѣйствія многихъ условій на одинъ и тотъ же простой элементъ.

Одно движенiе, въ которомъ уже находится атомъ, не мѣшаетъ появленiю другаго; движущiйся атомъ не только не сопротивляется вполнѣ, или отъ части, но и совершенно удовлетворяетъ другой движущей силѣ, и его общая скорость составляетъ полную сумму отдѣльныхъ скоростей, сообщаемыхъ ему этими различными силами въ одномъ и томъ же направленiи. Представимъ многiя совершенно одинаковыя между собой силы, и соединимъ ихъ въ любыхъ количествахъ для образованiя общихъ силъ; ихъ величина будетъ измѣряться числомъ простыхъ и одинаковыхъ силъ, соединенныхъ въ каждой изъ нихъ. Изъ предыдущаго легко вывесть положенiе, что скорости, сообщаемыя различными силами одному и тому же элементу, относятся между собой какъ величины силъ, которыя производятъ ихъ. Далѣе если сила, постоянно дѣйствуя, въ каждое мгновенiе возобновляетъ тотъ же толчокъ, который давала въ предыдущее, то произведенная ей скорость съ теченiемъ времени будетъ возростать отъ постояннаго соединенiя позднѣйшихъ толчковъ съ прежними, продолжающими свое дѣйствiе по закону инерцiи, и движенiе перейдетъ въ ускоренное, которое мы между прочимъ видимъ при паденiи тѣлъ отъ постояннаго притяженiя земли. Если, наконецъ, различныя силы съ различными скоростями и направленiями одновременно приводятъ въ движенiе одинъ и тотъ же элементъ, то и здѣсь онъ не будетъ слѣдовать одной, и уклоняться отъ влiянiя другой, а вмѣстѣ удовлетворитъ всѣмъ направленнымъ на него силамъ. Поэтому, въ концѣ опредѣленнаго перiода времени, элементъ отъ со-

вокупнаго дѣйствія двухъ силъ находится на томъ мѣстѣ, котораго долженъ былъ достигнуть, если бы, попеременно слѣдуя обѣимъ, двигался сперва въ направленіи одной силы, а въ продолженіе втораго равнаго періода времени,—въ направленіи другой. Если, сообразно съ этимъ предположеніемъ, искать мѣста, на которыхъ движущійся элементъ находится въ концѣ перваго, втораго и каждаго слѣдующаго безконечнаго малаго момента опредѣленнаго времени, то линія, соединяющая эти пункты между собой, обозначитъ прямой или криволинейный путь, который дѣйствительно проходится элементомъ отъ совокупнаго дѣйствія двухъ силъ. Эта линія стягивается въ точку, и элементъ покоится, если суммы силъ, стремящихся привесть его въ движеніе по противоположнымъ направленіямъ, равны между собой.

Когда два элемента должны вступить во взаимодѣйствіе, то оно совершается точно также, если бы не одинъ элементъ стоялъ противъ одного, а противъ множества однородныхъ, отдѣльныхъ или соединенныхъ въ массу элементовъ. И здѣсь воспріимчивость къ взаимодѣйствію не такъ мала, чтобы одинъ элементъ простиралъ свое вліяніе только на опредѣленное число другихъ, или долженъ былъ раздѣлять его величину между ними. Напротивъ, каково бы ни было число этихъ его противниковъ, взаимодѣйствіе между нимъ и каждымъ изъ нихъ развивается точно также, какъ будто бы всѣ прочіе не существовали. Поэтому элементъ сообщаетъ каждому изъ нихъ, и получаетъ отъ каждаго скорость, вообще соотвѣтствующую взаимодѣйствію между атомами

такого рода. Онъ собираетъ въ себѣ эту скорость столько разъ, сколько масса его противника соединяетъ въ себѣ равныхъ ему элементовъ, изъ которыхъ каждому онъ сообщаетъ туже скорость. Если мы назовемъ величину движенія произведеніемъ изъ скорости на число однородныхъ движущихся частей, или на ихъ массу, то каждый изъ двухъ членовъ пары, находящейся во взаимодѣйствіи, получитъ туже величину движенія,—слѣдовательно скорость, которая тѣмъ болѣе возрастаетъ, чѣмъ болѣе его противникъ, и чѣмъ менѣе его собственная масса. Этотъ законъ равенства между дѣйствіемъ и противодѣйствіемъ, въ соединеніи съ предыдущимъ, позволяетъ намъ опредѣлять пути, которыя предначертываютъ другъ другу посредствомъ своихъ силъ массы, имѣющія неодинаковую величину, находятся ли онѣ первоначально въ покоѣ, или въ движеніи.

Во всѣхъ этихъ правилахъ для обсужденія сложныхъ событій заключается то общее предположеніе, что взаимодѣйствіе, въ которомъ одинъ элементъ находится съ другимъ не обнаруживаетъ никакого вліянія на законъ, по которому онъ долженъ одновременно вступить во взаимодѣйствіе съ третьимъ. Не образъ дѣйствія отдѣльной силы, а только его слѣдствіе измѣняется отъ встрѣчи съ другой, дѣйствующей одновременно; въ слѣдствіи конечно должны противоположныя возбужденія различныхъ силъ, которымъ одинъ и тотъ же элементъ не можетъ слѣдовать одновременно, уничтожаться, а прочія—слагаться въ среднее общее дѣйствіе. Это предположеніе—самое простое и благопріятное для опредѣленія

произведеній совокупнаго дѣйствія многихъ условій; оно позволяетъ вычислять дѣятельность каждой силы отдѣльно и безъ отношенія къ прочимъ, и потомъ соединять найденныя отдѣльныя слѣдствія въ одинъ окончательный результатъ. Слѣдуя далѣе той же основной мысли, можно допустить, что силы, различныя не только по величинѣ, но и по роду, одновременно дѣйствуютъ на одинъ и тотъ же атомъ. И въ этомъ случаѣ должно предположить, что ихъ перекрещиваніе не измѣняетъ отдѣльныхъ законовъ, по которымъ элементъ подвергается дѣйствію каждой изъ нихъ, или воздѣйствуетъ на нее; и здѣсь только въ слѣдствіи должны уничтожаться противоположныя дѣйствія, которыя различныя силы направляютъ вмѣстѣ на общій имъ объектъ. Но на самомъ дѣлѣ мы не можемъ показать, какъ далеко простирается приложимость этого взгляда. Безразличіе, съ которымъ различныя силы дѣйствуютъ въ одномъ и томъ же элементѣ другъ противъ друга, не подавая взаимно повода къ измѣненію своего стремленія, вовсе не есть необходимое предположеніе, — напротивъ оно есть самое невѣроятное изъ многихъ возможныхъ. Если взаимная наклонность соединяетъ два лица, и каждое изъ нихъ стоитъ въ дружественномъ отношеніи къ третьему, то не всегда это послѣднее оставляетъ неизмѣнными взаимныя чувства двухъ первыхъ; оно очень часто превращаетъ ихъ взаимную дружбу въ раздоръ, или заставляетъ ихъ соединиться еще ближе для того, чтобы общими силами оттолкнуть отъ себя третье лице. Этотъ примѣръ, заимствованный изъ совершенно инородной области,

быть можетъ, не имѣетъ никакого глубокаго сходства съ простымъ случаемъ занимающимъ насъ, но онъ наглядно можетъ объяснить то, что мы теперь можемъ выразить вообще, безъ всякаго сравненія. Если взаимодѣйствія вещей не внѣшнимъ образомъ привязаны къ нимъ, но,—какъ и есть на самомъ дѣлѣ, — или зависятъ отъ измѣненій въ ихъ внутреннихъ состояніяхъ, или по крайней мѣрѣ, сопровождаются ими, то каждый элементъ, въ мгновеніе своего дѣйствованія, бываетъ инымъ, существенно отличнымъ отъ того, чѣмъ онъ былъ прежде, или будетъ послѣ. Очень можетъ быть, что законъ, по которому онъ изъ своего бездѣйственнаго состоянія вошелъ во взаимодѣйствіе со вторымъ элементомъ, сохраняетъ свое значеніе и для настоящаго дѣятельнаго элемента; измѣненіе внутренняго состоянія, соединеннаго съ его дѣйствованіемъ, не имѣетъ надобности касаться тѣхъ чертъ природы элемента, на которыхъ основывалось его подчиненіе этому закону. Въ такомъ случаѣ, сообразно съ упомянутымъ предположеніемъ, новое взаимодѣйствіе можетъ начинаться такъ, какъ будто бы и не было прежняго. Но, конечно, вообще точно также возможно, что предшествовавшая дѣятельность такъ существенно измѣняетъ внутреннее состояніе дѣйствующаго элемента, что онъ уже не можетъ дѣйствовать на другой, по прежнему закону своей дѣятельности. Силы, какъ мы видѣли, не суть неразрушимыя свойства, принадлежащія природѣ элемента, независимо отъ всякихъ отношеній; онѣ и ихъ законы суть только выраженія тѣхъ вынужденій къ взаимодѣйствію,

которыя происходятъ у вещей только изъ ихъ взаимныхъ отношеній. Если измѣняются внутреннія состоянія вещей, то вмѣстѣ съ ними могутъ измѣняться и эти отношенія, и такимъ образомъ могутъ развиваться возбужденія къ инымъ, новымъ дѣйствіямъ, слѣдовательно новыя силы, или новые ихъ законы. Поэтому мы должны признать возможной ту мысль, что и законъ дѣйствія простой силы измѣняется, конечно, законнымъ образомъ, вмѣстѣ со смѣной внутреннихъ состояній ея основанія.

Конечно опытъ въ тѣхъ областяхъ, которыя доселѣ сдѣлались доступны точной теоріи, едва еще обнаружилъ слѣды, указывающіе на практическую важность этого общаго разсужденія; но мы должны признать неизмѣнность законовъ дѣйствія, въ той мѣрѣ, въ какой она обнаруживается, однимъ изъ тѣхъ фактовъ опыта, которые объясняютъ намъ основныя черты дѣйствительнаго мірозданія. Впрочемъ въ ней нельзя видѣть существенно необходимаго учрежденія, которое неограниченно должно являться во всякой природѣ, или только въ извѣстной намъ. Еще менѣе мы можемъ переносить ее въ область духовной жизни, какъ будто бы она имѣла право вобще, безъ особеннаго подтвержденія со стороны опыта, считаться всеобщимъ правиломъ для всѣхъ событій. Едва ли нужно прибавлять, что вообще о ней можетъ быть рѣчь только въ отношеніи къ простымъ силамъ, которыя мы приписываемъ природѣ одного отдѣльнаго элемента въ его отношеніи къ другому. Напротивъ того, общія дѣйствія большихъ соединеній эле-

ментовъ естественно зависятъ отъ образа соединенія этихъ составныхъ частей, и нельзя выставить никакого всеобщаго правила для измѣненій, которыя могутъ претерпѣвать такія силы отъ многоразличныхъ возможныхъ смѣшеній между соединенными элементами. Въ такой сложной системѣ многое можетъ быть на всегда разрушено внѣшними впечатлѣніями, и при возвращеніи тѣхъ же внѣшнихъ условій,—не возвращать себѣ способности къ тому же воздѣйствію, которое при одинаковыхъ условіяхъ развивалось прежде. Напротивъ, мы не можемъ сказать это о простыхъ элементахъ; даже, если бы измѣнялся ихъ образъ дѣйствія, какъ было упомянуто выше, все таки мы можемъ всегда предполагать, что каждому повторенію совершенно одинаковой констелляціи внѣшнихъ условій соотвѣтствуетъ и возвращеніе тѣхъ же законовъ дѣйствія.

Наука исходя изъ этихъ основаній, развила основанія для объясненія естественныхъ событій; она подчиняла этимъ всеобщимъ положеніямъ опредѣленныя, возможно близкія къ отношеніямъ, встрѣчающимся въ опытѣ, комбинаціи обстоятельствъ, и вычисляла слѣдствія, которыя должны производить данныя силы при этихъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ она пришла частью къ полному поясненію нѣкоторыхъ круговъ явленій, частью, —именно тамъ, гдѣ слишкомъ большое число содѣйствующихъ условій затрудняетъ ея непосредственное вычисленіе,—по крайней мѣрѣ къ общимъ точкамъ зрѣнія, посредствомъ которыхъ ожидаемыя слѣдствія заключаются въ извѣстныя границы. Такъ изъ равенства между дѣй-

ствіемъ и противудѣйствіемъ она легко можетъ развить то слѣдствіе, что внутреннія взаимодѣйствія массъ соединенныхъ въ систему, могутъ измѣнить ея форму, но не мѣсто въ пространствѣ, или что при всѣхъ внутреннихъ измѣненіяхъ системы, ея центръ тяжести остается въ покоѣ, если былъ прежде въ покоѣ, или продолжаетъ свое прежнее движеніе, не измѣняя его скорости и направленія. Поэтому каждая перемѣна мѣста, происходящая изъ собственныхъ силъ тѣла, предполагаетъ взаимодѣйствіе съ чѣмъ нибудь внѣшнимъ, что служитъ для него точкой опоры, или сопротивленіемъ, дающимъ направленіе.

Въ нашей духовной жизни величина многихъ дѣятельностей зависитъ отъ времени; интересъ чувства относительно предметовъ, ясность представленій, сила воли, — все это по видимому, безъ новыхъ возбужденій, уменьшается съ теченіемъ времени. Для обыкновеннаго мнѣнія должно быть особенно вѣроятнымъ, что вообще каждое дѣйствіе, слѣдовательно и обнаруженіе каждой естественной силы подлежитъ такому постепенному утомленію и истощенію. Поэтому долго предполагали, что сообщенное движеніе въ концѣ прекращается само собой, и законъ инерціи казался для обыкновеннаго мнѣнія страннымъ открытіемъ науки. И въ духѣ естественно не само время уменьшаетъ силу какой либо дѣятельности; многоразличныя событія, постоянно перекрещиваясь въ немъ, своими взаимными вліяніями мѣшаютъ каждому отдѣльному изъ нихъ продолжаться въ неослабленномъ видѣ. Въ простыхъ элементахъ природы или нѣтъ этого множества внутреннихъ состояній, или

оно не обнаруживаетъ никакого вліянія подобнаго рода; въ извѣстной намъ исторіи явленій силы одинаковыхъ массъ всегда были одинаковы. Ни одна изъ нихъ не увеличивается и не уменьшается только потому, что уже дѣйствовала въ продолженіе нѣкотораго времени, и ни одна изъ нихъ какъ не испытываетъ истощенія, такъ и не пріобрѣтаетъ отъ повторенія своего дѣла, навыка къ болѣе совершенному дѣйствованію. Поэтому для каждой способности къ дѣйствованію, которая гдѣ нибудь происходитъ вновь, мы должны искать основаніе въ новыхъ отношеніяхъ измѣнчивыхъ обстоятельствъ, которыя или устраняютъ препятствія къ дѣйствію силъ, остающихся одинаковыми и теперь, или производятъ недостававшія прежде условія къ ихъ обнаруженію; точно также основаніе для кажущагося исчезновенія какой нибудь силы должно искать въ измѣненіяхъ взаимныхъ отношеній дѣйствующихъ массъ, которыя или посредствомъ сопротивленія не позволяютъ ей обнаруживаться далѣе, или раздѣляя ее на большій кругъ объектовъ, дѣлаютъ незамѣтною для нашего наблюденія. Поэтому, при объясненіи каждаго позднѣйшаго состоянія, должно считать продолжающееся дѣйствіе прежняго въ томъ видѣ, какой оно имѣло въ данное мгновеніе, однимъ условіемъ, а сумму всѣхъ новыхъ обстоятельствъ, другимъ условіемъ новаго результата.

Такимъ образомъ эти разсужденія необходимо заставляютъ насъ объяснять каждую измѣнчивость въ образѣ дѣйствія, каждое многоразличіе развитія и всю многосторонность обнаруженій, какую мы встрѣчаемъ въ

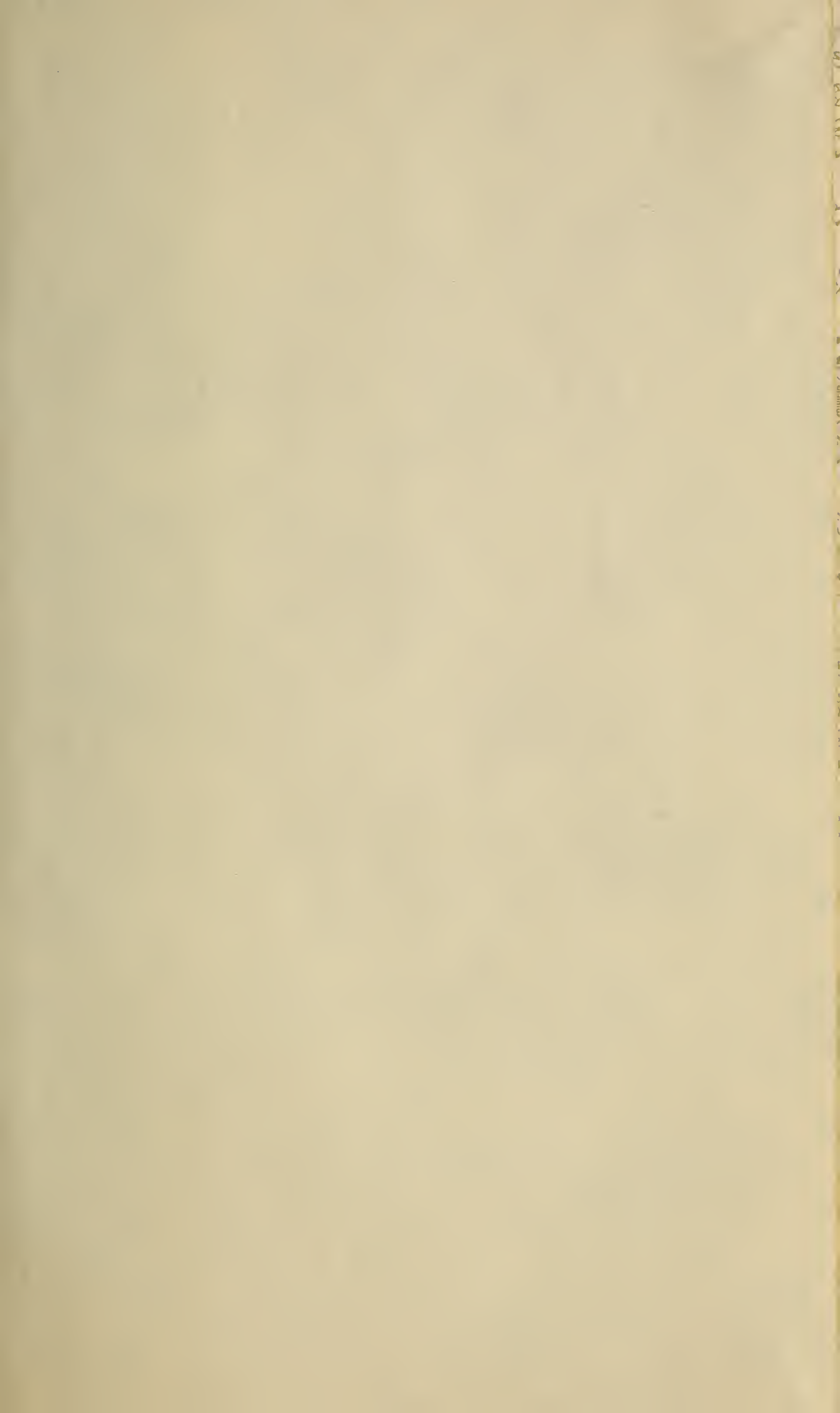
произведеніяхъ природы, частью внутренними движеніями, которыя безостановочно преобразуютъ отношенія ихъ собственныхъ частей, частью смѣняющимися отношеніями, которыя соединяютъ ихъ съ внѣшнимъ міромъ. Но почти все, что въ природѣ приковываетъ къ себѣ наше самое живое участіе, относится къ этой области измѣнчивыхъ явленій, и между всѣми ними особенно привлекаютъ наше вниманіе органическая жизнь и взаимная звязь между духовной и вещественной областью природы. Наука неминуемо должна распространить основныя правила своего изслѣдованія и на эти явленія, и точно также неминуемо по крайней мѣрѣ на время навлечь на себя подозрѣніе, будто она изгоняетъ изъ всего міра истинную внутреннюю жизненность его существъ. Если наше сердце чтитъ образъ жизни именно потому, что видитъ во всемъ ея многоразличіи только связную полноту, во всей подвижной многосторонности ея развитія, только постепенное раскрытіе одного и того же никогда не утрачиваемаго характера; то мы не можемъ отрицать, что наука отнимаетъ цѣну у этого прекраснаго образа, слагая его отдѣльныя черты изъ множества отдѣльныхъ условій, не знающихъ ничего другъ о другѣ. Для нея вещи не имѣютъ источника своей жизни въ самихъ себѣ; смѣняющіяся обстоятельства производятъ между ними измѣнчивыя событія; хотя мы и называемъ ихъ жизнью вещей, но не можемъ сказать, что̀ внутренно связываетъ въ одно цѣлое, этотъ водоворотъ событій, текущихъ другъ подлѣ друга. Естествознаніе всегда упрекали во внѣшнемъ, мозаическомъ сложеніи того, что

по видимому можетъ имѣть цѣну для насъ только тогда, когда происходитъ изъ одного начала, и мы вовсе не требуемъ, чтобы его болѣе не упрекали въ этомъ. Но несправедливо къ этому упреку въ разрушеніи единства жизни присоединяютъ еще тотъ, будто наука необходимо считаетъ безжизненными и лишенными внутренней сущности пунктами тѣ простые элементы, изъ соединенія которыхъ происходитъ все, и только внѣшнимъ образомъ связываетъ съ ними многоразличныя силы. Она только удерживается отъ положеній, которыя не нужны для достиженія ея ближайшихъ цѣлей; а для этихъ цѣлей ей, конечно, достаточно того предположенія, которое считаетъ атомы собственно соединительными средоточіями входящихъ и исходящихъ дѣйствій. Опытъ показываетъ намъ, что внутреннія состоянія не обнаруживаютъ никакого преобразовательнаго вліянія на законность ихъ дѣйствій; поэтому мы должны опускать эти состоянія при изученіи явленій изъ вниманія, но отнюдь не изгонять ихъ изъ всего нашего міросозерцанія.

Если естествознаніе разлагаетъ единство сложныхъ явленій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что каждый отдѣльный элементъ мозаики, которую она ставитъ на его мѣсто, лишенъ внутренней жизни.

Такимъ образомъ все, что возбуждало наше участіе въ содержаніи чувственности, можетъ получить объективное бытіе въ этихъ существахъ, и безчисленныя событія, о которыхъ говоритъ намъ не непосредственное ощущеніе, а научное изслѣдованіе могутъ не теряться напрасно, и внутри веществъ, служить поводомъ къ

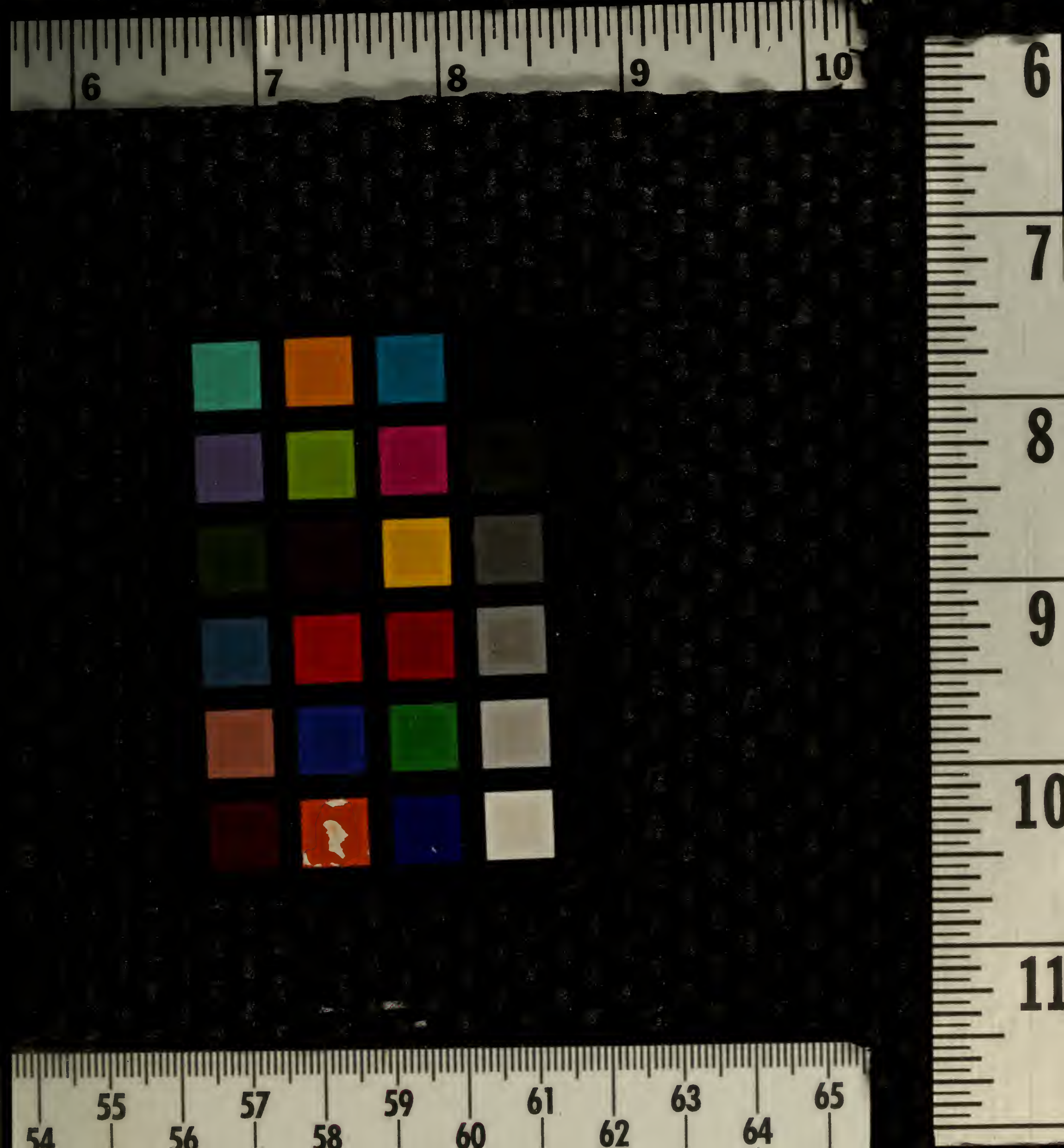
другъ друга, или убѣгаютъ одни отъ другихъ: но мы не стоимъ въ средоточіи міра и творческой мысли, выражающейся въ немъ, и потому не можемъ изъ недоступнаго намъ полнаго познанія духовнаго существа выводить въ видѣ необходимыхъ слѣдствій определенные законы физическихъ процессовъ. Здѣсь, какъ часто и въ другихъ случаяхъ, для ограниченности человѣческой точки зрѣнія путь знанія отличенъ отъ того пути, которымъ развивается природа вещи; намъ остается только у опыта подстерегать законы, дѣйствующіе на крайнихъ развѣтвленіяхъ дѣйствительности, а относительно совокупности чувственнаго міра только питать убѣжденіе, что она есть покровъ безконечной духовной жизни.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
DOBBS BROS.
LIBRARY BINDING
ST. AUGUSTINE
FLA.
32084

1 U.S.A. 2 3 4